
ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 2 (78) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук** по группе научных специальностей
20.00.00 — Военные науки (№ 823
Перечня по состоянию на 21.02.2023)

В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта
2019 г. издание было включено в указан-
ный Перечень по группе научных специ-
альностей 12.00.00 — Юриспруденция

В соответствии с информационным
письмом ВАК Минобрнауки России
от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 издание
отнесено **ко второй категории** журналов
Перечня ВАК

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Землин А.И., Иванов Г.В., Ханько В.В. Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике	9
Теория и история военного права	
2. Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов в системе права России	15
3. Сугаипова А.М. Становление и эволюция в российском праве ответственности за деяния, причиняющие вред здоровью человека	31
4. Харитонов В.С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма	46
Военно-административное право	
5. Глухов Е.А. Концепция административно-правового реформирования деятельности органов военного управления	49
6. Зайков Д.Е. Наградная система в Вооруженных Силах Российской Федерации: проблемы правового регулирования	62
7. Роганов С.А. Профилактика коррупционных проявлений в войсках национальной гвардии через призму совершенствования законодательства Российской Федерации	69
8. Свининых О.Ю., Глухов М.М. Некоторые аспекты административно-деликтной юрисдикции пограничных органов с участием юридических лиц	74
Военные аспекты земельного и гражданского права	
9. Федосеев А.А. Воинская часть как должник в исполнительном производстве	83
10. Шанхаев С.В. Некоторые аспекты правового режима и правоприменения в сфере использования земель обороны и безопасности	91
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
11. Кириллов Н.П. Социально-правовые проблемы военных конфликтов и пути их решения.....	100
12. Феоктистова О.Ю. Пенсионное обеспечение лиц, участвовавших в специальной военной операции, и их семей	105
Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность	
13. Заказнова А.Н., Харитонов С.С. К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика военных судов	110

14. Корякин В.М.	
Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы	116
15. Минтягов С.А.	
Особенности применения военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации и полицией МВД России физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств: сравнительно-правовой анализ	123
16. Сынков Н.В.	
Особенности производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции в Вооруженных Сил Российской Федерации	129
17. Шнякина Т.С., Харченко М.В.	
О соотношении административно-правовых статусов прокурора и военного прокурора	138
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
18. Абдрахманова Д.А.	
Правовые основания уголовной ответственности за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением (ст. 356 УК РФ)	150
19. Борисов А.В.	
Проблемы, практика применения и возможности совершенствования положений об ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ	156
20. Бычков В.В., Гирько С.И., Харченко С.В., Шурухнов В.А.	
Противодействие украинскими военнослужащими расследованию совершенных ими военных преступлений	162
21. Власов С.Ю., Харитонов С.С.	
О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами	168
22. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г.	
Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции.....	172
23. Назаров А.А.	
Закономерности и криминогенная детерминация мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат	177
24. Попов К.И.	
Правомерное причинение вреда при противодействии преступности	183
25. Суденко В.Е.	
Следственные ситуации, возникающие при расследовании организованных преступлений	187
26. Чукин Д.С.	
О некоторых особенностях правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния в сфере военно-служебных отношений	196
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
27. Антонов В.И.	
Эволюция правовых основ миротворческого потенциала Организации Договора о коллективной безопасности	204
28. Глебов И.Н.	
Миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе: правовые условия и существующие проблемы	212

29. Лагашкина Ю.В.

Опыт реализации права граждан на замену военной службы альтернативной гражданской службой в зарубежных странах **217**

30. Рогатков М.В.

Военная полиция в Российской Федерации и США: сравнительный анализ правового положения и полномочий в области расследования преступлений **224**

31. Холиков И.В., Апросимов А.В.

Преступление геноцида в практике органов международного правосудия **231**

Указатель сокращений

абз. — абзац

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации

ВВС — Военно-Воздушные Силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВАИ — Военная автомобильная инспекция

ВАС РФ — Высший Арбитражный Суд Российской Федерации

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет

ВУС — военно-учетная специальность

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ДНР — Донецкая Народная Республика

ЗК РФ — Земельный кодекс Российской Федерации

ЕИС — Единая информационная система

ЕСПЧ — Европейский Суд по правам человека

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КМС — Коллективные миротворческие силы

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГП — международное гуманитарное право

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МККК — Международный Комитет Красного Креста

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МТБЮ — Международный трибунал по бывшей Югославии

МТР — Международный трибунал по Руанде

МУС — Международный уголовный суд

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НКР — Нагорно-Карабахская Республика

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ОМОН — отряд милиции особого назначения

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

п. — пункт

подп. — подпункт

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Роскомнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Роспотребнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Рослесхоз — Федеральное агентство лесного хозяйства

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки безопасности Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СМП — Северный морской путь

СНГ — Содружество Независимых Государств

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УГиКС ВС РФ — Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации

УИК РФ — Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

ЦБ РФ — Центральный банк Российской Федерации

ч. — часть

ШОС — Шанхайская Организация Сотрудничества

ЮАР — Южно-Африканская Республика

Правовое обеспечение национальной безопасности

Правовые вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в Арктике

© **Землин Александр Игоревич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, профессор ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации

© **Иванов Георгий Викторович**,
доктор военных наук, доцент ФГКВОУ ВО
«Военная академия Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации

© **Ханько Владимир Владиславович**,
председатель гарнизонного военного суда

Аннотация. Актуальность проблем обеспечения национальной безопасности в Арктическом регионе правовыми средствами приобретает в последнее время особое значение в силу того, что со стороны иностранных государств усилились территориальные претензии к Российской Федерации. Цель исследования состоит в критическом осмыслении недостатков правового обеспечения интересов России в Арктике и выработке на этой научно обоснованных предложений по совершенствованию системы правовых мер по минимизации угроз национальной безопасности в последующем. В работе по результатам осуществления историко-правового анализа определены обстоятельства, существенные для установления правового режима использования арктических территорий, установленные в различные исторические этапы актами национального права. С использованием методик сравнительно-правового и формально-догматического анализа проанализированы действующие в настоящее время правовое закрепление границ, режимы судоходства и кораблевождения в акватории Северного морского пути, а также административное деление сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Полученные результаты позволили адекватно оценить степень достаточности и качества правовой основы обеспечения присутствия России, защиты ее национальных интересов в Арктике, раскрыть коллизии и пробелы правового обеспечения национальной безопасности в Арктике, сформулировать предложения по их устранению.

Ключевые слова: правовое обеспечение; национальная безопасность; арктический шельф; статус Арктики.

Legal issues of ensuring the national security of the Russian Federation in the Arctic

© **Zemlin A.I.**,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the
Russian Federation, Professor of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

© **Ivanov G.V.**,
Doctor of Military Sciences, Associate Professor of
FGKVOU HE "Military Academy of the General
Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

© **Hanko V.V.**,
Chairman of the Garrison Military Court

Annotation. The urgency of the problems of ensuring national security in the Arctic region by legal means has recently acquired particular importance due to the fact that territorial claims against the Russian Federation have intensified on the part of foreign states. The purpose of the study is to critically comprehend the shortcomings of the legal provision of Russia's interests in the Arctic and to develop on this basis scientifically sound proposals for improving the system of legal measures to minimize threats to national security in the future. In the work, based on the results of the historical and legal analysis, the circumstances essential for the establishment of the legal regime for the use of the Arctic territories, established at various historical stages by acts of national law, are determined. The methods of comparative legal and formal dogmatic analysis are used to analyze the current legal consolidation of borders, modes of navigation and navigation in the waters of the Northern Sea Route, as well as the administrative division of the land territories of the Arctic zone of the Russian Federation. The results obtained made it possible to adequately assess the degree of sufficiency and quality of the legal basis for ensuring Russia's presence and protecting its national interests in the Arctic, to uncover conflicts and gaps in the legal provision of national security in the Arctic, and to formulate proposals for their elimination.

Keywords: legal support; national security; Arctic shelf; status of the Arctic.

Национальная стратегия США для арктического региона (2022)¹ рассматривает Арктику как зону особых интересов США, что вполне естественно формирует повышенные риски национальным интересам и угрозы национальной безопасности России в этом регионе, а также предопределяет интерес к данной проблематике представителей военно-правовой науки тем более, что экономический и транспортный потенциал Арктики, потенциал северных морей и недр все более возрастает. При этом небезосновательно подчеркивается, что доступ к этому региону предоставляет возможность использования Северного морского пути².

В целях укрепления своего положения в Арктике в 2020 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»³. Стратегией определено, в том

числе, значение исследуемого региона для социально-экономического развития России.

В этих условиях Российской Федерации необходимо противостоять угрозам национальной безопасности в Арктике правовыми средствами, суть применения которых сводится к минимизации рисков юридического характера. Указанные риски безусловно либо при определенных условиях способны повлечь за собой явления или процессы, потенциально опасные для национальных интересов России. При этом к юридико-правовым опасностям и угрозам правотворчества в сфере права можно отнести такие, как: несоответствие законов реальной социально-экономической ситуации, принятие непродуманного в политико-правовом аспекте либо дефектного с юридической точки зрения акта, неверную реализацию права⁴.

Недостатки правового регулирования, неоднозначности, коллизии и пробелы правового регулирования, как показывает практика, могут служить основанием для утраты суверенитета России над территориями, богатыми природными ресурсами, основанием для ограничения судоходства, либо поводом для предъявления территориальных претензий, влекущими за собой возможность военных

¹ Национальная стратегия для арктического региона. Октябрь 2022 г., Белый дом. Вашингтон. National Strategy for the Arctic Region. The White House Washington, USA, October 2022. — 15 p

² Холиков И.В., Куприянович М.С. Национальные интересы Российской Федерации по поддержанию безопасности в Арктическом регионе // Транспортное право и безопасность. 2022. № 3(43). С. 23.

³ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».

⁴ Жудро И.С. Исторические правооснования России в Арктике: современная концепция защиты : монография. Архангельск: САФУ, 2018. С. 33—37.

конфликтов.

Анализ показывает, что в условиях санкционного давления, специальной военной операции на Украине русская Арктика, по сути, выбрана местом для открытия против Российской Федерации «второго фронта», в том числе с использованием средств не только невоенного характера. С учетом анализа положений принятой США Национальной стратегии для арктического региона следует ожидать еще более решительных и агрессивных действий стран НАТО на этом направлении уже в начале 2023 г., с нарастанием в среднесрочной и долгосрочной перспективе противостояния в последующем. Предпринимаемые против Российской Федерации меры будут осуществляться с их активным информационным и правовым сопровождением, с задействованием максимально возможных международных и национальных организаций и союзов. В этих условиях еще более возрастает значение безупречной правовой основательности, активности и системности позиции Российской Федерации, поддержанной, естественно, соответствующим военным потенциалом государства¹, основанной на достижениях правовой науки².

Особо важным следует признать научное сопровождение политических инициатив и правозначимых действий государства с учетом достижений науки, использованием методологии военно-правового исследования³.

Особо следует отметить позицию США, отличающуюся крайней степенью

¹ Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6. С. 233.

² Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5. С. 13, 9; Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 41—42.

³ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум М.: Кнорус, 2021. С. 54—55; Землин А.И., Корякин В. М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021.

цинизма, поскольку упомянутая ранее Стратегия (2022) не предусматривает участия этого государства в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., тогда как, судя по положениям документа, навязывание России необходимости соблюдения положений Конвенции будет все более усиливаться.

Таким образом, очевидно, что США рассчитывают использовать сложившуюся обстановку для наращивания присутствия НАТО в Арктике, стимулировать и дальше усилия по расширению привлекаемых для этого ресурсов. Эти действия сопровождаются процедурами по вступлению Финляндии и Швеции в НАТО. Очевидно, что США предполагают использовать также и КНР для вытеснения России из принадлежащего ей сектора Арктики. Анализ показывает, что за последнее десятилетие КНР удвоила свои инвестиции, сосредоточив внимание на добыче важнейших полезных ископаемых, расширила свою научную деятельность и использовала эти научные обязательства для проведения исследований двойного назначения с разведывательными или военными приложениями в Арктике. КНР расширила свой ледокольный флот и впервые отправила военные корабли в Арктику. Другие неарктические страны также увеличили свое присутствие, инвестиции и деятельность в Арктике.

Следует констатировать, что сложившаяся ситуация обуславливает необходимость принятия комплексных мер для обеспечения национальных интересов России в Арктике. Немаловажное значение имеют при этом правовые средства⁴.

В настоящее время наиболее проблемными с правовой точки зрения и значимыми для обеспечения национальных интересов России в Арктике, по нашему мнению, следует признать вопросы, связанные с режимом

⁴ Chernogor, N. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport / N. Chernogor, A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova // E3S Web of Conferences Том 2035 November 2020 050192020 — Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna, EBWFF 2020, 23-24 September 2020.

эксплуатации Северного морского пути¹.

Правовой основой для определения принадлежности и порядка эксплуатации Северного морского пути (далее — СМП) является Федеральный закон от 31 июля 1998 года №155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», в ст. 14 которого установлено, что СМП является исторически сложившейся транспортной коммуникацией Российской Федерации и плавание по этой коммуникации осуществляется в соответствии с данным законом, иными федеральными законами, международными договорами Российской Федерации и правилами плавания по трассам СМП.

В Законе особо отмечено, что Северный морской путь является исторически сложившейся транспортной коммуникацией, так как начало работы Северной морской экспедиции (1725—1743) было положено еще в эпоху царствования императора Петра I. Экспедицией были описаны побережья Северного ледовитого океана от устья Печоры до Берингова пролива, были изданы 64 карты. Позднее, уже Михаил Васильевич Ломоносов выступал с инициативой освоения Северного морского пути. В советское время, в 1932 г. было создано Главное управление Северного морского пути (Главсевморпути) при Совете народных комиссаров СССР, в круг задач которого входила организация освоения Арктики и обеспечение плавания судов по СМП².

Указанные крайне абрисно описанные исторические аспекты, подробно рассмотренные в трудах ряда специалистов³, имеют существенное правовое значение, свидетельствуя о том, что СМП исторически принадлежит России и является ее транспортной коммуникацией.

В соответствии со ст. 21 Конвенции 1982 г. Россия не имеет права запрещать иностранным судам мирно проходить в акватории СМП, за исключением необходимости обеспечения безопасности судоходства и регулирования движения судов, защиты навигационных средств и оборудования, а также иных сооружений, защиты кабелей и трубопроводов, сохранения живых ресурсов моря, предотвращения нарушения рыболовных законов и правил, сохранения окружающей среды, предотвращения нарушения таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов Российской Федерации. В то же время, в соответствии со ст. 22 Конвенции, Россия имеет право требовать от иностранных судов использовать такие морские коридоры и схемы разделения движения, которые оно может установить или предписать для регулирования прохода судов.

Очевидно, что для обеспечения национальных интересов России при организации судоходства в акватории СМП необходима разработка научно обоснованных предложений по установлению правовых оснований для введения соответствующих ограничений судоходства в интересах обеспечения безопасности судоходства и регулирования движения судов, защиты сооружений, защиты кабелей и трубопроводов. При этом должны быть всесторонне просчитаны и при разработке правовых актов учтены все возможные риски, связанные с человеческим фактором⁴, возможным отказом техники⁵, актами незаконного вмешательства⁶.

Существенные возможности для установления справедливых и юридически

¹ Там же. С. 23.

² Жудро И.С. Указ. соч.

³ Войтоловский Г.К. Теория и практика морской деятельности. Вып. 5. М.: СОПС, 2005; Жудро И.С. Указ. соч.; Титушкин В.Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике // Международное морское право. М.: МГИМО МИД РФ, 2014. С. 222—253.

⁴ Bagreeva E.G., Zemlin A.I., Shamsunov S.K. Does Environmental Safety Depend Upon the Legal Culture of Transport Specialists? // *Ekoloji*. 2019. Т. 28. № 107. Р. 4963

⁵ Bagreeva E.G., Zemlin A.I., Shamsunov S.K. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects // *Turismo-estudos e praticas*. — FEB 2021. Р. 238.

⁶ Zemlin A., Kharlamova Y., Pishchelko A., Zemlin A. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy // *Kutafin University Law Review*. Volume 7. Issue 1. 2020. P. 68.

обоснованных правил, обеспечивающих соблюдение национальных интересов России при организации судоходства в акватории СМП, предоставляет реализация такого направления нормотворчества, как установление правовых и организационных основ сохранения живых ресурсов моря, окружающей среды, обеспечения экологической безопасности региона. При этом вопросы обеспечения экологической безопасности на транспорте, как неоднократно отмечалось, относятся к числу наиболее проблемных, вызывающих международный резонанс, что следует в обязательном порядке учитывать при реализации указанного направления нормотворчества¹.

Широкое поле для обеспечения национальных интересов России при организации судоходства в акватории СМП представляют акты, разрабатываемые и принимаемые в целях предотвращения нарушения таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов Российской Федерации. Опыт противодействия распространению эпидемий и пандемий правовыми средствами самых «демократичных» стран показывает, что при возникновении угроз заражения предпринимаются draconianские меры изоляционистского характера². Обоснованно утверждается, что вводимые при этом актами национального законодательства ряда иностранных государств ограничительные правила характеризовались абсолютным пренебрежением к нормам международного права.

Никоим образом не претендуя окончательно на выводы о направлениях правового обеспечения национальной безопасности России в Арктике, полагаем, что изложенная позиция в полной мере соответствует основам государственной политики Российской Федерации в Арктике на пери-

од до 2035 года³, своевременно и отражает национальные интересы России. Реализация сформулированных направлений минимизации рисков и угроз национальной безопасности России в Арктике с использованием предложенных правовых средств может послужить основой для формирования системно упорядоченных и эффективных механизмов правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе решения задач обеспечения национальной безопасности России в Арктическом регионе в условиях беспрецедентного усиления внешних угроз со стороны недружественных государств и военно-политических блоков.

Библиография

1. Войтоловский Г.К. Теория и практика морской деятельности. Вып. 5 / Г.К. Войтоловский. — М.: СОПС, 2005.
2. Жудро, И.С. Исторические правооснования России в Арктике: современная концепция защиты : монография / И.С. Жудро. — Архангельск: САФУ, 2018.
3. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: Кнорус, 2021. — 228 с.
4. Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663
5. Землин, А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233-237. EDN: SLNHFA
6. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 8—14.
7. Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации / А.И. Землин // Вестник военного права. — 2016. — № 3. — С. 39—46.
8. Титушкин, В.Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике / В.Ю. Титушкин //

¹ Bagreeva E.G., Zemlin A.I., Shamsunov S.K. Указ. соч.

² Chernogor N., Zemlin A., Kholikov I., Mamedova I. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport // E3S Web of Conferences Том 2035 November 2020 050192020 — Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna, EBWFF 2020, 23—24 September 2020.

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

Международное морское право. — М.: МГИМО МИД РФ, 2014.

9. Холиков, И.В. Национальные интересы Российской Федерации по поддержанию безопасности в Арктическом регионе / И.В. Холиков, М.С. Куприянович // Транспортное право и безопасность. — 2022. — № 3(43). — С. 20—31.

10. Bagreeva, E.G. Does Environmental Safety Depend Upon the Legal Culture of Transport Specialists? / E.G. Bagreeva, A.I. Zemlin, S.K. Shamsunov // Ekoloji. — 2019. — Т. 28. — № 107. — P. 4961—4965. EDN: ISIPID

11. Bagreeva, E.G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects / E.G. Bagreeva, A.I. Zemlin, S.K. Shamsunov // Turismo-estudos e praticas. — FEB 2021. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>

12. Bagreeva, E.G. Environmental Safety Conditions in the Transport Sector by Improving the Culture of Lawmaking / E.G. Bagreeva, S.K. Shamsunov, A.I. Zemlin // Ekoloji. — 2019. — Т. 28. — № 107. — P. 4071-4076. — eLIBRARY ID: 38665656.

EDN: LZIWEC

13. Chernogor, N. Impact of the spread of epidemics, pandemics and mass diseases on economic security of transport / N. Chernogor, A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova // E3S Web of Conferences. Том 2035 November 2020 050192020 — Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna, EB-WFF 2020, 23—24 September 2020 // DOI: 10.1051/e3sconf/202020305019.

EDN: YFNOWY

14. Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova, O. Zemlina // IOP Publishing Ltd, "International Science and Technology Conference "Earth Science" — Chapter 3", 2021, 42002 // DOI: 10.1088/1755-1315/666/4/042002.

EDN: APNNDT

15. Zemlin, A. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy / Y. Kharlamova, A. Pishchelko, A. Zemlin // Kutafin University Law Review. — Volume 7. — Issue 1. 2020. — P. 67—78 DOI 10.17803/2313-5395.2020.1.13.067-078. EDN: YSCBWQ

Теория и история военного права

Право вооруженных конфликтов в системе права России

© **Кудашкин Александр Васильевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
руководитель отделения военного права
Академии военных наук

Аннотация. Международное гуманитарное право (МГП) является отраслью международного публичного права. Вместе с тем, исходя из конкретно-исторических условий развития государства в нем может формироваться самостоятельная область общественных отношений, возникающих по поводу подготовки и ведения вооруженной борьбы, которая регулируется нормами национального права, входящими во внутреннюю правовую систему данного государства. Россия не является исключением, и вполне очевидно, что в военном праве, являющемся самостоятельной отраслью системы права России, под влиянием ряда условий сформировалась подотрасль права вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военное право, право вооруженных конфликтов, предмет и метод правового регулирования, подотрасль права, источники права вооруженных конфликтов.

The law of armed conflicts in the Russian legal system

© **Kudashkin A.V.**,
Head of the Department of Military Law of the
Academy of Military Sciences, Doctor of Legal
Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian
Federation

Abstract. International humanitarian law (IHL) is a branch of public international law. At the same time, based on the concrete historical conditions of the development of the state, independent area of public relations can be formed in it, arising from the preparation and conduct of armed struggle, which is regulated by the norms of national law that are part of the internal legal system of this state. Russia is no exception, and it is quite obvious that in military law, which is an independent branch of the Russian legal system, a sub-branch of the law of armed conflicts has been formed under the influence of a number of conditions.

Key words: international humanitarian law, military law, law of armed conflicts, subject and method of legal regulation, sub-branch of law, sources of law of armed conflicts.

Понятие права вооруженных конфликтов (ПВК). Среди видов отношений между государствами (и негосударственными субъектами мировой политики) значительное место занимает принуждение, самая радикальная форма которого — военное насилие¹, осуществляемое, в том числе, в

ходе войны и иного вооруженного конфликта².

¹ Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны / 2-е изд. М., 2019. С. 7, 8.

² См. подробнее: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34; Военное право / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. Том I. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. Том III. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

Традиционно главной чертой войны и иного вооруженного конфликта является вооруженная борьба, осуществляемая специально создаваемым и развиваемым особым государственным институтом — вооруженными силами. Однако в современных условиях вооруженную борьбу ведут также добровольческие воинские формирования, иные вооруженные формирования, в том числе, частные военные компании. Современные войны (вооруженные конфликты) тесно переплетаются с невоенными средствами и формами противоборства (напр., киберпротивостояние, покушающееся на военную безопасность государства), что, безусловно, сказывается на способах ведения вооруженной борьбы.

Реалии таковы, что понимание вооруженного противоборства в современных условиях вышло за традиционные рамки, и для современного миропорядка является не характерным ведение классических войн. Современное понятие «вооруженный конфликт» отличается от традиционного понятия «война». Сегодня мир оперирует понятиями «гибридная война», «непреднамеренная ядерная война», «мятежевойна» (когда традиционное военное противостояние дополняется гражданской войной и деятельностью преступных организаций) и рядом других понятий и терминов.

Правовое оформление начала и окончания войны (вооруженного конфликта) имеет принципиальное значение, поскольку война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно складывается воля к борьбе путем сражения¹. В современной интерпретации следует отметить, что именно применение вооруженной силы порождает возможность задействовать правовые механизмы сдерживания агрессии, а в случае ее начала — применять правила ведения боевых действий и способы защиты ее участников и жертв посредством реализации комплекса мер, предусмотренных международным

гуманитарным правом и иным правовым инструментарием (имеется в виду национальное законодательство).

По своему содержанию МГП представляет собой применяемую в период вооруженных конфликтов систему правовых принципов и норм, содержащихся в международных договорах (соглашениях, конвенциях, протоколах) или являющихся следствием установившихся обычаев ведения боевых действий.

Одновременно с термином МГП в международно-правовых документах и комментариях к ним применяется термин «право вооруженных конфликтов», из чего следует вопрос о соотношении этих двух терминов².

Международный Комитет Красного Креста (МККК) термин «право вооруженных конфликтов» (ПВК) считает синонимом «международного гуманитарного права» или «права войны». МККК, международные организации, высшие учебные заведения и государства предпочитают термины «международное гуманитарное право», военные — «право вооруженных конфликтов». По мнению Э. Давида такая область правоотношений называется *правом вооруженных конфликтов*, что соответствует мировой практике³.

Современное военное право — это, прежде всего, право войны и вооруженных конфликтов, а также иных форм противостояния, покушающихся на военную без-

² Кудашкин А.В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2. С. 81—88; Его же. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Там же. № 12. С. 86—91; Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Там же. С. 6—29; Мельник Н.Н. Состояние военного права: к дискуссии о его понятии, структуре и путях развития // Там же. 2022. № 2. С. 2—9 и др.

³ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2011. С. 34; ICRC. The Law of Armed Conflict URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/law10_final.pdf (дата обращения: 01.06.2022).

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2.

опасность государства (напр., киберпротiwостояние)¹.

Не оспаривая МГП как совокупность принципов и норм, устанавливающих гуманитарные основы и правила ведения военных действий, которые привели к формированию самостоятельной отрасли международного публичного права, отметим, что нормы МГП, имплементированные в национальное право, образуют самостоятельную правовую общность (группу правовых норм), которые на национальном уровне регулируют не только отношения, традиционно охватываемые «жневским» и «гаагским» правом, но и иные отношения, складывающиеся в процессе подготовки и ведения военных операций, которые, например, в США именуется *оперативным правом*².

Полагаем, что национальный уровень правового регулирования вооруженных конфликтов охватывает:

— отношения по защите жертв вооруженных конфликтов (основы регулирования заложены в «жневском» праве);

— отношения по применению средств и методов ведения вооруженной борьбы (основы регулирования заложены в «гаагском» праве);

— отношения по подготовке и ведению боевых действий (военных операций) и иных форм невооруженного противоборства, влияющих на военную безопасность государства (национальный уровень правового регулирования).

Нормы права, регулирующие указанные отношения, в совокупности составляют подотрасль российского военного права, которую мы именуем право вооруженных конфликтов.

¹ См. подробнее: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 18—20; Хомчик В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199—203.

² Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1. С. 62—71.

Соотношение МГП И ПВК. Вопросы ведения вооруженной борьбы и защиты жертв вооруженных конфликтов традиционно рассматриваются в рамках науки международного права, в которой, как отмечается до сих пор, нет единого понятия, определяющего отрасль права, к которой относятся регулируемые отношения³. Среди ученых отсутствует единство мнений относительно содержания и места этой отрасли в системе современного международного права⁴, поскольку, как уже было отмечено ранее, термины «международное гуманитарное право» и «право вооруженных конфликтов» применяются иногда как синонимы, а иногда дифференцируются.

Более того, традиционным для ученых является отождествлением права вооруженных конфликтов именно с международным правом⁵. Под *правом вооруженных конфликтов* они понимают самостоятельную отрасль международного права — совокупность общепризнанного принципа соблюдения законов и обычаев войны и специальных (отраслевых) принципов и норм международного права, регламентирующих отношения между воюющими и затронутыми войной субъектами международного права по поводу начала войны и ее последствий, театра войны, участников войны, средств и методов ведения войны, нейтралитета, защиты жертв войны, прекращения войны и ответственности физических лиц за нарушение этих норм⁶.

Отождествляя «право вооруженных конфликтов» и «международное гумани-

³ Батырь В.А. Международное гуманитарное право : учеб. для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

⁴ Арцибасов И.Н., Егоров В.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М., 1989. С. 15.

⁵ См. например: Гуторова А.Н. Роль и место права вооруженных конфликтов в международном праве // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : сборник научных статей. Выпуск 1. Курск, 2016. С. 44—51; Голованов С.В. Теоретико-правовые проблемы толкования понятий права вооруженных конфликтов и история развития международного права // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні (Минск). 2013. № 3. С. 26—34 и др.

⁶ См. например: Международное право : учеб. для вузов / отв. ред. Г.М. Мелков. М., 2009. С. 594.

тарное право»¹, указывается, что соответствующая группа норм международного права «иногда условно именуется "право вооруженных конфликтов"» и включает ряд договорных и обычно-правовых принципов и норм, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов *международного права* относительно применения средств и методов ведения вооруженной борьбы, регулирующих отношения между воюющими и нейтральными сторонами и определяющих ответственность за нарушение соответствующих принципов и норм².

Более того, высказано мнение, что попытка расширительного толкования понятия «международное гуманитарное право» может породить сложные, трудноразрешимые методологические проблемы, приведет к «вмешательству» в другие отрасли международного права и даже (в какой-то ограниченной сфере) в сферу внутригосударственного права³. Именно такой подход породил ситуацию, в которой пласт отношений, урегулированных правом, практически «остался за бортом» правовых исследований, что породило правомерные вопросы, что же является предметом и методом правового регулирования ПВК, каковы его специфические особенности как нормативного образования?

Действительно, термин «международное гуманитарное право» широко используется в текстах международных договоров, резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, декларациях и других актах⁴.

¹ Международное право : учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 824.

² Международное право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 778.

³ Гуторова А.Н. Указ. соч. С. 46.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3318 (XXIX) «Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов». Текст Резолюции официально опубликован не был; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Нью-Йорк, 10 октября 1980 г.); Действующее

международное право : сб. Т. 2. М., 1997. Конвенция подписана от имени СССР 10 апреля 1981 г., ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1982 г. № 7248-Х. Ратификационная грамота СССР сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 10 июня 1982 г. Конвенция вступила в силу для СССР 2 декабря 1983 г.; Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.), прилагаемый к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // Бюл. междунар. договоров. 2006. № 1. Российская Федерация ратифицировала Протокол Федеральным законом от 7 декабря 2004 г. № 158-ФЗ. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 2 сентября 2005 г.; Протокол по взрывоопасным пережиткам войны (Протокол V к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие) (Женева, 28 ноября 2003 г.) // Бюл. междунар. договоров. 2009. № 6. Российская Федерация ратифицировала Протокол Федеральным законом от 16 мая 2008 г. № 72-ФЗ. Протокол вступил в силу для Российской Федерации 21 января 2009 г.; Конвенция «О запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении» (Осло, 18 сентября 1997 г.). Текст Конвенции официально опубликован не был; Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (Гаага, 26 марта 1999 г.). Текст Протокола официально опубликован не был; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106 «Конвенция о правах инвалидов». Текст Резолюции официально опубликован не был; Конвенция о правах инвалидов. Вступила в силу 3 мая 2008 г.; Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955; Действующее международное право: сб. Т. 2. Конвенция принята и открыта для подписания, присоединения и ратификации Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 44/25 от 20 ноября 1989 г. Конвенция вступила в силу 2 сентября 1990 г. Конвенция подписана от имени СССР 26 января 1990 г., ратифицирована Постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 16 августа 1990 г. Конвенция вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.; Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят Резолюцией 54/263 на 97-м пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 25 мая

Под предметом права вооруженных конфликтов иногда понимаются отношения, возникающие в связи с закреплением и регулированием: применения вооруженными силами средств и методов войны; обеспечения основных прав жертв вооруженных конфликтов; ответственности за нарушения права вооруженных конфликтов¹. В таком контексте фактически происходит отождествление понятий «право вооруженных конфликтов» и «международное гуманитарное право».

Однако п. «b» ст. 16 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.² содержит оговорку о том, что Конвенция применяется без ущерба для *права вооруженного конфликта* (ПВК) и *международного гуманитарного права* (МГП), включая положения, касающиеся статуса комбатантов или военнопленных. Как видно, здесь *понятия ПВК и МГП не совпадают по своему содержанию*. Этот момент имеет ключевое значение, поскольку допускает возможность существования, кроме международно-правового, и иного регулирования вопросов ведения боевых действий в период вооруженных конфликтов, т.е. национального правового регулирования.

Международное гуманитарное право, международные конвенции и договоры

включают обязательства Российской Федерации и подлежат имплементации в национальное законодательство, в том числе и в целях регулирования отношений, связанных с участием в совместных операциях за пределами страны.

По мнению некоторых ученых³, термин «право вооруженных конфликтов» («правила ведения вооруженной борьбы») сужает предмет регулирования МГП как отрасли международного права, поскольку уже предполагает начало такой борьбы, а указание на «правила» говорит о наличии комплекса исключительно технических норм. Этот термин не охватывает правоотношения, которые возникают в связи с такой борьбой. В отдельных изданиях при определении данной отрасли права указывается, что «речь идет о правилах ведения войны»⁴.

Не оспаривая МГП как совокупность принципов и норм, устанавливающих правила ведения вооруженной борьбы, которые привели к формированию самостоятельной отрасли международного публичного права, *имплементированные* в наше законодательство нормы МГП (поскольку иначе они не являются нормами прямого действия) вкупе с нормами, регламентирующими применение вооруженных сил в условиях различных особых правовых режимов, образуют отдельную группу правоотношений, составляющих предмет правового регулирования права вооруженных конфликтов (подотрасли военного права).

Международное гуманитарное право — это совокупность международно-правовых норм и принципов, направленных, *прежде всего, на ограничение негативных последствий вооруженных конфликтов*, защиту лиц, не участвующих или прекративших свое участие в военных действиях, на ограничение средств и методов ведения военных действий⁵. Однако нормы МГП не регламентируют *детально применение военной силы* в мирное время,

2000 г., Нью-Йорк) // Бюл. междунар. договоров. 2009. № 5. Протокол подписан от имени Российской Федерации в г. Нью-Йорке 15 февраля 2001 г. Протокол вступил в силу 12 февраля 2002 г. Российская Федерация ратифицировала Протокол Федеральным законом от 26 июня 2008 г. № 101-ФЗ с заявлением. Ратификационная грамота сдана на хранение Генеральному секретарю ООН 24 сентября 2008 г.; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2006 г. № 61/177 «Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений». Текст Резолюции официально опубликован не был.

¹ Право вооруженных конфликтов : учеб. пособие. М., 2019. С. 11.

² Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.) // Действующее международное право : сб. Т. 2. Нью-Йорк: ООН, 1990. Конвенция вступила в силу 20 января 2001 г. Российская Федерация в Конвенции не участвует.

³ Батырь В.А. Указ. соч.

⁴ Международное право: учеб. / под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2010. С. 608.

⁵ См.: Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М., 2021. С.10.

в переходный период от мира к войне и в военное время. Эта задача решается в рамках национального правового регулирования, т.е. в рамках ПВК.

Отношения, урегулированные нормами ПВК, кроме правил и обычаев ведения вооруженной борьбы, касаются вопросов оперативно-тактического управления войсками. Эта сфера отношений традиционно выходила за пределы компетенции правовой науки и относилась к военным наукам (тактика, оперативное искусство, стратегия). Однако командная деятельность должна быть построена на праве, она протекает на основе и во исполнение законов и других правовых актов. Задача правовой науки — не вторгаясь в компетенцию командира на поле боя в принятии им решения о боевом применении подчиненных войск, не нарушая его самостоятельности как единоначальника, состоит в том, чтобы все-таки установить границы, за пределами которых для него может наступить ответственность. Именно данная область отношений охватывается понятием *право вооруженных конфликтов*.

Под правом вооруженных конфликтов понимается совокупность правовых норм различной юридической силы, регулирующих общественные отношения в период непосредственного применения средств и методов ведения боевых действий, правовое положение участников вооруженных конфликтов и ответственность за нарушение данных норм.

Характерными чертами правовых норм, регулирующих отношения, составляющие предмет ПВК, являются:

— категоричность, обеспечивающая подчинение воли всех военнослужащих воле командира, что является гарантией успешности боевой деятельности;

— императивность, требующая от лица определенных действий (или воздержания от них) в интересах выполнения боевой задачи;

— строгость и суровость мер принуждения для решения поставленных боевых задач.

Данные черты, в целом, присущи основной части правовых норм военного права. Однако применительно к ПВК каж-

дая из них достигает высшей степени своего проявления. Так, например, в условиях боевой обстановки, согласно ст. 9 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ), в случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного командир (начальник) может применить оружие.

Взаимосвязь МГП и ПВК заключается в том, что нормы ПВК формируются в том числе через механизм *имплементации*¹, когда происходит фактическая реализация международных обязательств на национальном уровне, способ включения норм МГП в национальную правовую систему, главное требование которой состоит в строгом следовании целям и содержанию норм МГП. Термин «имплементация» может быть использован для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право².

Для имплементации норм права вооруженных конфликтов на национальном уровне в юрисдикциях общего права принимаются законы в отношении обязательств из основных договоров, например, в виде Акта о Женевских конвенциях, Акта о Международном уголовном суде и т. п. В юрисдикциях континентального права все преступления, предусмотренные в этих договорах, включаются или в уголовный кодекс, или в военно-уголовный кодекс, или в оба. Не обязательно, что без принятия законов в целях соблюдения норм права вооруженных конфликтов национальные власти не смогут выполнять свои международные обязательства стран — участниц Женевских конвенций, но и само их соблюдение осложнено целями защиты государством своего суверенитета и опасениями какого-либо вмешательства в его внутренние дела. Нормы МГП, как правило, имплементируются в национальное за-

¹ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2021. № 3. С. 57—63.

² Черниченко С.В. *Международное право: современные теоретические проблемы*. М., 1993. С. 102.

конодательство. Так, например, запрет использования средств и методов ведения военных действий, способных причинить излишние страдания или повреждения, закреплен в военных руководствах, а его нарушение криминализовано в национальном праве различных государств¹.

В Российской Федерации нормы МГП имплементированы в российскую правовую систему в формах, указанных ниже.

Таким образом, *нормы МГП, имплементированные в российское военное законодательство, стали частью российской правовой системы, а нормы, разработанные на их основе, регулирующие конкретные правила планирования и ведения боевых действий, включены в подотрасль военного права России — право вооруженных конфликтов.*

Сфера применения ПВК является важным аспектом, поскольку действие его норм не распространяется на внутренние столкновения или беспорядки, отдельные акты насилия, но не настолько интенсивные, чтобы их признать немеждународным вооруженным конфликтом с учетом критериев их отличия от международных вооруженных конфликтов.

Решение о начале военных действий или фактическое их начало «запускает в действие» нормы права вооруженных конфликтов.

Предмет ПВК — отношения, возникающие в связи с закреплением и регулированием: применения вооруженными силами и иными воинскими формированиями² средств и методов войны; обеспечения основных прав жертв и участников вооруженных конфликтов; ответственность за нарушение установленных правил ведения вооруженной борьбы. Отношения вооруженной борьбы связаны с исключительной опасностью как для личности комбатанта и некомбатанта (жизнь и здо-

ровье индивидуального субъекта), так и для коллективных субъектов (воинских подразделений, военных и иных организаций), а также государства. Обособленные специфические отношения включают:

1) применение вооруженных сил и иных воинских формирований в боевых действиях, включая средства и методы боевых действий (напр., правила огневого поражения противника);

2) управление вооруженными силами и иными воинскими формированиями при подготовке их к боевым действиям (бою) и руководство ими при выполнении боевых задач;

3) проведение в связи с ведением боевых действий воинскими подразделениями операций, отличных от боевых (например, эвакуация граждан, персонала посольств из зоны вооруженного конфликта и т. п.) и др.

Содержание каждой перечисленной группы составляют конкретные виды отношений. Так, например, первая группа включает следующие отношения и соответствующие им правоотношения:

— по обороне и отходу войск (соединений и частей);

— по наступлению и преследованию противника;

— по встречному бою, бою в окружении и выходу из окружения;

— по режиму военного плена;

— по десантированию и ведению боевых действий;

— по комендантской службе и правовому режиму комендантского часа в период военного положения (военного времени);

— по ведению боя в населенном пункте;

— по режиму передвижения войск;

— по режиму расположения войск и др.

Все перечисленные военные отношения входят в предмет ПВК, образующего «ядро» военного права, и составляют его специфический автономный предмет.

Специфичными и не имеющими отношения к другим отраслям права являются отношения по обеспечению действий соединений и частей в вооруженном кон-

¹ Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека : моногр. / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

² Под вооруженными силами понимаются в том числе воинские формирования в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

фликте, а также видам боевого обеспечения (разведка, морально-психологическое обеспечение и др.).

Метод правового регулирования — это совокупность специфических приемов, способов, средств воздействия на участников отношений той или иной сферы общественной жизни. Метод правового регулирования ПВК устанавливает правила поведения сторон путем согласования их воли и закрепления их в национальном праве. Сфера действия ПВК указывает на пределы правового регулирования существующих на данный (текущий) момент норм ПВК, а его объективные границы определяются объектом регулирования и субъектами права. Объектом регулирования ПВК являются внутригосударственные отношения, поэтому выйти за их рамки оно не может.

Метод правового регулирования права вооруженных конфликтов *допускает легитимную возможность причинения ущерба противоборствующей стороне и «покушения» на самую главную ценность человека — его жизнь и здоровье в результате ведения боевых действий.*

Особенность метода правового регулирования военного права применительно к праву вооруженных конфликтов проявляется, во-первых, в исключительной императивности правовых норм, одновременно допускающих возможность диспозитивного регулирования в строго ограниченных исключительных случаях; во-вторых, только такой метод допускает легитимную возможность причинения ущерба противоборствующей стороне и «покушения» на самую главную ценность человека — его жизнь и здоровье в результате ведения боевых действий, т.е. лишение жизни в ходе вооруженного конфликта комбатанта, члена организованной вооруженной группы, а также лица, непосредственно принимающего участие в военных действиях, является правомерным.

Боевые действия ведутся военными методами¹ и с применением вооружения и

военной техники. Основная цель ведения боевых действий — причинение урона, в том числе в живой силе, противнику. Данный тезис актуален и сейчас с той лишь поправкой, что физическое истребление живой силы противника не есть самоцель в современных вооруженных конфликтах. Важнейшей задачей ведения боевых действий является не столько физическое уничтожение сил противника, сколько слом его воли к сопротивлению — как государственного руководства, так и военного командования, вооруженных сил в целом (или их основных группировок), а также основной массы населения страны².

В современных условиях получил развитие принцип ведения войны на основе скоординированного применения военных и невоенных мер³ при решающей роли Вооруженных Сил — «мы должны упреждать противника своими превентивными мерами, своевременно выявлять его уязвимые места и создавать угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба»⁴. В то же время основное содержание войн в современности и обозримой перспективе останется прежним; их главный признак — наличие вооруженной борьбы⁵.

Обратим внимание на термин «неприемлемый ущерб», который означает такое причинение негативных последствий противной стороне, которые для нее настолько существенны, что они предопределяют последующий ход (а возможно, и исход) вооруженного конфликта. Такие послед-

---

Российской Федерации от 8 августа 2001 г.) содержится указание на запрещенные способы (методы) ведения боевых действий (ст. 7). При этом под военными методами следует понимать прежде всего методы управления при ведении боевых действий, которые применительно к вооруженным конфликтам закреплены и исследованы в рамках международного гуманитарного права. Но не только. Вне рамок отношений в период вооруженных конфликтов, как уже было отмечено ранее, существуют иные обширные отношения, которые также регулируются специфическими методами военного права.

² Кокошин А.А. Указ. соч. С. 182.

³ Например, киберпротивостояние, которое может осуществлять физическое лицо.

⁴ Герасимов В. Векторы развития военной стратегии // Красная звезда. 2019. 4 марта.

⁵ Герасимов В. Мир на гранях войны // Военно-промышленный курьер. 2017. 15 марта.

---

¹ В Наставлении по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (утверждено приказом Министра обороны

ствия не могут наступить от воздействия иных субъектов отношений, применяющих иные средства и методы решения поставленных задач.

Структура подотрасли ПВК. *Системе права вооруженных конфликтов можно разделить на два раздела:* (1) совокупность правовых норм, регулирующих ведение боевых действий вооруженными силами и иными воинскими формированиями, применяющими средства и методы ведения войны; (2) совокупность правовых норм, регулирующих правовое положение лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт.

Каждая группа указанных отношений в зависимости от степени интенсификации правового регулирования может образовывать или правовой институт, или субинститут в составе института. Данный вопрос правовой наукой пока недостаточно исследован. Тем не менее, общие подходы заключаются в следующем.

Группы правовых норм права вооруженных конфликтов, объединенных общностью конкретной цели или сферы регулирования, можно объединить в следующие *правовые институты*: (1) средства и методы ведения войны; (2) правовой статус участников боевых действий; (3) правовая защита жертв войны; (4) ответственность за нарушения норм и принципов права вооруженных конфликтов.

Правовой институт средств и методов ведения войны включает следующие группы отношений, которые имеют свойство субинститутов:

- по обороне и отходу войск (соединений и частей);
- по наступлению и преследованию противника;
- по встречному бою, бою в окружении и выходу из окружения;
- по десантированию и ведению боевых действий;
- по комендантской службе и правовому режиму комендантского часа в период военного положения;
- по ведению боя в населенном пункте;
- по режиму передвижения войск;
- по режиму расположения войск;

— по обеспечению действий соединений и частей в вооруженном конфликте (разведка, морально-психологическое обеспечение и др.) и т. д.

В то же время, с учетом уже сформированного законодательства и того, что правовые институты могут носить комплексный характер (в отличие от отраслей и подотраслей права), группировка (в том числе в форме субинститутов) правовых норм происходит или должна происходить по следующим вопросам (открытый список таких вопросов):

- режим военного плена¹;
- добровольчество²;
- порядок награждения участников боевых действий;
- уголовная ответственность в условиях боевых действий³;
- денежное обеспечение участников СВО;
- социальное обеспечение участников СВО⁴;
- нештатные воинские формирования⁵ и др.

Источники права вооруженных конфликтов. К источникам, составляю-

¹ Самодуров Д.И. Правовое обеспечение режима военного плена в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12.

² Сибилова О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12.

³ Ермолович Я.Н. Военные преступления на Украине: проблемы квалификации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12.

⁴ Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32; Свиных Е.А. Социальные гарантии участникам боевых действий и членам их семей, предусмотренные в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6. С. 50—53.

⁵ Богданов С.Л. Отдельные вопросы правового положения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении военных операций // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12.

щим правовую основу регулирования вооруженных конфликтов Российской Федерации, относятся:

- 1) Конституция Российской Федерации;
- 2) международные договоры (универсального¹ и регионального² характера), содержащие нормы права вооруженных конфликтов;
- 3) нормативные правовые акты: федеральные конституционные законы³; федеральные законы⁴; указы и иные правовые акты Президента Российской Федерации⁵; постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации⁶; постановления палат Федерального Собрания Российской Федерации⁷; акты федеральных органов исполнительной власти⁸; акты уполномоченных должностных лиц, устанавливающие права и обязанности в сфере права вооруженных конфликтов⁹.

¹ См.: Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г.; Женевские конвенции от 12.08.1949 г. и дополнительные протоколы 1977 г.; Гаагская Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г. и др.

² Соглашение о первоочередных мерах по защите жертв вооруженных конфликтов, принято в рамках Содружества Независимых Государств. Принято 24.09.1993 г.

³ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении».

⁴ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

⁵ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.12.2000 г. № 983 «Об обеспечении воинского формирования Вооруженных Сил Российской Федерации, направляемого для участия в операции ООН по поддержанию мира в Сьерра-Леоне».

⁷ К ведению Совета Федерации относятся утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения и решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (п. в, г ст. 102 Конституции Российской Федерации).

⁸ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации 8.08.2001 № 360.

⁹ Гл. 5 «Действия в ходе вооруженного конфликта» Боевого устава по подготовке и ведению

Конституция Российской Федерации является важнейшим источником военного права в целом и права вооруженных конфликтов в частности. Она содержит следующие нормы прямого действия:

— ст. 59 посвящена защите Отечества и институту военной службы;

— ст. 67.1 закрепляет конституционную обязанность по защите исторической правды, в том числе о защитниках Отечества;

— ст. 71 посвящена предмету ведения Российской Федерации, к которому относятся оборона и безопасность, защита границ;

— ст. 83 определяет полномочия Президента Российской Федерации, в том числе в военной сфере; он назначает министра обороны и других «силовых» руководителей федеральных органов исполнительной власти, утверждает Военную доктрину, назначает военное командование.

В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент Российской Федерации вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ст. 87).

Кроме этого, текст Конституции Российской Федерации содержит несколько ключевых понятий, имеющих непосредственное отношение к сфере военной деятельности государства, — «обеспечение обороны страны» (ч. 3 ст. 55, ст. 114); «оборона» (ст. 71); «вопросы обороны» (ст. 83, 102); «оборонное производство» (ст. 71); «определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества» (ст. 71); «защита Отечества» (ст. 59); «военная служба» (ст. 59), «прокуроры военных прокуратур» (ст. 83, 129), «война» (ст. 71, 106), «военная доктрина» (ст. 83), «военное положение» (ст. 87, 102, 109), «режим военного положения» (ст. 87), «Вооруженные Силы Российской Федерации»

общевоинского боя, введенного в действие приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками от 24.02.2005 г.

(ст. 83, 87, 102), «высшие воинские звания» (ст. 89).

Источниками ПВК являются акты о ратификации конвенций, договоров, заключенных между государствами, которые в свою очередь являются источниками МГП, напр., четыре Женевские конвенции 1949 г. (I, II, III и IV), ратифицированные многими государствами (в том числе Россией), Дополнительные протоколы I и II по защите жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов 1977 г., другие международные соглашения.

В сфере ПВК заключено много различных соглашений по видам вооруженных конфликтов, которые применяются только в отношении государств — участников вооруженного конфликта, ратифицировавших конкретные виды соглашений. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям применяется только в отношениях между сторонами международного военного конфликта, которые его ратифицировали, а Дополнительный протокол II — только в конфликтах, возникших на территориях государств (немеждународный военный конфликт), которые его ратифицировали.

В немеждународных вооруженных конфликтах ст. 3 является общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 г., но лишь для применения положений Конвенции о конкретных видах обычного оружия с поправками, Статута Международного уголовного суда, Оттавской конвенции о запрете противопехотных мин 1997 г., Конвенции о запрещении химического оружия 1993 г. и Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и ее Дополнительного протокола II. Ст. 3 Женевских конвенций содержит положения, которые стороны конфликта обязаны применять. Дополнительный протокол II состоит из 15 статей, в которых установлены основные правила ведения боевых действий. Таким образом, Женевские конвенции 1949 г. не являются универсальным источником права, но их ст. 3, ратифицированная 192 государствами, и Дополнительный протокол II являются общими (по своему содержанию) для четырех Женев-

ских конвенций. В то же время большинство положений Женевских конвенций 1949 г. в процессе признания и практического применения их государствами признаны обычными нормами ПВК, и их насчитывается 161 норма¹.

Нормативные правовые акты в качестве источников ПВК представляют собой огромный массив актов различной юридической силы.

Особая юридическая сила *федеральных конституционных законов* находит свое выражение в том, что им не должны противоречить обычные федеральные законы. К федеральным конституционным законам в сфере ПВК относятся:

— Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»;

— Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»;

— Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

Правовые нормы ПВК содержатся в следующих федеральных законах:

— Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»;

— Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»;

— Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»;

— Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»;

— Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» и др.

¹ ICRC. IHL Database. Customary IHL. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1> (дата обращения: 09.01.2023).

Так, например, федеральными законами введена уголовная ответственность участников боевых действий и иных лиц в связи с проведением специальной военной операции¹.

Как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Президент Российской Федерации издает указы и приказы. Так, Указом Президента Российской Федерации от 13 ноября 2020 г. № 704 введен в действие План обороны Российской Федерации на 2021—2025 годы. Данный План обороны разрабатывается в целях планирования и осуществления мероприятий в области обороны и включает в себя комплекс взаимосвязанных документов, имеющих правовой характер. Президент Российской Федерации отдает приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о ведении военных действий (п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне»). Указанные акты, будучи нормативными по своему содержанию, являются источниками военного права, содержащими нормы прямого действия в области права вооруженных конфликтов.

Так, например, в связи с проведением специальной военной операции (СВО) была объявлена частичная мобилизация², определен порядок награждения в зоне

СВО³ и денежного обеспечения призванных по мобилизации лиц⁴.

Президент Российской Федерации также утверждает и принимает акты стратегического характера в военной сфере.

Военная доктрина Российской Федерации утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. (№ Пр-2976) и представляет собой систему официально принятых взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, в ней сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны страны, основания применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и некоторых видов оружия.

К другим актам стратегического характера относятся: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁵, Морская доктрина Российской Федерации⁶, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁷ и др. Указы Президента Российской Федерации в этой области государственной деятельности, не имея юридической силы федеральных законов, тем не менее, превосходят их в практическом значении, поскольку содержат нормы прямого действия, имеющие исключительно важное значение для сферы регулирования с точки зрения обязательности беспрекословного исполнения и повышенной ответственности за это. При этом контролю и оценке подлежат не только сами факты выполнения требований, но и специальные условия — место, время и т. д., которые не могут быть изменены или

¹ Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1725 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам Российской Федерации, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса».

³ Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 722 «О некоторых вопросах награждения личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2022 г. № 355 «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации».

⁷ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.

оспорены в рамках существующих в государстве процедур.

К источникам ПВК относятся *подзаконные нормативные правовые и иные акты*, издаваемые в развитие законодательства об обороне и безопасности. К ним, кроме актов, принимаемых Президентом Российской Федерации, относятся акты Правительства Российской Федерации по военным вопросам, а также ведомственные нормативные правовые акты, издаваемые в пределах своих полномочий министром обороны Российской Федерации и иными руководителями других федеральных органов исполнительной власти.

Так, Правительством Российской Федерации определен порядок частичной мобилизации¹, приняты меры поддержки мобилизованных лиц и членов их семей².

Особое место в правовом регулировании отношений, составляющим предмет ПВК, отводится *уставам*.

С точки зрения юридической силы всю совокупность нормативных правовых актов, именуемых воинскими уставами, можно классифицировать по следующим группам:

1) *уставы*, утверждаемые Президентом Российской Федерации. К ним относятся общевойсковые *уставы* — Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации, действие которых распространяется на военнослужащих не только Вооруженных Сил, но и других войск и органов, а также лиц

гражданского персонала, замещающих воинские должности³. Организация внутренней службы и обязанности должностных лиц военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации дополнительно определяются Уставом военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации⁴;

2) *уставы*, утверждаемые Правительством Российской Федерации⁵;

3) *уставы*, утверждаемые руководителями федеральных органов исполнительной власти⁶;

4) *уставы*, утверждаемые главнокомандующими видами Вооруженных Сил и командующими родами войск Вооруженных Сил Российской Федерации⁷.

Все перечисленные правовые акты являются, несомненно, источниками права вооруженных конфликтов.

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

⁵ См., например: Устав воинских железнодорожных перевозок (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 429-30); Устав воинских воздушных перевозок (утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 августа 2005 г. № 543-35); Устав воинских морских и речных перевозок (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 30 августа 2005 г. № 544-36).

⁶ См., например: Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации (утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 марта 2006 г. № 111); Устав службы на судах Военно-Морского Флота (утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 июля 2010 г. № 999); Единый типовой устав управлений объединений, управлений соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации (утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 13 сентября 2016 г. № 560).

⁷ См., например, Корабельный устав Военно-Морского Флота, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 511.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1725 «Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации гражданам Российской Федерации, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 г. № 1933 «Об особенностях предоставления некоторых мер социальной поддержки, а также оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 20 октября 2022 г. № 1874 «О мерах поддержки мобилизованных лиц».

Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации содержит следующие императивные предписания:

— военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными (ст. 22);

— за военнослужащими, захваченными в плен или в качестве заложников, а также за интернированными в нейтральных странах сохраняется статус военнослужащих. Командиры (начальники) обязаны принимать меры по освобождению указанных военнослужащих в соответствии с нормами международного гуманитарного права (ст. 23);

— командир (начальник) в ходе боевой подготовки обязан организовывать правовое обучение (правовое воспитание) подчиненных военнослужащих, направленное на усвоение ими установленного правового минимума и норм международного гуманитарного права. В ходе выполнения боевых задач воинской частью (подразделением) *командир (начальник), руководствуясь требованиями боевых уставов* (курсив мой. — А.К.), должен принимать меры по соблюдению норм международного гуманитарного права, а виновных в их нарушении привлекать к дисциплинарной ответственности. При этом в случае обнаружения в действиях (бездействии) подчиненных, нарушивших указанные нормы, признаков преступления командир воинской части незамедлительно уведомляет об этом военного прокурора, руководителя военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, органы военной полиции и принимает меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ст. 77);

— командир (начальник) обязан знать нормы международного гуманитарного права и действовать в строгом соответствии с ними, а также требовать от подчиненных их соблюдения (ст. 83).

Согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации

воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего соблюдать нормы международного гуманитарного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 3).

Разновидностью воинского устава является *боевой устав*, под которым понимается официальный руководящий документ, определяющий основы боевых действий соединений, частей и подразделений вида Вооруженных Сил, рода войск, цели, задачи, принципы их боевого применения и основные положения по подготовке и ведению боя, а также по его всестороннему обеспечению и управлению войсками (силами). Боевые уставы разрабатываются на основе положений военной доктрины государства, военной науки, боевого опыта, опыта боевой подготовки соединений и воинских частей, их организационно-штатной структуры, уровня и перспектив оснащения оружием и военной техникой¹. В качестве примеров можно привести: Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 24 февраля 2005 г. № 19; Боевой устав артиллерии, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 1 декабря 2005 г. № 168. Другие боевые уставы носят закрытый характер, поскольку содержат описание конкретных тактических приемов ведения боевых действий.

Важными источниками ПВК являются ведомственные нормативные правовые акты. Примером имплементации МГП в национальное законодательство является приказ Министра обороны СССР от 16 февраля 1990 г. № 75 «Об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов к ним» (вместе с Руководством по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права), в п. 5 разд. II которого к запрещенным методам ведения войны относятся: бомбардирование военными самолетами, морскими кораблями незащищенных

¹ Военная энциклопедия : в 8 т. Т. 1. М., 1997. С. 522.

городов, портов, селений, жилищ, исторических памятников, храмов, госпиталей, при условии, что они не используются в военных целях, и т.п.¹ Приказ Министра обороны СССР № 75 является общепризнанным источником военного права Российской Федерации². В целях соблюдения права вооруженных конфликтов 8 августа 2001 г. был издан приказ министра обороны Российской Федерации «О мерах по соблюдению норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах Российской Федерации» № 360, а также Министром обороны Российской Федерации утверждено Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — Наставление) с Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания. Аналогичные акты были изданы в Федеральной пограничной службе Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (в настоящее время — Росгвардия).

Наставление разработано в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, а также с учетом международных договоров, относящихся к международному гуманитарному праву, участницей которых является Российская Федерация, в целях изучения и соблюдения командирами, штабами тактического звена, а также всеми военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации норм международного гуманитарного права при подготовке и в ходе ведения боевых действий.

Документ содержит следующие императивные предписания: положения Наставления надлежит использовать, сообразуясь с обстановкой, решительно добиваясь безусловного выполнения боевых

задач при соблюдении норм международного гуманитарного права.

Перечень основных международных договоров, относящихся и (или) касающихся международного гуманитарного права, участницей которых является Российская Федерация, приведен в приложении 2 к Наставлению.

Нормы международного гуманитарного права не изменяют установленный боевыми уставами порядок организации боевых действий, однако при принятии решения и планировании боевых действий командирами и штабами должна приниматься во внимание необходимость соблюдения норм международного гуманитарного права (п. 18 Наставления).

В Наставлении изложены все вопросы, ранее указанные в качестве предмета ПВК.

Специфическим источником военного права являются правовые акты органов военного управления (акты военного управления). *Акт военного управления* есть выраженное на основе и во исполнение закона в пределах компетенции органа военного управления государственно-властное предписание (распоряжение, повеление, установление), направленное на регулирование отношений в процессе организации военного управления, жизни, быта и деятельности войск.

Библиография

1. Арцибасов, И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, В.А. Егоров. — М., 1989.
2. Батырь, В.А. Международное гуманитарное право : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / В.А. Батырь. — М., 2011. — 688 с.
3. Батырь, В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения / В.А. Батырь // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 6—29.
4. Богданов, С.Л. Отдельные вопросы правового положения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении военных операций // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12.
5. Военное право / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. — Том I «История и теория военного права». — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с. — ISBN 978-5-6042565-1-0. — EDN MNGEJM;

¹ URL: https://voenpravo.ru/voennoe_pravo/documents/projects-ppa/2386/ (дата обращения: 27.01.2023).

² URL: https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/rus/docs/v2_cou_ru_rule10 (дата обращения: 27.01.2023).

6. Военное право / под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. — Том II «Современное состояние (основные институты) военного права». — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT;
7. Военное право / под ред., А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. — Том III «Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований». — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с. — ISBN 978-5-6042565-3-4. — EDN SNMELJ.
8. Голованов, С.В. Теоретико-правовые проблемы толкования понятий права вооруженных конфликтов и история развития международного права / С.В. Голованов // Сацыяльна-эканамічны і правыя даследаванні (Минск). — 2013. — № 3. С. 26 – 34 и др.
9. Гуророва, А.Н. Роль и место права вооруженных конфликтов в международном праве / А.Н. Гуророва // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права : Сборник научных статей. — Выпуск 1. — Курск, 2016. — С. 44—51.
10. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов. — М., 2011.
11. Ермолович, Я.Н. Военные преступления на Украине: проблемы квалификации / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12.
12. Кокошин, А.А. Вопросы прикладной теории войны. 2- изд. / А.А. Кокошин. — М., 2019.
13. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8. — С. 28—32;
14. Кудашкин, А.В. Международное гуманитарное право, право вооруженных конфликтов, оперативное право: вопрос в терминах или их содержании? / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2. — С. 81—88.
15. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 86—91.
16. Кудашкин, А.В. Военное право США: понятие, предмет и метод правового регулирования, структура ик // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 1. — С. 62—71.
17. Кудашкин, А.В. Имплементация международного гуманитарного права и доктрина оперативного права как источник военного права / А.В. Кудашкин, Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 3. — С. 57—63.
18. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. и с биографическим очерком д-ра юрид. наук, профессора В.А. Томсинова. — М., 2008.
19. Международное право : учеб. для вузов / отв. ред. Г.М. Мелков. — М., 2009.
20. Международное право : учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2007.
21. Международное право : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2008.
22. Международное право : учеб. / под ред. А.Н. Вылегжанина. — М., 2010.
23. Мельник, Н.Н. Состояние военного права: к дискуссии о его понятии, структуре и путях развития / Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 2. — С. 2—9.
24. Право вооруженных конфликтов : учеб. пособие / од ред. О.Г. Безбабнова и В.В. Ершова. — М.: РГУП, 2019. — 187 с.
25. Русинова, В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Русинова. — М., 2017.
26. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34. — DOI 10.31857/S102694520014362-9. — EDN PYJQL
27. Самодуров, Д.И. Правовое обеспечение режима военного плена в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины / Д.И. Самодуров // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12.
28. Свиных, Е.А. Социальные гарантии участникам боевых действий и членам их семей, предусмотренные в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / Е.А. Свиных // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 6. — С. 50—53.
29. Сибилева, О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине / О.П. Сибилева // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12.
30. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право / О.И. Тиунов. — М., 2021.
31. Хомчик, В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки / В.В. Хомчик // Государство и право. — 2022. — № 3. — С 199—203.
32. Черниченко, С.В. Международное право: современные теоретические проблемы / С.В. Черниченко. — М., 1993.

Становление и эволюция в российском праве ответственности за деяния, причиняющие вред здоровью человека

© Сугаипова Айзан Магомедовна,
старший преподаватель кафедры новой и
новейшей истории ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный университет имени
А.А. Кадырова», Чеченская Республика

Аннотация. В Российской Федерации на протяжении последних лет продолжается поиск оптимальной уголовно-правовой системы по вопросам охраны здоровья человека и гражданина от преступных посягательств, касающихся, в частности, умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев. В силу этого необходимо проследить особенности становления и развития ответственности за деяния, посягающие на телесную неприкосновенность, касающиеся в том числе и причинения легкого вреда здоровью потерпевшего и совершения в отношении него побоев. Предмет исследования выражается в общественных правоотношениях, которые регулируются нормами законодательства, связанными с историческим анализом развития противодействия преступлениям, причиняющим вред здоровью человека. Цель исследования заключается в рассмотрении исторического анализа развития противодействия преступлениям, причиняющим вред здоровью человека. Методы исследования: общенаучный и конкретно-исторический подходы к рассмотрению проблем с применением сравнительно-правового, логического, формально-юридического, проблемно-теоретического и иных методов научного познания. По результатам исследования установлено, что деяния, отраженные в настоящее время в УК РФ, касающиеся причинения какой-либо степени вреда здоровью потерпевшего, впервые были отражены в Русско-Византийских договорах 911 и 944 гг., а в последующем в Русской Правде и иных законах. Особенно подчеркивается, что кодифицированные уголовные законы Российской империи (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г.) оказали влияние на УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. Содержащиеся в исследовании положения могут быть использованы в правотворческой деятельности при совершенствовании составов преступлений, охраняющих телесную неприкосновенность лиц от преступных посягательств (ст. 111-116.1 и 118 УК РФ), в также в преподавании курса уголовного права.

Ключевые слова: преступление, причинение вреда здоровью; смерть по неосторожности, развитие законодательства.

Formation and evolution in the Russian law of responsibility for acts that cause harm to human health

© Sugaipova A.M.,
Senior Lecturer, Department of Modern and Con-
temporary History, Chechen State University named
after A.A. Kadyrov, Grozny, Chechen Republic

Annotation. In the Russian Federation, over the past years, the search for an optimal criminal legal system for the protection of human and citizen's health from criminal encroachments, concerning, in particular, intentional infliction of minor harm to health and beatings, continues. Therefore, we need to trace the peculiarities of the formation and development of responsibility for acts that infringe on bodily integrity, including causing minor harm to the health of the victim and committing beatings against him. The subject of the study is expressed in public legal relations, which are regulated by the norms of legislation related to the historical analysis of the development of countering crimes that harm human health. The purpose of the study is to consider the historical analysis of the development of countering crimes that harm human health. Research methods: general scientific and concrete historical approaches to the consideration of problems using comparative legal, logical, formal legal, problem-theoretical and other methods of scientific cognition.

The results of the study. Russian Russian-Byzantine Treaties of 911 and 944, and subsequently in Russkaya Pravda and other laws, reflected the acts currently reflected in the Criminal Code of the Russian Federation concerning the infliction of any degree of harm to the health of the victim, for the first time were reflected in the Russian-Byzantine Treaties of 911 and 944, and subsequently in Russkaya Pravda and other laws. It is particularly emphasized that the codified criminal laws of the Russian Empire (the Code of Penal and Correctional Punishments of 1845 and the Criminal Code of 1903) influenced the Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and 1960. The scope of the results. The provisions contained in this study can be used in law-making activities in improving the composition of crimes that protect the bodily integrity of persons from criminal encroachments (Articles 111-116.1 and 118 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as in teaching a course of criminal law.

Keywords: crime, injury to health, death by negligence, development of legislation

Российский законодатель уже на протяжении нескольких лет акцентирует внимание на особенностях противодействия насильственной преступности, в частности, на деяниях, посягающих на здоровье лиц и причинение им различной степени тяжести вреда здоровью, а также сопряженных с умышленным причинением легкого вреда здоровью и побоями.

На предупреждение подобных правонарушений в отечественной правовой системе направлены усилия как правоохранительных органов, так и всех судебных структур¹.

Так, последним изменением ст. 115 УК РФ был Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников», с учетом которого эта статья уголовного закона России была дополнена таким альтернативным квалифицирующим признаком, как совершение подобного деяния «в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной

деятельности или выполнением общественного долга».

Согласно пояснительной записке к этому Федеральному закону, внесение указанных изменений в ст. 115 УК РФ в немалой степени было вызвано участвовавшими случаями насильственных нападений виновных лиц на медицинских работников при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, в том числе осуществляющих выезд к пациенту. В силу этого при совершении подобного деяния в отношении медицинского сотрудника снижается доступность медицинской помощи, ведь ему самому в это время необходимо оказывать помощь.

Относительно ответственности за побои российский законодатель за недавнее время внёс два существенных изменения, которые произошли с учетом принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Была проведена частичная декриминализация побоев, которая лишает рядовых граждан необходимой уголовно-правовой защиты от тяжких насильственных посягательств.

Это объясняется тем, что отныне в ст. 116 УК РФ закреплён закрытый перечень мотивов для совершения побоев, а для лиц, несущих административную ответственность за аналогичное правонарушение, предусмотрен новый состав в ст. 116.1 УК РФ.

В 2017 г. Федеральным законом № 8-ФЗ ст. 116 УК РФ получила следующие

¹ Большакова В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 11—14; Большакова В.М., Холиков И.В. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века, // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3(184). С. 142—159; Большакова В.М., Холиков И.В. Lex prospicit, non respicit: судебные следователи как компонент судебной системы // История государства и права. 2022. № 7. С. 37—43.

нововведения: за побои в отношении близких лиц предусмотрена ответственность по ст. 6.1.1 КоАП РФ, где мера ответственности значительно мягче, чем в УК РФ: штраф, меньший срок обязательных работ или административный арест. В свою очередь, ст. 116.1 УК РФ продолжает свое существование в рамках уголовного законодательства.

Вместе с тем здоровье человека и его охрана гарантирована Конституцией России (ст. 41). Также в ее ст. 2 указывается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» подчеркивается, что здоровье — это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором у него отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. В условиях современных угроз медицинское обеспечение личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации приобретает особое значение¹. Сегодня охрана здоровья федеральных государственных служащих и членов их семей является обязанностью государства, гарантирующей поддержание и восстановление здоровья и качества жизни².

В силу этого рассмотрение особенностей исторического анализа развития противодействия преступлениям, причиняющим вред здоровью человека, позволит

выявить специфику их зарождения, развития и их современную правовую регламентацию в УК РФ. Кроме того, на подобный анализ обращают внимание многие ученые-криминалисты в рамках тем своих исследований. В том числе с проведением анализа связано не только наличие ответственности за то или иное деяние в определенном историческом законе, содержащем уголовную ответственность за его совершение, но и необходимость соблюдения в УК РФ исторической правопреемственности³.

До начала XI в., согласно исследованиям некоторых ученых, российское право было устным и именовалось «законом русским». Его существование прослеживается в нормах русско-византийских договоров.

По общеизвестному суждению, первым письменным отечественным законом в период Древней Руси является Русская правда. Стоит подчеркнуть, что до ее официального издания были подписаны несколько договоров между Русью и Византией. Касательно нашего исследования следует обратить внимание на договоры, принятые в 911 и 944 г. Это обусловлено тем, что в их нормах отражается охрана здоровья человека от преступного посягательства.

Так, Русско-Византийский договоры 911 г.⁴ и 944 г.⁵ содержали положение о

¹ Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14; Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

² Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103—127.

³ Гордеева Е.С. Историческая правопреемственность и эволюция уголовно-правового законодательства об ответственности за порнографию в Российской империи // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 136—140; Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / отв. ред. С.Г. Емельянов. Курск: Университетская книга, 2017. С. 291—296.

⁴ Русско-византийский договор 911 года // ХРОНОС [сайт]. URL: <http://www.hrono.info/dokum/0900dok/0911dog.php> (дата обращения: 10.04.2022).

⁵ Русско-византийский договор 944 г. // ХРОНОС [сайт]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/0900dok/0944dog.php> (дата обращения: 10.04.2022).

том, что «в случае удара мечом или каким-либо иным предметом, виновное лицо обязано отдать 5 литров серебра, в случае если преступник не имеет столько денежных средств, то он отдает столько, сколько сможет, а также отдает одеждой, а за неполучение потерпевшим возмещения вреда виновное лицо должно поклясться, согласно своей вере, в том, что ему никто не может оказать содействие в выплате данного возмещения потерпевшему вреду в силу совершенного подобного противоправного деяния». На основе данной клятвы штраф с правонарушителя за это преступление больше не взыскивался.

Относительно Русской правды можем сказать, что она основывалась на судебной практике и Священном Писании. Кроме того, на Русскую правду оказало влияние и византийское каноническое право¹, а также судебники европейских государств. В целом этот Закон регулировал общественные отношения на территории Руси. Тем самым Русская правда стала одним из первых сводов законов, имеющих письменный характер².

Н.Е. Мухина и М.Д. Кузьмич подчеркивают, что «Русская Правда» представляет собой письменный свод законов, отражающий нормы феодального права, включивший в себя уголовное и гражданское право и процесс³.

Русская правда оказала существенное влияние на последующие законы, в частности, Новгородскую и Судебную судные грамоты, Судебник 1497 г., Литовский статут 1588 г. и т.д.⁴

¹ Цуцкарева А.А., Калашникова Е.Б. «Русская правда»: история и актуальность // Научный альманах. 2017. № 3-1 (29). С. 357—359.

² История России: учеб. пособие / под ред. Н.А. Душковой. Воронеж : ГОУВПО «ВГТУ», 2008.

³ Мухина Н.Е., Кузьмич М.Д. Русская правда как памятник феодального законодательства // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч.. Воронеж: Научная книга, 2019. С. 82—83.

⁴ Устинова М. Русская правда — важный источник права периода раннефеодальной государственности // Современные проблемы государства и права : сборник материалов региональной студенческой

При этом подчеркнем, что Русская правда известна в нескольких редакциях. Наибольшее распространение среди исследователей получили «Краткая» и «Пространная» редакции, на содержание которых и мы обратим свое внимание.

Так, «Краткая редакция» датируется первой половиной XI в. «Краткая Правда» состояла из «Правды Ярослава» (ст. 1—18), «Правды Ярославичей» (ст. 19—41), «Покона Вирного» (ст. 42) и «Урока мостников» (ст. 43)⁵. В этой редакции Русской Правды регламентируется ответственность и за совершение деяний, сопряженных с причинением вреда здоровью человека.

Можем сказать, что ст. 2 краткой редакции Русской Правды акцентировала внимание на ответственности виновного лица, причинившего потерпевшему гематомы или кровоподтёк. Однако для привлечения к ответственности за подобное деяние было необходимо наличие свидетеля.

Между тем, между потерпевшим и правонарушителем должна была состояться борьба через «поле», но если потерпевший осознавал, что не может победить своего обидчика, то происходило взыскание с ответчика штрафа в размере трех гривен, которое шло на оплату лечения потерпевшего, включая и оплату лекаря.

В ст. 3 данной Правды указывается на предмет, с помощью которого был причинен вред здоровью в форме побоев потерпевшему — это батог (тупая сторона орудия, жердь и т.д.). Причем данный закон (как и ст. 2) не указывал на степень причинения вреда. Основной акцент делался на причинении обиды потерпевшему, как правило, имеющему место быть в период какого-либо торжественного мероприятия или принятия трапезы.

Причем потерпевший должен был отомстить за себя сразу же после данного действия виновного лица, если подобное произойти не могло, то с правонарушителя взыскивался штраф в размере 12 гривен.

научной конференции, в двух ч. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2018. С. 58—60.

⁵ Цуцкарева А.А., Калашникова Е.Б. Указ соч.

Ст. 4 этой редакции Русской правды отражала ответственность за причинение вреда здоровью потерпевшего, когда преступник использовал меч в ножнах для нанесения ему удара.

В ст. 5—7 содержалась ответственность за причинение вреда здоровью человека, в силу чего у него на время или навсегда пропадала возможность пользоваться конечностью или их частью, например, пальцем. За причинение вреда пальцу виновному лицу грозил штраф в размере трех гривен, а за утрачивание пользования рукой (что в настоящее время можно расценивать как причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего) преступнику мог быть назначен штраф в 40 гривен, что было равноценно совершению убийства

Ст. 10 Краткой редакции Русской правды регламентировала ответственность за побор¹.

Таким образом, можем сказать, что данная редакция Русской правды предусматривала различное наказание в зависимости от степени тяжести вреда потерпевшему (в некоторых случаях штраф взыскивался с виновного лица в силу того, что потерпевший не мог сам после совершенного деяния в виде побоев и т.п. побороть своего обидчика), предметов его совершения, а также указывала в некоторых нормах на необходимость предоставления свидетелей, подтверждающих показания потерпевшего.

В последующем после 1113 г. была принята «Пространная редакция Русской правды» (среди исследователей нет единого мнения по поводу даты ее принятия, так как издание этой редакции Правды датируется между первой третью XII в. и началом XIII в.²). Данный документ включал в

себя «Суд Ярослава» (ст. 1—52) и «Устав Владимира Мономаха (ст. 53—121)»³.

Здесь же была зафиксирована ответственность за причинение вреда здоровью человека, но в Пространной редакции Русской правды, в отличие от ее Краткой редакции, большинство подобных деяний стали позиционироваться не с привязкой к обиде потерпевшего, а именно в качестве деяния, сопряженного с причинением вреда здоровью человека

В ст. 28 этой редакции Русской правды отражалось причинение вреда здоровью человека в период драки.

Ст. 30 Пространной редакции Русской Правды отчасти напоминает нам Краткую редакцию в случае, когда виновное лицо ударяет потерпевшего мечом. Однако если в прежней редакции указывалось, что меч из ножен виновным лицом не доставался, то в Пространной редакции акцент на месте нахождения меча не делался. Поэтому Пространная редакция предусматривала ответственность за удар мечом потерпевшего как более тяжкое деяние, в силу чего потерпевшему причинялся достаточно существенный вред здоровью (в виде как минимум раны). Поэтому виновному лицу в данном случае грозил штраф в размере трех гривен, и еще одна гривна взыскивалась для оплаты медицинской помощи, оказываемой лекарем.

Ст. 31 Пространной редакции отчасти напоминает предыдущую редакцию, так как в ней отражалась ответственность за удар жердью, но по сравнению с предыдущей редакцией эта Русская Правда подчёркивала, что подобное деяние следует относить уже не к оскорблению, а к побоям.

Ст. 27 отчасти напоминает Краткую редакцию, но Пространная редакция является сопоставимой с причинением по действующему УК РФ тяжкого вреда здоровью потерпевшего, в то время как прежняя редакция указывала в статье и на причинение вреда одному пальцу потерпевшего. Так, Пространная редакция Русской Прав-

¹ Краткая редакция. Текст по Академическому списку. Правда Роськая // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 47—49.

² Ветошкина Т.Д. «Русская правда» как исторический источник // Документ в современном обществе: соединяя пространство и время: материалы XIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Екатеринбург:

Издательство Уральского университета, 2021. С. 163—167.

³ Цуцкарева А.А., Калашникова Е.Б. Указ. соч.

ды в этой статье регламентирует ответственность за утрату конечностями своих функций. Повреждение глаза в свою очередь предусматривало перечень наступивших последствий в силу причинения вреда здоровью потерпевшего, в частности, за утрату конечностей, их функций.

Однако ст. 25 Пространной редакции выделяла, что в ситуации, когда во время удара виновное лицо использует первый подручный предмет, это расценивалось как оскорбление.

Ст. 68, в отличие от Краткой редакции, предусматривала причинение вреда здоровью человека, например, утрата потерпевшим зуба из-за совершенного в отношении него удара по лицу. Но в это историческое время подобное деяние относилось к оскорблению, а не к членовредительству¹.

На основе вышеизложенного можем однозначно сказать, что Пространная редакция Русской правды расширила перечень анализируемых нами деяний, причем те противоправные действия виновного лица, которые относились к совершению оскорбления по отношению к потерпевшему, в настоящее время по УК РФ относятся к преступлениям.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в период действия Русской правды были изданы Церковные Уставы: «Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных» и «Устав Князя Ярослава о церковных судах». Данные Уставы известны в нескольких редакциях, но применимо к регламентации ответственности за причинение вреда здоровью потерпевшего, следует сделать акцент на Уставе Князя Ярослава о церковных судах.

Ст. 31 Краткой редакции² и ст. 42 Пространной редакции³ этого Устава охраняли

жену от причинения в отношении неё побоев, которые могли быть совершены, согласно положениям данных редакций Уставов, только мужем. Подобный законодательный подход не потерял своей актуальности и в настоящее время, так как отечественный законодатель в последнее время ищет особенности технико-юридического конструирования нормы за побои в отношении лиц, близких виновному лицу, а также рассматривает возможность принятия федерального закона, направленного на защиту потерпевших от домашнего насилия.

Однако следует сказать, что ст. 40 Пространной редакции регламентировала ответственность за причинение физического насилия со стороны жены по отношению к своему мужу. Правда, штраф, назначенный за это деяние, должен был выплатить именно муж. Вероятнее всего это было обусловлено тем, что он является главой семьи⁴.

Стоит упомянуть в продолжение предыдущих норм, содержащих ответственность за причинение вреда здоровью человека по отношению к своим близким лицам, ст. 43 Пространной редакции⁵. В этой статье содержалась ответственность за причинение телесных повреждений детьми по отношению к своим родителям. При этом в случае совершения подобного деяния сын признавался в любом возрасте «распоясавшимся юношей», что говорило о понижении его социального статуса.

Кроме того, в ст. 26 Краткой редакции⁶ и ст. 31 Пространной редакции⁷ отражалось повреждение бороды или волос на голове потерпевшего. Но на тот исторический период времени это не относилось

¹ Пространная редакция. Суд Ярославль Володимирч. Правда Русская // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 64—73.

² Краткая редакция Устава Князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 168—170.

³ Пространная редакция Устава Князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство

X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 189—192.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Краткая редакция Устава Князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 168—170.

⁷ Пространная редакция Устава Князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 189—192.

к преступлению, так как считалось, что виновное лицо совершило оскорбление.

Ст. 41 Пространной редакции Устава Князя Ярослава о церковных судах запрещала драки между женщинами, в случае если подобное произошло, то они подлежали ответственности согласно церковному праву¹.

Таким образом, Церковный Устав князя Ярослава в двух редакциях, по сравнению с Краткой и Пространной редакцией Русской Правды, расширял перечень лиц, охраняемых от преступных посягательств в форме причинения побоев от близких лиц, согласно существующему в настоящее время пониманию.

В этот исторический период были приняты всеми известные «Псковская Судная грамота» и «Новгородская Судная грамота»².

«Псковская Судная грамота» представляет собой свод законов XIV—XV вв. Она являлась одной из форм кодификации законов Псковской республики и представляла одну из наиболее совершенных ступеней развития отечественной правовой системы после Русской Правды³.

Новгородская Судная грамота по факту являлась таким же историческим законодательным памятником, что и Псковская Судная грамота, но применимо к Новгородской республике.

Анализ норм этих законодательных актов свидетельствует, что в них отсутствовала охрана телесной неприкосновенности лиц. Касательно данного факта можно согласиться с мнением О.Н. Фила-

товой, что основные правовые нормы об ответственности за причинение телесных повреждений были регламентированы в «Русской Правде», которая имела всеобщее значение⁴.

В 1497 г. при Иване III принимается новый закон под наименованием «Судебник», который объединил в себе все предыдущие законы, содержащие уголовно-правовую охрану общественных отношений, а также предусмотрел регулирование общественных отношений, складывающихся в период XIV—XV вв. Данный «Судебник», как показывает анализ его норм, не отразил охрану телесной неприкосновенности⁵.

Затем, в 1550 г., принимается новый «Судебник», основанный на предыдущем, но при этом содержащий значительное число новых положений. Принятие нового «Судебника» было обусловлено проводимой земской реформой⁶.

В нем впервые за продолжительный период времени была отражена ответственность за причинение вреда здоровью, выраженная в совершении побоев (ст. 25), но при этом они в значительной части признавались как оскорбительные, а не фактор, причиняющий вред здоровью потерпевшего⁷.

В последующем после Смутного времени и начала новой династии Романовых, в 1649 г. с учетом развития общества было принято «Соборное уложение», отразившее регулирование фактически всех обще-

¹ Там же.

² Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 304—308; Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 331—342.

³ Конова В.И. Псковская судная грамота как памятник феодального права // Правовая культура России: прошлое и настоящее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2017. С. 15—18.

⁴ Филатова О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010.

⁵ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 54—62.

⁶ Герич А.А., Васильева Н.С. Судебник 1550 года. Реформы Ивана IV // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 9. С. 17-18.

⁷ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 97—120.

ственных отношений, имеющих место на данный исторический период.

Тем самым принятие «Соборного Уложения» было продиктовано «необходимостью интеграции насущных социальных вопросов в законодательный акт, который бы способствовал решению острых социальных проблем»¹.

Данный закон впервые в истории российского государства делился на главы по регулированию определенных общественных отношений².

Так, «Уложение» открывалось преступлениями, посягающими на религию (православие). В нём отражалась ответственность за избиение лиц, находящихся в церкви (ст. 4), за ранение лиц, совершенное в пределах храма (ст. 5), за совершение удара, не связанного с ранением (ст. 6).

Таким образом, данное «Уложение» охраняло порядок в пределах храма, в котором совершались различные религиозные действия, так как для верующих он являлся одним из священных мест.

В гл. 3 отражалась ответственность за причинение вреда здоровью человека в виде ранения, совершенного в пределах государственного двора (ст. 2 и 3)³.

Тем самым можно сказать, что подобным образом охранялся общественный порядок в пределах государственного двора.

В начале XVIII в. законодательство изменяется и становится более отраслевым. При Петре I принимается «Артикул воинский», который, по сути, можно отнести к Воинскому кодексу. Однако Соборное уложение не утратило своей юридической силы, так как оно действовало параллельно с Артикулом воинским до второй четверти XIX в.

Между тем в Артикуле воинском предусматривалась ответственность за удар по щеке (арт. 145), который был со-

вершен тростью в силу возникшей между виновным и потерпевшим ссоры.

В XIX в. начинается новый этап развития, в частности, уголовного законодательства России, приведший к появлению в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Это Уложение примечательно тем, что оно было первым кодифицированным уголовным законом, подразделяющимся на Общую и Особенную части. До него законы, содержащие уголовно-правовые нормы, были межотраслевыми.

В 1830 г. появляется Свод законов Российской империи, в силу чего М.М. Сперанский решает создать кодифицированные отраслевые акты (первой стала происходить кодификация именно уголовного законодательства)⁴.

При этом первый кодифицированный акт имел достаточное число недостатков касательно четкости его правоприменения, однако он послужил основой для дальнейшего развития кодифицированного уголовного законодательства России⁵.

Обращая внимание на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, можем отметить, что оно известно в нескольких редакциях, но наибольшее распространение получила его первоначальная редакция и редакция 1885 г.

В настоящей научной статье уделим внимание специфике отражения ответственности за причинение вреда здоровью человека согласно его первоначальной редакции. Это в немалой степени обусловлено значимостью внесенных в уголовное законодательство изменений касательно охраны потерпевших от причиненного по отношению к ним вреда здоровью челове-

¹ Гирник М.Н., Храмов В.Б. Соборное уложение 1649 года как результат социального развития России // Культура и время перемен. 2015. № 3 (10). С. 13.

² Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 83—257.

³ Там же.

⁴ Андрусенко О.В. Подготовка проекта уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Проблемы теории права: личность, общество, государство: сборник научных статей. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2011. С. 236—251.

⁵ Шестопалов А.П., Фумм А.М. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в системе источников уголовного права Российской империи // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 3. С. 69—73.

ка различной степени тяжести, по сравнению с предыдущим законодательством¹.

Так, в Уложении 1845 г. выделялась отдельная гл. III, которая именовалась «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью». Тем самым можем сразу же подчеркнуть, что в отличие от предыдущих законов, охраняющих телесную неприкосновенность лиц, в Уложении 1845 г. они были зафиксированы в одной главе, а не были разделены по главам.

Ст. 1948 отражала ответственность за лишение зрения, конечности, неизгладимое повреждение лица и т.д. (как и действующая ст. 111 УК РФ).

Тем самым продолжалась правопреемственность ответственности за подобное деяние, которое берет свое начало с Русской Правды.

В ст. 1955 Уложения 1845 г. регламентировалась ответственность за причинение вреда здоровью потерпевшего, в последующем повлекшее его смерть. Этот подход законодателя XIX в. сопоставим с современным, так как в ч. 4 ст. 111 УК РФ содержится подобная ответственность.

В Уложении 1845 г. впервые в отечественном уголовном законодательстве отражалась ответственность за преступление, сопряженное с причинением средней тяжести вреда здоровью (ст. 1949).

В ст. 1952 и 1953 регламентировалась ответственность за причинение раны потерпевшему, что можно соответственно отнести к вреду здоровью потерпевшего, относящемуся по Уложению 1845 г. к легкому вреду здоровью.

Первоначальная редакция Уложения 1845 г. содержала ответственность и за побои, выраженные в причинении умышленного вреда здоровью человека, но при этом умысел у преступника был направлен на причинение более тяжких последствий (ст. 1960).

При этом следует подчеркнуть, что в качестве отягчающего обстоятельства при-

чинения вреда здоровью потерпевшего российский законодатель выделял в Уложении 1845 г. причинение вреда здоровью беременной женщины, причем преступник в таком случае осознавал, что она беременна, и в силу противоправных деяний произошло прерывание беременности. Подобный законодательный подход сопоставим с одним из признаков основного состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Тем самым по Уложению 1845 г. здоровье беременной женщины охранялось наиболее строго (ст. 1962), по сравнению с действующим УК РФ (ст. 111). Также следует сказать, что выделение подобного состава преступления является первым в отечественном уголовном праве, однако закономерным, так как представляет собой большую общественную опасность по сравнению с обычным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. В силу того, что прерывание беременности ставит в опасность жизнь и здоровье беременной женщины, и она лишается материнства, ей причиняется не только физический вред, но и психологический.

Между тем первоначальная редакция Уложения 1845 г. содержала и привилегированные составы анализируемых составов деяний, направленных на охрану здоровья человека от причинения ему вреда различной степени тяжести.

Так, ст. 1950 предусматривала ответственность за неосторожное причинение тяжкого либо менее тяжкого вреда здоровью человека. В действующем УК РФ предусматривается ответственность только за причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности.

Кроме того, в Уложении содержалась ответственность за причинение тяжкого вреда потерпевшему, но совершенное преступником в силу случайности (ст. 1951). В настоящее время совершение подобного деяния можно отнести к правонарушению, отраженному ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности»

Уложение 1845 г. содержало совершение преступления, сопряженного с нанесением ран потерпевшему по неосторожно-

¹ Огнерубов Н.А., Зелепукин Р.В., Большакова В.М. Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 266—282.

сти, при условии, что виновное лицо осознавало возможные наступающие последствия подобных противоправных деяний (ст. 1954).

Кроме того, Уложение 1845 г., по сравнению с УК РФ, закрепляло ответственность за совершение увечья и иного подобного повреждения, когда оно совершалось виновным лицом по неосторожности (ст. 1956 и 1965).

Ст. 1964 Уложения 1845 г. регламентировала ответственность за причинение вреда здоровью потерпевшего при превышении пределов необходимой обороны.

Во-первых, следует сказать, что подобный законодательный подход здесь впервые получает свое отражение. Во-вторых, этот привилегированный состав преступлений в той или иной степени зафиксирован и в действующем УК РФ, но применимо к причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. В немалой степени это обусловлено тем, что именно эти формы причинения вреда здоровью являются более существенными по сравнению с побоями или причинением легкого вреда здоровью человека¹.

Исходя из анализа первоначальной редакции Уложения 1845 г., мы можем сказать, что именно оно впервые выделяла несколько преступлений с учетом тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшему, умысла при совершении подобных деяний и т.д.

Между тем, согласно исследованию И.Г. Антонова, данное Уложение хоть и содержало различное наказание с учетом всех обстоятельств совершенного преступления и причиненных телесных повреждений потерпевшему, но не имело достаточно четкого разграничения смежных деяний друг от друга, так как оно только выделяло достаточно существенные признаки отличия одного деяния от другого, но в каждом

случае следовало обращаться к положениям Врачебного устава².

Постепенно нарастала критика Уложения 1845 г. со стороны общественных деятелей. Все это привело к разработке проекта нового Уложения, которое было издано в 1903 г. под наименованием «Уголовное уложение», но следует сказать, что за исключением отдельных глав (к примеру, за религиозные преступления, государственные преступления и т.д.) оно так полностью и не вступило в силу, из-за имеющих место быть политических и иных причин.

Между тем Уложение 1903 г., как и предыдущее Уложение 1845 г., содержало отдельную главу, в которой отражались деяния, направленные на охрану здоровья человека: «О телесном повреждении и насилии над личностью».

В Уложении 1903 г., как и в предыдущих законах, отражалось причинение тяжкого вреда здоровью, выраженное, к примеру, в лишении зрения, слуха, потеря функций конечностей и т.д. При этом в качестве квалифицированного состава выделялось совершение виновным лицом причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшее смерть потерпевшего.

Подобное законодательное положение присутствует, как нами было подчеркнуто и ранее, в действующем УК РФ.

Следует отметить, что в ст. 468 указывалось на травму, совершенную виновным лицом и повлекшую нарушение функционирования у потерпевшего какого-либо органа, но при этом не представляющую особой угрозы для жизни последнего. При этом в качестве квалифицирующего признака отражалось, что в результате подобного деяния наступила смерть потерпевшего. Тем самым это деяние впервые получило отражение в уголовном законодательстве России, но в настоящее время его нет в УК РФ.

Ст. 469 Уложения 1903 г. отражала ответственность за причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, однако в каче-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.

² Антонова Г.И. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Причины и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

стве квалифицирующего состава преступления выступало причинение вреда здоровью (заведомо для преступника) беременной женщины, повлекшее для нее в последующем тяжкие последствия

Подобный законодательный подход в этот исторический период времени указывает на то, что для беременной женщины первоначально должен был наступить только легкий вред здоровью и уже в последующем более тяжкие последствия, но это является не совсем рациональным, так как травмы для потерпевшей в подобном случае должны квалифицироваться как более тяжкое преступление, с указанием иной степени наступления тяжести вреда здоровью. Так, по сравнению с предыдущим Уложением, в Уложении 1903 г. это деяние не было отражено в качестве отдельного состава преступления, но при этом степень общественной опасности по Уложению 1903 г. и действующему УК РФ являлась менее строгим деянием.

В Уголовном уложении 1903 г. отражалась ответственность и за побои (ст. 475). В отдельных нормах Уложение содержало ответственность за подобное деяние в отношении близких лиц, но по восходящей линии (ст. 471), священников и должностных лиц, когда они исполняют свои должностные обязанности (ст. 471)

Уложение 1903 г. так же, как и предыдущее Уложение, содержало ряд привилегированных составов деяний, направленных на охрану телесной неприкосновенности, например:

— при совершении причинения вреда здоровью человека в состоянии аффекта (ст. 470). По факту это было первое упоминание в отечественном праве случая, когда назначалось более мягкое наказание за подобное деяние при наличии у виновного лица сильного душевного волнения. Однако это деяние присутствует и в действующем УК РФ, но применимо только к причинению тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего;

— совершение деяния, направленного на причинение вреда здоровью потерпевшего, при превышении пределов необходимой обороны (ст. 473). Подобный зако-

дательный подход был и в Уложении 1845 г.;

— совершение причинения вреда телесной неприкосновенности, но при неосторожной форме вины (ст. 474). Это было зафиксировано и в предыдущем Уложении.

В качестве привилегированного состава преступления в Уложение 1903 г. выделялось совершение деяния, сопряженного с причинением вреда здоровью потерпевшего в силу того, что потерпевший совершил оскорбительные действия (ст. 477)¹. Но это положение нормы не распространялось на сотрудников правопорядка и священнослужителей (вероятнее всего из-за того, что первые должны руководствоваться нормами законодательства, а вторые действовать в смирении и терпении и при допущении обидчиком оскорбительных высказываний сообщать о данном случае в правоохранительные органы).

При этом следует разделить суждение О.Н. Филатовой, что Уголовное уложение уже не отражало положений, указывающих на ответственность при совершении виновным лицом увечья или ран потерпевшему. В немалой степени это было вызвано существовавшим на этот исторический период судебным медицинским экспертизмом².

После Октябрьской революции 1917 г. большевики в 1922 г. принимают первый УК РСФСР, который продолжает тенденцию дифференциации охраны телесной неприкосновенности лиц в зависимости от степени причинения вреда здоровью. Также в нём учитывались обстоятельства, приводящие к совершению подобных деяний.

Так, была установлена ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью человека, выразившегося так же, как и раньше (в причинении потерпевшему, например, потери зрения, слуха, причинении неизгладимого обезображивания ли-

¹ Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXIII. Отделение 1. 1903 г. СПб.: Государственная типография, 1905. С. 175—274.

² Филатова О.Н. Указ. соч.

ца). В качестве квалифицированного состава предусматривалось причинение умышленного тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего его смерть (ст. 149).

Подобное положение было и в дореволюционном уголовном праве, и в УК РФ.

Ст. 150 УК РСФСР 1922 г. содержала ответственность за причинение менее тяжкого телесного повреждения потерпевшему, т.е. причинение средней тяжести здоровью.

В данном УК РСФСР также отражалась ответственность за причинение умышленного причинения легкого телесного повреждения (ст. 153). Ст. 157 отражала ответственность за побои. При этом в качестве квалифицированного состава в данной статье УК отражался состав, связанный с истязанием.

В качестве привилегированных составов деяний, сопряженных с совершением посягательств на телесную неприкосновенность лиц, можно считать причинение тяжкого либо менее тяжкого вреда здоровью, вызванного сильным душевным волнением вследствие психического насилия со стороны потерпевшего (ст. 151); превышение пределов необходимой обороны (ст. 152); неосторожное причинение телесного повреждения (ст. 154).

Все данные деяния были расположены в гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и выделены во втором положении этой главы «Телесные повреждения и насилия над личностью».

Таким образом, отражение данных деяний, по сути, совпадало с ответственностью, предусмотренной УК.

В последующем, с образованием 30 декабря 1922 г. СССР, в 1924 г. Постановлением ЦИК СССР были приняты «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик»¹. Этот законодательный акт являлся выражением единых для всего Советского Со-

юза основополагающих положений уголовного права.

На основе данных Основных начал в 1926 г. был принят УК РСФСР. Анализируемые нами деяния были расположены в гл. VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

Исходя из содержания этих норм, можно сделать вывод, что дифференциация охраны телесной неприкосновенности личности сохранилась по аналогии с предыдущим УК. Но при этом неосторожное причинение вреда могло быть совершено применимо к деяниям, сопряженным с причинением тяжкого или легкого вреда здоровью. Кроме этого, выделялось неосторожное телесное повреждение, не повлекшее тяжелых последствий. Данная схожесть УК РСФСР 1926 г. с предыдущим УК обусловлена тем, что разработчики данного документа опирались именно на предыдущий опыт².

25 декабря 1958 г. были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик³.

На базе данных Основ в 1960 г. был принят УК РСФСР, ставший последним уголовным законом, принятым в период СССР, и просуществовавшим до принятия ныне действующего УК РФ.

В нем выделялся ряд преступлений, дифференцирующихся в зависимости от причиненного виновным лицом вреда здоровью потерпевшего.

Умышленное причинение тяжкого телесного вреда здоровью, впервые в законодательстве отражало степень вреда здоровью (не менее чем на одну треть). В качестве квалифицированного состава указывалось причинение данного вреда, повлекшее смерть потерпевшего (ст. 108).

Касательно определения тяжести вреда здоровью, Минздравом РСФСР 4 апреля 1961 г. были утверждены «Правила опре-

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик : утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

² Упоров И.В. УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.: общеправовая характеристика // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 28.

³ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

деления степени тяжести телесных повреждений».

УК РСФСР 1960 г. отражал деяние, сопряженное с менее тяжким телесным повреждением, т.е. утрату трудоспособности менее чем на одну треть (ст. 109).

Упомянутые медицинские Правила понимали под причинением этого вида вреда последствия повреждения от заболевания или нарушения функции какого-либо органа длительностью свыше четырех недель. Повреждение, вызвавшее значительную стойкую утрату трудоспособности менее одной трети, т.е. от 15 % до 33 % включительно, определяется и оценивается как менее тяжкое.

Следует отметить, что законодатель в этом УК объединил умышленное причинение легкого вреда здоровью и побори в одной ст. 112.

Указанные медицинские Правила понимали под легким вредом здоровья:

— кратковременное расстройство здоровья. Это такие последствия повреждения, как заболевание или нарушение функции какого-либо органа продолжительностью не менее 7 дней, но не свыше четырех недель;

— незначительная стойкая утрата трудоспособности. Предусматривает последствия повреждений, вызвавших стойкую утрату трудоспособности менее 15 %;

— легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности. Это поверхностные повреждения в виде небольших ран, кровоподтеков, ссадин и т.д.

Под побоями подразумеваются множественные удары. Побойи могут и не оставлять после себя никаких видимых повреждений в виде кровоподтеков, ссадин и т.д.

Кроме того, этот УК, как и предыдущие, отражал привилегированные составы преступлений, сопряженные с подобными деяниями. К ним относились:

— умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 110);

— тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111);

— неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение (ст. 118).

Таким образом, УК РСФСР 1960 г. и законодательство, с учетом принятых Минздравом РСФСР 4 апреля 1961 г. Правил определения степени тяжести телесных повреждений, по регламентации этих видов преступлений претерпели принципиальные изменения.

В последующем, 2 июля 1991 г. Верховным Советом СССР были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик¹, но они так и не были реализованы из-за распада СССР.

Подводя итог, можем сказать, что первое упоминание об охране здоровья (телесной неприкосновенности) личности было отражено в Договорах между Русью и Византией. Затем о ней говорится в Краткой и Пространной редакции Русской Правды, Уставе Князя Ярослава о церковных судах, который предусмотрел (в отличие от предыдущих законов) ответственность за посягательство в отношении близких лиц.

В период феодальной раздробленности, под которой следует понимать распад в Средневековье государства на ряд небольших самостоятельных и суверенных территорий, получила распространение ответственность за причинение телесных повреждений, в том числе за причинение вреда здоровью в местах проведения богослужений и т.п.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. деяния, посягающие на телесную неприкосновенность, располагались в отдельной главе законодательных актов, а ответственность дифференцировалась в зависимости от степени тяжести вреда здоровью потерпевшего, указывались привилегированные составы и отра-

¹ Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик приняты Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г. № 2281-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 30. Ст. 862.

жался определенный перечень потерпевших, а также особо происходила охрана беременной женщины. В целом этот исторический период времени является шагом вперед в вопросе охраны телесной неприкосновенности лиц.

Исходя из анализа уголовного законодательства РСФСР по противодействию преступлениям, причиняющим вред здоровью человека, можно сказать, что основополагающие начала, заложенные в последних уголовных законах Российской империи, получили в нём дальнейшее закрепление и развитие. В силу этого, с учетом проводимой уголовной политики, отражались основные и привилегированные составы преступлений. Более подробное описание этих составов впервые в истории отечественного права имелись в УК РСФСР, так как с 1961 г. действовали «Правила определения степени тяжести телесных повреждений».

Библиография

1. Андрусенко, О.В. Подготовка проекта уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / О.В. Андрусенко // Проблемы теории права: личность, общество, государство : сборник научных статей. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2011. — С. 236—251.
2. Антонова, Г.И. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Причины и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Антонова. — М., 2014. — 25 с.
3. Большакова, В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт / В.М. Большакова // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 3. — С. 11—14.
4. Большакова, В.М. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века / В.М. Большакова, И.В. Холиков // Lex Russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 3(184). — С. 142—159.
5. Большакова, В.М. Lex prospicit, non respicit: судебные следователи как компонент судебной системы / В.М. Большакова, И.В. Холиков // История государства и права. — 2022. — № 7. С. 37—43.
6. Большаков, В.М. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации / В.М. Большаков, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2022. — Т. 14. — № 1. — С. 103—127.
7. Ветошкина, Т.Д. «Русская правда» как исторический источник / Т.Д. Ветошкина // Документ в современном обществе: соединяя пространство и время : материалы XIV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. — С. 163—167.
8. Герич, А.А. Судебник 1550 года. Реформы Ивана IV / А.А. Герич, Н.С. Васильева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2014. — № 9. — С. 17—18.
9. Гирник М.Н., Храмов В.Б. Соборное уложение 1649 года как результат социального развития России / М.Н. Гирник, В.Б. Храмов // Культура и время перемен. — 2015. — № 3 (10).
10. Гордеева, Е.С. Историческая правопреемственность и эволюция уголовно-правового законодательства об ответственности за порнографию в Российской империи / Е.С. Гордеева // Юридическая техника. — 2011. — № 5. — С. 136—140.
11. История России : учеб. пособие / под ред. Н.А. Душковой. — Воронеж: ГОУВПО «ВГТУ», 2008. — 295 с.
12. Конова, В.И. Псковская судная грамота как памятник феодального права / В.И. Конова // Правовая культура России: прошлое и настоящее : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2017. — С. 15—18.
13. Мухина, Н.Е. Русская правда как памятник феодального законодательства / Н.Е. Мухина, М.Д. Кузьмич // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. — Воронеж: Научная книга, 2019. — С. 82—83.
14. Огнерубов, Н.А. Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства / Н.А. Огнерубов, Р.В. Зелепукин, В.М. Большакова // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. — 2021. — Т. 13. — № 6. — С. 266—282.
15. Осокин, Р.Б. Реализация и уголовно-правовая охрана права на свободу вероисповедания в России: история и современность / Р.Б. Осокин, В.Г. Кокорев // Эволюция государства и права: история и современность: сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета / отв. ред. С.Г. Емельянов. — Курск: Университетская книга, 2017. — С. 291—296.
16. Упоров, И.В. УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.: общеправовая характеристика / И.В. Упоров // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 1.
17. Устинова, М. Русская правда — важный источник права периода раннефеодальной государственности / М. Устинова // Современные проблемы государства и права: сборник материалов региональной студенческой научной конференции : в 2 ч. — Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2018. — С. 58—60.

18. Филатова О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Н. Филатова. — Тамбов, 2010. — 26 с.

19. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». — Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. — С. 5—14.

20. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.

21. Цуцкарева, А.А. «Русская правда»: история и актуальность / А.А. Цуцкарева, Е.Б. Калашникова // Научный альманах. — 2017. — № 3-1 (29). — С. 357—359.

22. Шестопалов, А.П. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в системе источников уголовного права Российской империи / А.П. Шестопалов, А.М. Фумм // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2015. — № 3. — С. 69—73.

О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма

© Харитонов Вячеслав Станиславович,
юрист, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье на примерах некоторых государств рассмотрены общие вопросы возникновения и существования вигилантизма в контексте узурпации функции правосудия неуполномоченными на то лицами.

Ключевые слова: вигилантизм, вигиланты, вигилантские организации.

On some general questions of the essence of vigilantism

© Kharitonov V.S.,
lawyer, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Annotation. In the article, on the examples of some states, the general issues of the emergence and existence of vigilantism in the context of the usurpation of the function of justice by unauthorized persons are considered.

Key words: vigilantism, vigilants, vigilant organizations.

Общеизвестно, что когда государство не может или не хочет пресечь преступные деяния, то его поданные самоорганизуются для, как они это понимают, наказания виновных и торжества справедливости. Поэтому примеры борьбы обычных граждан или объединений жителей с поступками или действиями индивидуумов, которые они считали преступными, а государство по различным причинам на них не реагировало, известны давно.

Неэффективная деятельность правоохранительных органов и судебной системы по нейтрализации отдельных криминальных явлений снижает веру населения в способность государства противодействовать преступности, генерируя неофициальные социальные механизмы устраняющие правонарушения. Один из таких общественных институтов называется вигилантизм¹.

Виджилантизм (вигилантизм) — это социальное явление, когда обычные граждане нарушают социальные нормы, навя-

зывая правосудие своими силами без помощи правоохранительных органов². Другими словами, это коллективное использование внеправового насилия или угроза его использования в ответ на предполагаемое преступное деяние³.

Соответственно, вигиланты (исп. Vigilante, «часовой, охранник») — персона или группы, целью которых является преследование лиц, обвиняемых в настоящих или вымышленных проступках и не получивших заслуженного наказания, в обход правовых процедур. Хотя их жертвами нередко становятся настоящие преступники, вигиланты могут иметь собственные представления о том, что называть преступлением. Группы и отдельные граждане, помогающие властям в преследовании преступников, не считаются вигилантами, если они не устраивают самосуд.

² См.: Jacob T. Nolan. Modern Day Vigilantism. Re/Structure/ 2015/ № 7. URL: <https://openjournals.neu.edu/nuwriting/home/article/view/133> (дата обращения 15.02.2023).

³ См. обзор статьи Эдуардо Монкады «Вариации вигилантизма: концептуальные разногласия, значение и стратегии» (2017) URL: <http://vigilant.myverdict.org/news/review-analysis-vigilantism> (дата обращения 15.02.2023).

¹ См. подробнее: Петровский А.В. Допустимость гражданского вигилантизма в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. №3 (14). С. 113—122.

В противном случае вигиланты сами становятся преступниками в глазах закона.

Вигиланты считают, что официальное правосудие неэффективно, вследствие чего объединяются для того, чтобы противостоять криминальным элементам своими силами. В отдельных случаях вигилантами становятся одиночки, разочаровавшиеся как в законе, так и в окружающем их обществе. Иногда жертвами вигилантов становятся представители властей, обвиняемые в коррупции и стоящие над законом. Акции вигилантов не всегда являются насильственными и могут сводиться к оскорблениям на словах или действием, а также к вандализму в отношении имущества их жертв¹.

Отметим, что сам термин вигилантизм восходит к римским временам, когда бдительные (от латинского корня, означающего «бодравший» или «наблюдательный») находились в постоянном поиске пожаров и других угроз, таких как грабители и беглые рабы.

Так называемый «гражданский вигилантизм» («комитеты бдительности») зародился в США с конца XVIII в. Там же в 1865 г. возник и «этнорасовый вигилантизм» (Ку-клукс-клан). Эти виды вигилантизма получили распространение в ряде европейских стран и ЮАР, и достаточно описаны исследователями-социологами.

Ряд ученых утверждают о существовании других видов вигилантизма, — религиозного вигилантизма, расового (американский Юг второй половины XIX — первой половины XX в.), морального (банды в Латинской Америке, «наказывающие» виновных в нарушении принятых норм относительно сексуальной ориентации, обращения со старшими и даже воспитания детей) и так далее.

Говоря о «комитетах бдительности» в США на этапе их появления, заметим, что уже тогда при оценке деятельности вигилантов возникал вопрос оценки справедливости их действий. С одной стороны, в тот период, — период формирования США до, во время и после Гражданской войны 1861—1865 годов, вигиланты фактически

занимались самообороной от преступлений, поскольку неразбериха, присущая переходу к формированию государства влекло и ослабление (дезорганизацию) судебной и «полицейской» деятельности. Однако в дальнейшем даже при формировании и укреплении, скажем так, правоохранительных и судебных органов, «комитеты бдительности» зачастую выполняли не функции правосудия, а охоты не только на грабителей, в том числе и вооруженных, но и всяких других людей, которые, по мнению вигилантов, были нежелательны на их территории по тем или иным причинам.

То есть уже тогда была очевидна тенденция к разрыву вигилантизма с идеей справедливости.

В то же время государство, даже создав централизованную судебную структуру, легитимность которой базируется на верховенстве Закона, совершенствуя ее, все равно не может избежать ошибок в соблюдении и обеспечении естественных и принимаемых большинством граждан законов, основанных на общем для подавляющей части соотечественников понимании справедливости. В таких ситуациях вигиланты пытаются взять правосудие в свои руки.²

Как отмечено выше, движения этнорасового вигилантизма впервые возникли в США во второй половине 19 в. Они были вызваны малой способностью центральной и местной власти урегулировать расовые и этнические конфликты. Радикальное вигилантное движение Ку-клукс-клан (ККК) имело тайную террористическую организацию, вдохновлялось идеей превосходства белой расы и способствовало росту насилия против чернокожего населения. В 70-е гг. 19 в. были приняты законы, направленные на пресечение деятельности ККК и аналогичных организаций. В связи с принятием потоков этнической миграции вигилантные конфликты сохранились. В США снижение распространенности этнических вигилантных конфликтов связыва-

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1447354> (дата обращения 16.02.2023).

² См. подробнее: Elsa Dorlin, *Se défendre. Une philosophie de la violence* Paris, Éditions Zones/La Découverte, 2017, 200 pages. URL: <https://www.versobooks.com/blogs/5445-vigilantism-or-the-birth-of-the-racial-state> (дата обращения 17.02.2023).

лось с политикой «переварочного котла», проводимой в 20 в. Мечта всеобщей культурной ассимиляции и единой американской идентичности оказалась иллюзорной. Вигилентные этнические конфликты в США в XXI веке свидетельствуют о сохранении социальной дискриминации и об отсутствии либеральной толерантности в отношениях между местными жителями и не ассимилированными группами этнических мигрантов¹.

В России исследователи (тот же А.В. Петровский) к примерам гражданского вигилантизма относят деятельность таких организаций как «Наши», «СтопХам», «Общество синих ведерок», «Хрюши против», «Ешь российское», «Город без наркотиков», «Трезвые дворы», «Наш дом», «Лига безопасного интернета», «Молодежная служба безопасности», «Оккупай-педофилия» и «Оккупай-наркофилия» (но деятельность двух последних организаций была настолько сопряжена с насилием, что в итоге их создатель М. Марцинкевич был осужден)².

И, казалось бы, эти объединения людей в России возникли недавно. Но это не так. Достаточно вспомнить «люберов», которые были активны в Москве в конце 1980-х годов. Это было организованное молодежное движение из тех, кто, в том числе, и активно занимался спортом, пропагандировали среди молодежи здоровый образ жизни.

Часть «люберов» начала специально ездить в Москву по «идейным» соображениям, вступая в физическое противоборство с получившими в эти года распространение молодёжными движениями, которые имели непонятные для большинства советских людей внешность, причёску, разговорной сленг, одежду и отличались «вызываю-

щим» поведением, — панков, хиппи, роке-ров, металлистов, неофашистов и т. п. То есть «любера» как бы выступали за поддержку традиционных систем ценностей и были подобием народных дружинников. Поэтому на этом этапе своего развития как общественного движения они пользовались доброжелательным отношением правоохранительных органов, также борющихся с наиболее активными группами «неформалов».

Таким образом возможно констатировать, что, во-первых, сегодня вигиланты представляют собой индивидуумов, которые убеждены, что нарушители избежали наказания из-за сложности существующих правовых механизмов и юридических процедур, что несправедливо по отношению к потерпевшим, и их все равно должно настичь возмездие, в том числе и от руки вигиланта, во-вторых, история вигилантизма насчитывает не одно столетие, в-третьих, на советском и постсоветском пространстве были и есть общественные объединения, имеющие отдельные признаки вигилантизма.

Библиография

Петровский, А.В. Допустимость гражданского вигилантизма в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 3 (14). — С. 113—122.

Чернобровкин, И.П. Вигилантизм в конфликтах местных жителей и этнических мигрантов: управленческий подход / И.П. Чернобровкин, В.Н. Шевелев // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 11. — С. 83—87.

¹ См. подробнее: Чернобровкин И.П., Шевелев В.Н. Вигилантизм в конфликтах местных жителей и этнических мигрантов: управленческий подход // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 83—87.

² См. подробнее: Петровский А.В. Допустимость гражданского вигилантизма в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3 (14). С. 113—122. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-113-122> (дата обращения 15.02.2023).

Военно-административное право

Концепция административно-правового реформирования деятельности органов военного управления

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГКВООУ
ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируются принципы построения структуры федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы. Автором предлагается нормативно урегулировать цели деятельности, функции и задачи воинских формирований различного уровня, предлагается для обсуждения концепция их развития.

Ключевые слова: органы военного управления, функции и задачи, Вооруженные Силы, перспективы развития, структурные элементы, административная реформа, регламентация деятельности, территориальные органы

The concept of administrative and legal reform of the activities of the military administration

Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes the principles of building the structure of federal executive authorities, in which the law provides for the passage of military service. The author proposes to regulate the objectives of the activities, functions and tasks of military formations of various levels, the Concept of their development is proposed for discussion.

Keywords: military administration bodies, functions and tasks, Armed Forces, development prospects, structural elements, administrative reform, regulation of activities, territorial bodies.

Функции всех государственных органов производны от функций государства, и в свою очередь, первичны по отношению к организационным элементам структуры государственных органов. Ни один государственный орган не может функционировать и эффективно использовать предоставленные в соответствии с определенной для него компетенцией полномочия без рациональной организации своих внутренних структурных элементов, без определения их субординации.

Правовой статус любого государственного органа предполагает юридическое закрепление его организационной

структуры, а также форм, методов и процедур ее функционирования. Ведь реализация компетенции требует соответствующей организационной «мощности» (штатного расписания) органа и правовой организации деятельности его подразделений и лиц, занимающих в нем должности¹. Структура государственного органа должна быть нормативно определена для устранения неопределенности в его взаимоотношениях, как с другими публичными органами власти, так и с иными субъектами.

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. М.: Омега-Л, 2010.

В.Г. Вишняков писал: «Под структурой органа власти понимается совокупность его подразделений, схема распределения между ними функций и полномочий, возложенных на орган, и система взаимоотношений этих подразделений, включающая набор внутренних и внешних связей»¹. В структуре любого государственного органа можно выделить руководство, территориальные, функциональные и обслуживающие подразделения, взаимодействующие по группам связи: вертикальной, функциональной и горизонтальной.

Юридическую науку, исследующую правовые формы организации государственного управления, интересует, главным образом, формальная, официально закрепленная в нормативных актах структура и нормативно установленные взаимосвязи между подразделениями и должностными лицами органа власти. В определенном смысле формальная структура органа управления это не структура людей, а структура должностей, которая абстрагируется от всего социологического в управлении². В структуре органа управления важны, кроме должностных полномочий, также организационные, функциональные и организационные связи должностных лиц.

Решающим образом на структуру влияют ее функции, определяемые для структуры при ее создании. Структура органа управления, таким образом, есть орудие, обеспечивающее выполнение возложенных функций оптимальным образом.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об обороне» Вооруженные Силы Российской Федерации состоят из центральных органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций, которые входят в виды и рода войск Вооруженных Сил и в войска, не входящие в них.

Приведенная формулировка не очень точно отражает имеющуюся структуру

Вооруженных Сил. Согласно формулировке закона, в Вооруженных Силах имеются лишь центральные органы военного управления, остальные структуры Вооруженных Сил, якобы, органов военного управления не имеют. Однако это не совсем так. Любое крупное воинское формирование, говоря упрощенно, само состоит из органа его военного управления и подчиненных воинских формирований. То есть аппарат управления армии, например, это — одновременно и отдельная воинская часть, и самостоятельный орган военного управления (штаб армии), и структурный элемент воинского формирования «армия». Вместе с тем, в законе эти составляющие сведены вместе. Поэтому, по мнению автора, было бы правильнее и точнее указать в данной статье формулировку «состоят из ... управлений объединений, управлений соединений и воинских частей»³.

В современной Российской армии в организационную структуру любого формирования от батальона (ему равного формирования) и выше, независимо от его назначения, включается в качестве самостоятельного структурного элемента управленческий орган (обычно штаб), а также основные (по прямому назначению) и вспомогательные структурные подразделения.

Дислокация объединений, соединений и воинских частей осуществляется в соответствии с их боевым назначением и возможностями. Система органов, осуществляющих военное управление, создается применительно к основным звеньям организационной структуры Вооруженных Сил⁴. Структура органов военного управления и их подчиненность строится исходя из функционального назначения и оформляется штатами военных организаций и документами боевого применения соответственно.

¹ Вишняков В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М.: Наука, 1972. С. 16.

² Яковлев Г.С. Аппарат управления: принципы и организация. М., 1974. С. 78.

³ Глухов Е.А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 3. С. 20—33.

⁴ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник. М., 2019.

Разделение личного состава по видам деятельности, предназначению и территории в структурные подразделения устраняет лимит управления у единоначальника и позволяет практически неограниченно расширять военную организацию, не теряя существенно в качестве управления. Вооруженные Силы, как и любая другая достаточно сложная организация, строятся по иерархическому принципу. Термин «иерархическая организация» используется для описания многих структур древовидной топологии. Руководитель нижестоящей военной организации подчиняется руководителю вышестоящего органа военного управления и обязан исполнять его приказы. В свою очередь, каждый орган военного управления обладает определенной самостоятельностью и функционирует согласно определенной для него компетенции¹.

Необходимо отметить важность и прямую зависимость строения организации от целей, которые она перед собой ставит. Организационно-штатная структура военной организации выступает в качестве несущей конструкции, каркаса боевой системы. Нарушение установленных этой структурой отношений порядка, субординации, иерархии, между элементами боевой системы ведет к ее деградации и невозможности эффективного выполнения возложенных задач.

Организационная структура Вооруженных Сил должна быть гибкой и позволять осуществлять быстрый перевод их на военное положение, реализовывать в короткие сроки необходимую структурную модернизацию органов управления без значительных материальных и временных затрат. Это означает, что в иерархии подчиненности должны использоваться одни и те же понятия, принципы, алгоритмы и сопрягаемые технические средства обмена информацией. Кроме того, организационная структура объединений, соединений и частей видов Вооруженных Сил должна

быть экономически целесообразной, т.е. иметь оптимальное количество личного состава и военной техники на каждую организационную единицу при одновременном обеспечении их максимальных боевых возможностей².

Военной наукой уже давно сформулирован принцип сохранения целесообразной соотносительности всех элементов системы управления боевой системы. Данный принцип предусматривает, что любая система управления, независимо от степени ее сложности и места в общей системе управления силами, представляет собой набор элементов, между которыми должны поддерживаться определенная пропорциональность и оптимальная соотносительность, обеспечивающие наибольшую эффективность работы как элементов системы, так и системы в целом, с учетом цели, стоящей перед системой. В противном случае могут возникнуть слабые и даже неработоспособные звенья, а также нарушения и задержки в работе системы. Механизм действия этого закона проявляется в норме управляемости, которая регламентирует максимально допустимое количество объектов управления, непосредственно замыкающихся на одно должностное лицо, один орган, одну систему управления. Он также применим при определении соотношения между *правами и обязанностями* должностных лиц (органов управления) и определении соотношения *методов их работы, количества времени, которым они располагают для ее выполнения*, а также при решении ряда других задач³.

И конечно же, организационная структура конкретного воинского формирования зависит от возлагаемых на него задач, методов их решения, от места в структуре Вооруженных Сил, от оснащенности вооружением и техникой, от применяемых ею форм и способов вооруженной борьбы,

¹ Компетенция, в самом общем виде, есть возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел (Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001. С. 55.).

² Военная администрация : учебник / Глухов Е.А. и др.; под общ. ред. В.М. Корякина. М.: РАП, 2012.

³ Современные проблемы управления силами ВМФ: Теория и практика. Состояние и перспективы / И.В. Соловьев, В.В. Геков, С.М. Доценко и др.; под ред. В.И. Куроедова. СПб.: Политехника, 2015. С. 65.

а также от применяемых средств управления и порядка взаимодействия с иными воинскими формированиями, а также гражданами и организациями. Важно отметить, что вместе с развитием технического прогресса, коррекции возлагаемых на органы военного управления функций и задач должна соответственно изменяться и структура органа военного управления. В этом ракурсе стремление к унификации типовых штатов воинских формирований в совокупности с длительной процедурой согласования различного рода изменений в указанные штаты вступают в противоречие с необходимостью изменения структуры военной организации, вследствие чего такого рода изменения происходят со значительным опозданием.

При введении особых правовых режимов вдобавок к уже существующим могут вводиться такие органы военного управления, как Ставка Верховного Главнокомандования, управления фронтов, группировок войск, оперативные командования направлений, штабы территориальной обороны¹, военно-гражданские администрации, органы управления создаваемых на военное время специальных формирований. Все они образуются, ликвидируются, реорганизуются в зависимости от потребностей военного управления на определенной территории и участке времени, дополняя существующие органы военного управления мирного времени и принимая на себя часть их задач (либо специфических задач, вводимых лишь в условиях особых правовых режимов).

В соответствии с п. 9.8 Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти²

¹ Создание штабов территориальной обороны предписано на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июля 2005 г. № 452 «Об утверждении Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти».

территориальные органы министерств и ведомств осуществляет свою деятельность в соответствии положением о федеральном органе исполнительной власти и положением об этом территориальном органе. Однако указанная норма права в Вооруженных Силах реализуется лишь частично, поскольку до настоящего времени положения о многих воинских формированиях (армиях, дивизиях, корпусах, бригадах, флотах, флотилиях, полках) не изданы. А имеющиеся ведомственные нормативные правовые акты регламентируют деятельность указанных воинских формирований лишь в гражданско-правовом ракурсе, не касаясь важнейших вопросов повседневной административной деятельности, субординации между формированиями различных типов, разграничения властных полномочий при различном виде подчинения, и даже не определяя цели их деятельности³.

Автором сделана попытка заполнить указанный пробел правового регулирования путем разработки проекта Концепции административно-правового реформирования деятельности органов военного управления. Данная Концепция представляется на суд читателей для возможного обсуждения и внедрения в нормотворческую деятельность военного руководства.

Предлагается следующая структура Концепции.

I. Общие положения

В целях организации строительства и деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации в соответствии с закрепленными в Военной доктрине принципами необходимо проведение административно-правовой реформы деятельности органов военного управления.

Совершенствование качества военного управления осуществляется руководством государства на протяжении всей истории страны. В последние годы система военного управления подвергается глобальным преобразованиям. В стране произошла трансформация принципов организации и

³ Глухов Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1. С. 83—92.

формирования системы органов государственной власти, системы государственной службы, изменились средства ведения войны и инструменты достижения военных целей, появились новые, современные информационные, телекоммуникационные, юридические технологии, механизмы управления организацией и персоналом, выработки управленческих решений.

Повышение уровня боевой мощи Вооруженных Сил Российской Федерации в значительной степени зависит от роста качества управления ими. Поэтому задача по созданию перспективной системы управления всеми воинскими формированиями является приоритетной. Нарращивание боевых возможностей Вооруженных Сил и повышение эффективности военного управления становится гарантией успешного выполнения боевых задач.

Необходимость гармонизации отношений между различными звеньями иерархии военного управления, а также с общественными институтами и гражданами требует адекватных форм и способов правового регулирования. Тем более это важно для самих органов военного управления, которые вынуждены совершенствовать свою структуру и соответствовать уровню сложности постоянно возникающих задач. Система военного управления может быть эффективной только в случае правильного использования механизмов и инструментов правотворческой деятельности, точного выбора способов и средств воздействия, а также определения форм правового регулирования.

Учитывая изложенное, назрела необходимость совершенствования правового обеспечения реформирования системы военного управления в России, что, в свою очередь, станет одним из важных условий обеспечения национальной безопасности государства.

За последние годы были приняты важные решения по реализации административной реформы в Российской Федерации. Среди приоритетных направлений административной реформы были заявлены, в том числе:

— исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти;

— завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и их территориальными структурами, оптимизация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти.

В то же время стадии практической реализации достигла лишь относительно небольшая часть мероприятий административной реформы. По ряду ее приоритетных направлений работы еще не начаты. Прежде всего, это касается механизмов реализации полномочий органов исполнительной власти, необходимых для работы в новых условиях.

В основном, проводимая административная реформа затронула лишь функционирование центрального аппарата Минобороны России, на уровне войсковых объединений, соединений и воинских частей она реализуется лишь в виде экспериментов.

К проблемным вопросам управленческой деятельности следует отнести отсутствие должного взаимодействия как на принципах координации, так и субординации в деятельности субъектов обеспечения военной безопасности при выполнении совместных задач. Уровень использования современных информационных технологий остается недостаточным для кардинального повышения эффективности их деятельности. Требуют оптимизации алгоритмы и системы обмена информацией всех т.н. военных ведомств, их территориальных органов с иными субъектами публичных правоотношений.

В этой связи основными задачами настоящей Концепции определены повышение эффективности военного управления, строгое соблюдение воинскими должностными лицами законности, оптимизация структуры и связей между элементами Вооруженных Сил Российской Федерации.

II. Цели и принципы административно-правового реформирования деятельности органов военного управления

Целями реформирования деятельности органов военного управления являются:

— совершенствование правовых основ строительства и деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, достижение качественно нового уровня управленческой деятельности органов военного управления различного уровня иерархии;

— повышение уровня боевой и мобилизационной готовности всех структурных элементов Вооруженных Сил Российской Федерации за счет оптимального распределения функций и задач между ними и создания единого информационного пространства для принятия и реализации решений;

— оптимизация построения структуры Вооруженных Сил Российской Федерации исходя из эффективного достижения поставленных задач и экономии ресурсов;

— прозрачность и определенность во взаимоотношениях воинских должностных лиц органов военного управления и взаимодействующих с ними субъектов;

— повышение уровня профессионализма воинских должностных лиц и создания кадрового резерва для замещения должностей в органах военного управления, в т.ч. создаваемых в условиях чрезвычайных правовых режимов;

— уточнение и корректировка нормативных правовых актов, определяющих сферу компетентности и обязанности воинских должностных лиц органов военного управления, устранения избыточных и невыполнимых обязанностей с учетом целей функционирования и структуры возглавляемого воинского формирования.

В основу реформирования деятельности органов военного управления должны быть положены следующие принципы:

— обеспечение соответствия организации реформирования деятельности органов военного управления принципу законности и доктринальным положениям строительства Вооруженных Сил Российской Федерации;

— централизация и плановость осуществления реформирования деятельности органов военного управления;

— соответствие полномочий и компетенций органов военного управления орга-

низационной структуре Вооруженных Сил Российской Федерации и задачам возглавляемых воинских формирований;

— точное установление прав и обязанностей воинского должностного лица возложенным на него функциям и имеющимся ресурсам;

— своевременное правовое оформление всех производимых структурных изменений элементов Вооруженных Сил Российской Федерации и их органов военного управления.

III. Основные проблемы правового обеспечения деятельности воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации

До настоящего времени в России не удалось сформировать в полной мере упорядоченную и сбалансированную систему военного законодательства. Законодательно не решенными остаются вопросы построения военной организации государства, не обозначены задачи и направления ее деятельности, а также вопросы о деятельности ее составляющих; не решены вопросы о главном руководящем органе в военное время и его задачах, порядке функционирования и полномочиях.

Состав и структура органов военного управления, соотношение и форма их взаимодействия, субординация между ними должны определяться в зависимости от возложенных на воинскую структуру функций. Организационная совокупность функций в той или иной комбинации образует структурное построение государственного органа, в котором предусмотрено прохождение военной службы.

Законодательство Российской Федерации лишь фрагментарно определяет задачи органов военного управления и воинских формирований войскового звена применительно к функционированию в условиях мирного времени. Нормативные правовые акты, регламентирующие функции органов военного управления, имеются лишь в отношении центральных органов военного управления (Минобороны России, Генерального штаба и входящих в их структуру центральных органов военного управления) и управления военным округом. Пра-

вомочия и функции иных воинских формирований (армий, флотов, корпусов, дивизий, эскадр, бригад, полков и т.д.) законодательно определены лишь в ракурсе их участия в гражданских правоотношениях. Их боевые возможности, функции, правомочия и предназначение изучаются в рамках военной науки, но юридически они оформлены лишь фрагментарно.

Военное законодательство также чрезвычайно кратко описывает цели функционирования военных организаций. На уровне указов Президента России такое правовое регулирование имеется лишь в отношении самого Минобороны России¹, Генерального штаба², военного округа³ и военного комиссариата⁴. То есть установление целей, задач и видов деятельности в отношении подавляющего большинства остальных воинских формирований «отдано на откуп» руководителям государственных органов, в чьем подчинении находятся данные воинские формирования. Но в приказах руководителей военных ведомств акцент сделан на гражданско-правовую сферу правоотношений: воинские формирования позиционированы как федеральные казенные учреждения с указанием специфики разрешенной для них деятельности. Воинские формирования, не являющиеся юридическими лицами, таким образом, оказались вне сферы правового регулирования.

Функции военных организаций реализуются посредством деятельности ее должностных лиц. Руководители органов военного управления не имеют возможности своими решениями изменять существующие штаты подчиненных военных организаций и установленные Общевоин-

скими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации обязанности для своих подчиненных, поэтому зачастую вынуждены возлагать на подчиненных должностных лиц сверхштатные обязанности.

В отличие от государственных гражданских служащих, сфера деятельности военных руководителей весьма широка, и кроме собственно военных функций, направленных на достижение победы в будущей войне и подготовки к ней, включает в себя еще и администрирование по текущим вопросам всестороннего обеспечения жизнедеятельности возглавляемой структуры и социального обеспечения подчиненных⁵. А учитывая задачи по осуществлению обороны Отечества и специфические методы их выполнения, можно констатировать довольно объемный элемент неопределенности, нечеткой регламентации в деятельности военных структур.

Чрезмерная разнородность задач, функций и звеньев военных организаций затрудняет руководство воинскими коллективами, не позволяет создать единый алгоритм для всех возможных ситуаций и различного уровня и специфики деятельности командиров (начальников). Функциональные обязанности воинских руководителей не могут быть сведены к набору стандартных процедур, они не сводятся к применению знаний и навыков только по имеющемуся образованию. Учитывая изложенное, необходимо нормативно устанавливать обязанности воинских должностных лиц применительно к месту прохождения ими военной службы и специфики деятельности, имея в виду принцип планомерного изучения обязанностей по смежным и высшим воинским должностям, а также к должностям, планируемым к назначению в мобилизационных документах.

В современных условиях эффективность функционирования субъектов оборонной деятельности определяется в т.ч. качеством их взаимодействия с иными субъектами. Следовательно, руководители государственных (главным образом, силовых) органов власти должны уметь орга-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631 «Вопросы Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации».

³ Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 177 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 декабря 2012 г. № 1609 «Об утверждении Положения о военных комиссариатах».

⁵ Ст. 75—86, 93—94 УВС ВС РФ.

низовывать и поддерживать взаимодействие при совместном выполнении задач. Однако вопросы организации взаимодействия при выполнении задач обеспечения обороны в теоретическом плане до настоящего времени в юридической литературе не разработаны, что отрицательно сказывается на развитии военного управления в целом.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Положения о порядке прохождения военной службы¹ особенности прохождения военной службы в период проведения мобилизации, при введении чрезвычайного положения, военного положения и в военное время определяются федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Однако до сих пор не приняты нормативные правовые акты, устанавливающие особенности прохождения военной службы в указанных чрезвычайных и других кризисных ситуациях. Причем особенности прохождения военной службы реально появляются не только в период проведения мобилизации, при введении чрезвычайного положения, военного положения и в военное время (как это указано в Положении о порядке прохождения военной службы), но и при приведении воинских формирований в высшие степени боевой готовности, а также при проведении специальной военной операции. Поэтому заблаговременно, еще в мирное время должны быть приняты законы и подзаконные акты, регламентирующие особенности прохождения военной службы и трудовой деятельности во всех указанных режимах.

Правовая база любых воинских преобразований нуждается в своевременном дополнении, корректировании, исключении устаревающих и введении новых законодательных механизмов. Кроме того, в сфере военного строительства со временем неизбежно появляются новые явления, оказывающиеся за пределами правового

поля, которые подлежат выявлению и дальнейшему правовому регулированию.

IV. Цели и задачи административно-правового реформирования структуры и организации деятельности органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации

Федеральный закон «Об обороне» определяет правовое регулирование в области обороны в качестве составляющей компоненты организации обороны (п. 3 ст. 2). Именно правовые предписания задают цели и рамки функционирования военной организации государства. Правовые акты комплексного военного законодательства служат средством управления войсками, организации их боевой подготовки, регулирования многообразных отношений, возникающих в процессе строительства военных организаций, их повседневной жизнедеятельности.

К субъектам управляющей деятельности в военной среде необходимо отнести как воинских должностных лиц, так и специально созданные для оказания помощи командирам (начальникам) структурные единицы (штабы, управления, отделы, командования, пункты управления, командные пункты и др.). К органам военного управления относятся обособленные и специализирующие на управленческой деятельности штатные единицы военной организации, а также внештатные, специально создаваемые структуры, обеспечивающие принятие решений руководителем и реализующих их. Все они функционируют на основе принципов субординации и единоначалия.

Состояние правового регулирования воинской деятельности в Российской Федерации не является идеальным. Традиционно к дефектам правового регулирования можно отнести недостаточно упорядоченную систему военной службы как целостного государственно-правового института, недостаточный уровень эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности должностных лиц в органах военного управления.

В Военной доктрине Российской Федерации в качестве важнейшей задачи раз-

¹ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».

вития указано приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации в соответствие со стоящими перед ними задачами (п. 35). Совершенствование системы управления военной организацией и повышение эффективности ее функционирования является одним из основных приоритетов развития военной организации (п. 36).

Система военного управления не является статичной и навеки закреплённой в нормах права; она подвижна. На структуру военной организации влияют экономические возможности государства, средства вооружённой борьбы, военные угрозы и др. С изменением любого из указанных факторов должны изменяться и структуры воинских формирований, и связи между ними, и властные отношения в указанной структуре. К сожалению, реорганизация системы и структуры органов военного управления часто осуществляется под влиянием политической конъюнктуры или экономической выгоды, а не из соображений повышения эффективности работы.

Изменения в структуре военной организации должно обязательно сопровождаться изменением законодательства, регламентирующего деятельность органов военного управления и их должностных лиц. В частности, необходимо определить властные полномочия командиров при оперативном подчинении и подчинении по специальным вопросам. При формировании системы управления должен соблюдаться принцип централизованного управления вооружёнными силами со стороны высшего военного руководства в сочетании с высокой самостоятельностью и автономностью подчинённых органов военного управления.

«Нам нужна эффективная и четкая технология разработки, принятия и исполнения решений. Ныне действующий порядок ориентирован не столько на содержание, сколько на форму», — поставил задачу Президент России В.В.Путин¹. Мы не избавимся от рецидивов командной систе-

мы, если не перейдем к управлению на основе собственной компетенции. Это означает, в первую очередь, необходимость четкого установления и безусловного соблюдения рамок компетенции — для каждого государственного органа, государственного учреждения, должностного лица. Наличие собственной компетенции предполагает столь же четкую ответственность за решения и действия. Компетенция, в свою очередь, означает наличие полномочий, которые орган военного управления или должностное лицо не просто вправе, но и обязаны применять для выполнения своих функциональных задач.

В решающей степени повышение эффективности управления зависит от обособленной системы Вооружённых Сил Российской Федерации, структуры ее органов, ясного определения целей их деятельности и четкой дифференциации их правового статуса.

Цели деятельности любого отдельного самостоятельного воинского формирования должны быть тщательно продуманы и закреплены в нормативных правовых актах для устранения потенциальных конфликтных ситуаций и установления прозрачности взаимоотношений всех субъектов оборонной деятельности. Неправильно установленные цели даже при их достижении не влекут увеличения эффективности военного управления.

Формирование любой системы управления должно строиться также исходя из выполняемых функций и возложенных задач. Цели, задачи и полномочия структурных элементов любой военной структуры должны быть направлены на оптимальное функционирование и достижение целей всего воинского формирования, а не только выполнения сугубо своих задач по направлениям деятельности. Каждый структурный элемент воинского формирования должен иметь такие показатели деятельности, при выполнении которых одновременно улучшались бы и показатели функционирования всего воинского формирования любого уровня.

Конституция России предусматривает создание федеральными органами исполнительной власти (в том числе т.н. «сило-

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 2002 г. // Рос. газ. 2002. 19 апреля.

выми ведомствами») своих территориальных органов для осуществления своих полномочий (ч. 1 ст. 78). В развитие указанного конституционного положения Федеральным законом «Об обороне» предусмотрено общее устройство Вооруженных Сил и определены входящие в него элементы (ст. 11), однако до настоящего времени не изданы нормативные правовые акты, комплексно и полно регламентирующие организацию и деятельность входящих в Вооруженные Силы Российской Федерации воинских формирований, их статус и полномочия. Имеющееся нормативное регулирование статуса данных организационных структур носит фрагментарный характер, не позволяя с достаточной степенью эффективности организовать их функционирование и взаимодействие.

В существующей системе военного управления на основе принципов единоначалия и централизации потоки управленческих команд и информация обратной связи циркулируют строго по вертикали структуры военного ведомства, что увеличивает количество задействованных инстанций и время прохождения информации. В целях оперативного разрешения ряда вопросов, освобождения вышестоящих должностных лиц от несущественных дел целесообразно организовать взаимодействие между органами военного управления «по горизонтали» и регламентировать его нормами права.

Одновременно нужно учитывать, что всякая войсковая часть (соединение, объединение) как отдельная организационная система сама является элементом подсистемы более высокого порядка. Этим самым определяется подчиненность функций и целей данной системы целям вышестоящей системы. Важно добиваться того, чтобы каждое воинское формирование, каждый орган военного управления и должностное лицо имели свой абсолютно четкий и понятный правовой статус, зависящий от характера и объема выполняемых функций и полномочий.

V. Основные направления административно-правового реформирования деятельности органов

военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации

Нормативное регулирование процесса строительства военной организации зачастую запаздывает за фактически проводимыми мероприятиями военной реформы, что влечет непредсказуемость поведения субъектов правоотношений, незапланированность бюджетных трат, несогласованность с иными государственными мероприятиями. Поэтому необходимо осуществлять согласованное планирование всех мероприятий военной реформы с учетом современных военных взглядов и экономических возможностей государства.

Для предупреждения и пресечения угроз национальной безопасности необходима четко выстроенная система органов государственной власти и военного управления, осуществляющих управленческие действия в условиях соответствующих правовых режимов. В то же время организационная структура Вооруженных Сил Российской Федерации должна быть гибкой и позволять осуществлять быстрый перевод их на военное положение, реализовывать в короткие сроки необходимую структурную модернизацию органов управления без значительных материальных и временных затрат. Это означает, что в иерархии подчиненности должны использоваться одни и те же понятия, принципы, алгоритмы и сопрягаемые технические средства обмена информацией. Кроме того, организационная структура воинских формирований должна быть экономически целесообразной, т.е. иметь оптимальное количество личного состава и военной техники на каждую организационную единицу при одновременном обеспечении их максимальных боевых возможностей.

В перспективе в систему управления необходимо закладывать такие потенциальные возможности, которые позволяли бы управлять не только имеющимися на сегодня силами и средствами, но и всеми теми, которые могут потребоваться реально в военное время и в специальных правовых режимах. Заранее спланированная схема отношений между задействованными субъектами не только помогает избежать возможных конфликтов, вызванных

корпоративными интересами и субъективным понятием приоритетов деятельности, но и сокращает время принятия решений, а также их исполнения.

Уже в условиях мирного времени необходимо предусмотреть и нормативно закрепить создание органов военного управления, предназначенных для функционирования в условиях чрезвычайных правовых режимов. В первую очередь необходимо определить статус и полномочия таких создаваемых органов военного управления как объединенные командования войск (сил), штабы территориальной обороны, военно-гражданские администрации, органы управления мобилизационным развертыванием, создаваемые при федеральных органах власти. Кроме того, требуют разработки положения о воинских формированиях войскового звена различного уровня: армий, флотов, армейских корпусов, дивизий, флотилий, бригад, полков, отдельных батальонов (дивизионов) и им равных.

Войска и силы всех военных ведомств и в мирное время должны в максимальной степени содержаться в готовности в любое время и в различных условиях обстановки выполнять задачи в интересах обороны (без доукомплектования личным составом и техникой). Уже в мирное время мобилизационные документы должны быть взаимосогласованы и отработаны из расчета не только в ракурсе выполнения определенных временных параметров, но и соответствовать законодательству в сфере прохождения военной службы. Необходимо заблаговременно наладить систему подготовки военнослужащих к исполнению обязанностей по тем воинским должностям, на которые планируется их переназначение в военное время.

Еще одно важное направление преобразований — освоение современных технологий управления. Они должны привноситься в практику построения системы национальной безопасности и военной службы в процессе реформирования, которое само должно строиться на базе этих технологий. Другим каналом освоения новых управленческих технологий должна стать система образования и повышения

квалификации военных кадров. В этой связи необходимо продуманное построение военных образовательных организаций и воссоздание обучения по тем воинским специальностям, по которым не осуществляют обучение военные вузы (мобилизационная работа, кадровая работа, управление беспилотными летательными аппаратами и т.п.).

Успех вооруженной борьбы в огромной степени зависит от объединения усилий всех имеющихся войск (сил), согласованности целей, задач, средств и способов их действий. Для создания полноценной системы военного управления необходимо не просто налаживание взаимодействия между задействованными в сфере обороны субъектами, но и установление отношений власти-подчинения. Недаром принцип единоначалия является базовым для построения всех воинских правоотношений. Причем расширение властных полномочий органа военного управления должно быть установлено нормативным правовым актом соответствующего уровня, и заблаговременно доведено всем участникам данной системы.

Вместе с тем, реформирование управления — это не только и не столько изменение структуры и штатов, сколько пересмотр полномочий органов государственного управления, совершенствование механизмов реализации этих полномочий и функций. В современных условиях скоротечности боевых действий необходимо организовывать каналы взаимодействия не только по вертикали, но и по горизонтали, предоставляя право в определенных случаях решать возникшие вопросы на уровне начальников штабов, служб и командиров подразделений взаимодействующих воинских формирований.

В сфере обеспечения военной безопасности процессы взаимодействия должны упрощаться и быть менее бюрократичными, направленными на получение желаемого результата с наименьшими затратами времени. В этих целях, например, Президентом Российской Федерации было дано поручение Правительству России совместно с Министерством обороны сформировать механизм, обеспечивающий эффек-

тивный и оперативный обмен информацией между подразделениями, непосредственно участвующими в специальной военной операции, и производителями вооружения, военной и специальной техники, материальных средств¹.

В ходе преобразований структуры военной организации одновременно изменяются наименования, задачи, функции, компетенция различных управленческих структур. Следовательно, принятые ранее нормативные правовые акты уже не отражают существующей реальности отношений и не могут служить адекватным их регулятором. Поэтому в целях уменьшения административного усмотрения и правовой определенности необходимо одновременно с проводимыми структурными изменениями на нормативном уровне вводить обновленные положения о соответствующих органах военного управления, где детально регламентировать характер взаимоотношений, прав и обязанностей воинских должностных лиц.

В настоящее время организационная структура военной организации имеет тенденцию меняться в направлении модульности. Жестко структурированные типовые штаты частей и соединений могут быть пересмотрены в направлении создания модульных штатов: типовой «основы» и переменных боевых, обеспечивающих и поддерживающих структурных компонентов (в зависимости от конкретных боевых задач). Соответствующие изменения, устанавливающие новые организационные структуры воинских формирований (временного и постоянного состава) должны быть закреплены в боевых уставах и иных правовых актах.

Некоторые подразделения Министерства обороны Российской Федерации на легальной основе осуществляют предоставление государственных услуг гражда-

нам и организациям. В связи с этим необходимо оптимизировать порядок предоставления государственных услуг по пенсионному обеспечению, оформлению документов для получения статуса ветерана боевых действий, признание лица инвалидом, постановки на воинский учет и пр.

VI. Порядок проведения реформирования в сфере деятельности органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации

Порядок проведения военно-административной реформы предлагается осуществить в два этапа:

— первый этап: 2023—2024 годы. На этом этапе провести первоочередные мероприятия военно-административной реформы, не требующие дополнительных финансовых и материальных затрат;

— второй этап: 2024—2026 годы. На этом этапе реализовать основные мероприятия реформы, в том числе требующие дополнительных финансовых и материальных затрат.

На первом этапе необходимо:

— разработать и провести экспертное обсуждение основополагающих нормативно-правовых актов по вопросам деятельности органов военного управления;

— скорректировать действующие и ввести в действие новые нормативные правовые акты относительно статуса, функций и полномочий органов военного управления и их должностных лиц;

— отработать порядок функционирования органов военного управления, создаваемых для деятельности в условиях чрезвычайных правовых режимов (чрезвычайного и военного положения, контртеррористической и специальной военной операции, мобилизации). Закрепить в нормах права их статус и порядок взаимодействия с иными субъектами;

— разработать порядок делегирования полномочий со стороны руководителей органов военного управления подчиненным;

— скорректировать Государственную программу вооружений путем внесения в нее дополнений о разработке и внедрении технических средств поддержки принятий

¹ Перечень поручений по итогам совещания с членами Координационного совета при Правительстве по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации от 10 ноября 2022 г.) // Официальный сайт Президента России URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69817> (дата обращения: 25.12.2022).

решений органов военного управления и закрытых каналов связи для организации работы каналов обмена информацией всех задействованных в сфере военной безопасности субъектов;

— провести научные исследования в области совершенствования системы военного управления;

На втором этапе:

— завершить реформирование структуры Вооруженных Сил Российской Федерации и органов военного управления всех самостоятельных отдельных воинских формирований, в том числе создаваемых в условиях чрезвычайных правовых режимов;

— сформировать сеть военных образовательных организаций, способных проводить подготовку специалистов по всем необходимым военно-учетным специальностям, включая переподготовку перед назначением на должности в органы военного управления и при смене военно-учетной специальности (ВУС);

— ввести в действие алгоритмы предоставления личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации государственных услуг от органов военного управления и воинских организаций (пенсионное обеспечение, постановка на воинский учет и снятие с воинского учета, оформление документов для признания инвалидом, постановку на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, регистрационный учет по месту жительства по адресам военных организаций и пр.);

— провести ревизию задач и функций воинских должностных лиц, исключить дублирующие и не связанные с должностным предназначением. На основании анализа проведенной работы скорректировать положения Общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и иных нормативных актов, определяющих обязанности военнослужащих;

— разработать алгоритмы взаимодействия воинских должностных лиц, использующих для выполнения функциональных обязанностей системы с использованием искусственного интеллекта, где регламентировать ответственность разработчика, владельца и оператора такого рода систем.

VII. Заключение

В представленном проекте Концепции изложены основные направления совершенствования деятельности органов военного управления всех самостоятельных воинских частей, соединений и объединений Вооруженных Сил Российской Федерации. Комплексная и согласованная реализация указанных направлений по единому замыслу и плану позволит повысить эффективность военного управления, качество правового обеспечения воинской деятельности, позволит повысить боеготовность Вооруженных Сил Российской Федерации и компетентность воинских должностных лиц.

Изложенные в проекте Концепции подходы к реформе деятельности органов военного управления должны учитываться другими органами государственной власти при разработке нормативных правовых актов и документов стратегического планирования по вопросам строительства Вооруженных Сил Российской Федерации.

Библиография

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 525 с.
2. Вишняков, В.Г. Структура и штаты органов советского государственного управления / В.Г. Вишняков. — М.: Наука, 1972. — 278 с.
3. Военная администрация : учебник / Глухов Е.А. и др.; под общ. ред. В.М. Корякина. — М.: РАП, 2012. — 400 с.
4. Глухов, Е.А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3. — С. 20—33.
5. Глухов, Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.А. Глухов // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 83—92.
6. Попов, Л.Л. Административное право Российской Федерации : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев. — М., 2019. — 544 с.
7. Современные проблемы управления силами ВМФ: Теория и практика. Состояние и перспективы / И.В. Соловьев, В.В. Геков, С.М. Доценко и др.; под ред. В.И. Куроедова. — СПб.: Политехника, 2015. — 434 с.
8. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. — М., 2001. — 355 с.

Наградная система в Вооруженных Силах Российской Федерации: проблемы правового регулирования

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье анализируются особенности правового регулирования ведомственной составной части структуры наградной системы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Автор приходит к выводу об отсутствии ее четкой структуры, наличии ряда проблем, обусловленных внутренне-противоречивой и фрагментарной регламентацией рассматриваемых отношений, а также о необходимости принятия мер по совершенствованию соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: наградная система Вооруженных Сил, ведомственные знаки отличия, ведомственные награды, почетные звания, медали, поощрения.

The award system in the Armed Forces of the Russian Federation: problems of legal regulation

© Zaikov D.E.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. The article analyzes the features of the legal regulation of the departmental component of the structure of the award system of the Armed Forces of the Russian Federation. The author comes to the conclusion about the absence of its clear structure, the presence of a number of problems caused by the internally contradictory and fragmentary regulation of the relations under consideration, as well as the need to take measures to improve the relevant regulatory framework.

Keywords: the award system of the Armed Forces of the Russian Federation, departmental insignia, departmental awards, honorary titles, medals, incentives.

В современный период развития российского общества в условиях специальной военной операции, когда состояние и развитие Вооруженных Сил Российской Федерации имеет важнейшее значение, особую актуальность приобретает проблема правовых поощрений личного состава Вооруженных¹. Среди них особую роль играют награды как форма поощрений за особые заслуги, отличия

по службе, результаты трудовой и профессиональной деятельности, за вклад в дело защиты Отечества и другие достижения.

Наградная система в Вооруженных Силах Российской Федерации — это совокупность официально учрежденных и выстроенных в определенной иерархии государственных и ведомственных поощрений (отличий) в знаково-символической форме как официальное признание заслуг личного со-

---

¹ Подр. см.: Зорин О.Л. Поощрение военнослужащих: руководство по практическому применению. М.: За права военнослужащих, 2013. С. 7—15.

става Вооруженных Сил¹, граждан Российской Федерации и иностранных граждан, а также организаций Министерства обороны Российской Федерации перед Вооруженными Силами, государством и обществом².

Государственная наградная система Российской Федерации имеет сформированную стройную структуру, урегулированную Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (далее — Указ Президента РФ № 1099), обеспечивающую мотивированное и последовательное поощрение граждан за достигнутые заслуги в различных сферах государственной и общественной жизни.

Однако ведомственные наградные системы³, напротив, в отсутствие единых требований нередко являются внутренне противоречивыми, содержащими неоднозначно толкуемые положения, регулируются значительным числом различных не всегда согласованных ведомственных правовых актов, что оказывает негативное влияние на эффективность, обоснованность и значимость применяемых ведомственных наград.

Так, согласно подп. 27 п. 10 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 (далее — Положение о Минобороны России), Министр обороны Российской Федерации определяет порядок учреждения

и использования в Вооруженных Силах ведомственных наград (почетных званий, почетных грамот, ведомственных знаков отличия) и порядок их изготовления.

Таким образом, Положение о Минобороны России определяет следующие виды ведомственных наград Министерства обороны Российской Федерации:

- почетные звания;
- почетные грамоты;
- ведомственные знаки отличия.

Однако правовыми актами Минобороны России устанавливается иная структура наградной системы:

- ведомственные знаки отличия Минобороны России;
- ведомственные награды;
- иные награды.

В силу п. 1 Порядка награждения ведомственными знаками отличия Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. № 777 (далее — Порядок награждения ведомственными знаками отличия), ведомственные знаки отличия являются формой признания особых личных заслуг, отличий по службе военнослужащих Вооруженных Сил, безупречной и эффективной государственной гражданской службы, добросовестного исполнения трудовых обязанностей лицами гражданского персонала Вооруженных Сил, а также оказания содействия в решении задач, возложенных на Вооруженные Силы, другими гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами⁴.

¹ В соответствии с п. 1 ст. 12 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации включает военнослужащих и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) Вооруженных Сил Российской Федерации.

² Ильин А.В. Наградная система в Вооруженных Силах Российской Федерации: формирование и развитие (1992 — 2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 3—4.

³ Согласно п. 3 Указа Президента РФ № 1099 награды, учреждаемые федеральными органами государственной власти и иными федеральными государственными органами, не являются государственными наградами Российской Федерации.

⁴ Данное определение претерпело существенное изменение, в большей степени отражая основания для награждения ведомственными знаками отличия. Так, согласно п. 2 ранее действовавшего Положения о ведомственных знаках отличия Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 января 2008 г. № 30 (далее — Положение о ведомственных знаках отличия), ведомственные знаки отличия — форма поощрения военнослужащих и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил, а

Однако указанный правовой акт не устанавливает порядок учреждения ведомственных знаков отличия и не определяет порядок квалификации наград в качестве таковых.

В соответствии с п. 1 приказа Министра обороны Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. № 777 (далее — приказ Минобороны России № 777) учреждены ведомственные знаки отличия:

- медаль «За боевые отличия»;
- медаль «За воинскую доблесть»;
- медаль «За разминирование»;
- медаль «За укрепление боевого содружества»;
- медаль «За отличие в военной службе»;
- медаль «За трудовую доблесть»;
- медаль «Михаил Калашников»;
- медаль «Участнику военной операции в Сирии»¹.

Однако является ли данный перечень исчерпывающим?

Согласно п. 3 Положения о ведомственных знаках отличия² ведомственными знаками отличия являлись медали Минобороны России и другие знаки отличия Вооруженных Сил, в положениях о которых была указана их принадлежность к ведомственным знакам отличия³.

также других граждан и иностранных граждан, оказывающих содействие в решении задач, возложенных на Вооруженные Силы.

¹ Данные награды (за исключением медали «Михаил Калашников») уже существовали и фактически были учреждены заново. Напр.: приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 февраля 2002 г. № 90 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За разминирование» (утр. силу). Подр. см.: Зорин О.Л. Новое в правовом регулировании поощрения ведомственными знаками отличия Министерства обороны Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военнопредварное обозрение. 2018. № 4. С. 19—20.

² Утр. силу с 30 января 2018 г.

³ Напр., медали Министерства обороны Российской Федерации «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества», «За участие в военном параде в День Победы». См.: приказ Министра обороны Российской Федерации от

Вместе с тем, в Порядке награждения ведомственными знаками отличия аналогичная норма отсутствует, что приводит к выводу о закрытости перечня ведомственных знаков отличия, установленного п. 1 приказа Минобороны России № 777.

Кроме того, среди ведомственных знаков отличия отдельно выделена их группа, которая обладает особым правовым эффектом: п. 3 приказа Минобороны России № 777 установлено, что ведомственными знаками отличия, дающими право на присвоение звания «Ветеран труда»⁴, являются:

- медаль «За отличие в военной службе» I степени;
- медаль «За отличие в военной службе» II степени;
- медаль «За трудовую доблесть»;
- медаль «Михаил Калашников»⁵.

Понятие ведомственных наград приказы Министра обороны Российской Федерации не содержат, но прямо⁶ относят к указанной группе: почетные звания Министерства

4 декабря 2007 г. № 505 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За заслуги в увековечении памяти погибших защитников Отечества» и знака отличия «За отличие в поисковом движении», приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 130 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За участие в военном параде в День Победы».

⁴ С учетом требований ст. 7 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах».

⁵ Стоит указать, что согласно п. 3 Положения об учреждении ведомственных знаков отличия, дающих право на присвоение звания «Ветеран труда», федеральными органами исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и о награждении указанными знаками отличия, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 578, государственные органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, вправе учредить лишь один ведомственный знак отличия, дающий право на присвоение звания «Ветеран труда».

⁶ Непосредственно в положении об указанной награде.

обороны Российской Федерации¹ и Почетную грамоту Министерства обороны Российской Федерации².

Стоит указать, что ранее у значительного числа медалей Минобороны России был статус ведомственных наград, который был закреплен не в положениях о медалях, а в их описаниях³. Однако приказом Министра обороны Российской Федерации от 20 июня 2008 г. № 342 «О внесении изменений в приказы Министра обороны Российской Федерации о военных геральдических знаках отличия Вооруженных Сил Российской Федерации» статус медалей как ведомственных наград был изменен на «медали системы знаков отличия Вооруженных Сил Российской Федерации».

Однозначно определить соотношение ведомственных знаков отличия и ведомственных наград, их место в иерархии наградной системы в Вооруженных Силах Российской Федерации не представляется возможным⁴.

¹ См., напр.: п. 1 Положения о почетном звании Министерства обороны Российской Федерации «Почетный военный топограф», утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2021 г. № 252, п. 1 Положения о почетном звании Министерства обороны Российской Федерации «Почетный военный юрист», утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2022 г. № 822.

² См.: п. 1 Положения о Почетной грамоте Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 апреля 2017 г. № 220.

³ См., напр.: приказ Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2004 г. № 210 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «Генерал армии Хрулев», приказ Министра обороны Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 317 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «Генерал-майор Александр Александров».

⁴ Напр., согласно Положению о Почетной грамоте Следственного комитета Российской Федерации, утвержденного приказом Следственного комитета Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 101, Почетная грамота Следственного комитета Российской Федерации не обладает статусом ведомственной награды, являясь лишь одним из видов поощрения.

С одной стороны, ведомственные знаки отличия представляют собой поощрения более высокого уровня в силу как награждения ими за особые личные заслуги, так и их обособленности — специального выделения среди других наград, а также самостоятельного правового регулирования.

С другой стороны, в ряде случаев одним из условий присвоения ведомственной награды — почетного звания Минобороны России является предшествующее награждение государственной наградой Российской Федерации или ведомственным знаком отличия Минобороны России⁵.

Иные награды представляют собой довольно значительное число различных видов поощрений, единое правовое регулирование которых отсутствует.

Тем не менее, их отдельные аспекты регламентированы Руководством по геральдическому обеспечению Вооруженных Сил РФ, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 434, в силу п. 20 которого к знакам отличия⁶ относятся:

- медали Министерства обороны Российской Федерации;
- знаки отличия без колодок;
- памятные знаки на колодках;
- знаки воинской доблести;
- знаки об окончании военно-учебных заведений⁷.

⁵ См., напр.: п. 2 Положения о почетном звании Министерства обороны Российской Федерации «Почетный специалист по защите информации», утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 19 мая 2021 г. № 280, п. 2 Положения о почетном звании Министерства обороны Российской Федерации «Почетный военный строитель», утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 80.

⁶ Геральдический или вексиллологический знак для обозначения заслуг в виде вещной формы награды.

⁷ П. 10 Положения о военных геральдических знаках Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 сентября 2011 г. № 1515 (утр. силу), предусматривал иную классификацию знаков отличия, выделяя также наградные знаки

При этом предусмотрена следующая классификация медалей Минобороны России¹:

— медали, являющиеся ведомственными знаками отличия²;

— медали, не являющиеся ведомственными знаками отличия³;

— юбилейные⁴ (памятные⁵) медали.

При этом встречается и иная классификация.

Так, согласно п. 1 Положения о медали Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны»,

отличия (за высокие достижения в различных видах военной деятельности, памятные, за победу в спортивных соревнованиях и др.) и квалификационные знаки (классной квалификации, спортивных разрядов по видам спорта, уровня физической подготовки, за окончание военно-учебных заведений и др.). С 2017 г. квалификационные знаки изменили статус со знака отличия Министерства обороны Российской Федерации на знак различия Министерства обороны Российской Федерации.

¹ Медали Министерства обороны — знаки отличия в виде металлического круглого плоского геральдического знака с двухсторонними выпуклыми изображениями и надписями, соединенного с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой лентой, правая половина которой оранжевого цвета, окаймлена черными полосами.

² См.: п. 1 приказа Минобороны России № 777.

³ Напр.: приказ Министра обороны Российской Федерации от 7 ноября 2006 г. № 450 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «Генерал-полковник Дутов», приказ Министра обороны Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. № 414 «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За борьбу с пандемией COVID-19».

⁴ Напр., приказ Министра обороны Российской Федерации РФ от 13 июля 2012 г. № 1855 «Об учреждении юбилейной медали Министерства обороны Российской Федерации «100 лет военно-воздушным силам», приказ Министра обороны Российской Федерации от 19 декабря 2019 г. № 747 «Об учреждении юбилейной медали Министерства обороны Российской Федерации «100 лет Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина».

⁵ См., напр.: приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 мая 2003 г. № 160 «Об учреждении памятной медали Министерства обороны Российской Федерации «300 лет Балтийскому флоту» (утр. силу).

утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 августа 2002 г. № 300, медаль Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны» является знаком отличия Минобороны России.

Одновременно с этим существует и отдельные группы наград:

— знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации, например, знак отличия Министерства обороны Российской Федерации «Юридическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации»⁶, знак отличия Министерства обороны Российской Федерации «За лучшую научную работу»⁷;

— знаки отличия, например, знак отличия «Лучший молодой ученый», знак отличия «Лауреат конкурса в области науки»⁸; знак отличия «За заслуги в воспитательной работе»⁹;

— памятные знаки, например, памятный знак «200 лет Министерству обороны»¹⁰;

— знаки, например, знак «Лауреат премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства»¹¹ и др.

⁶ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2001 г. № 5 «Об учреждении знака отличия Министерства обороны Российской Федерации «Юридическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁷ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 565 «Об учреждении знака отличия Министерства обороны Российской Федерации «За лучшую научную работу».

⁸ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 июня 2015 г. № 342 «Об учреждении ежегодного конкурса «Лучший молодой ученый Министерства обороны Российской Федерации».

⁹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 сентября 2007 г. № 375 «О знаке отличия «За заслуги в воспитательной работе».

¹⁰ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 августа 2002 г. № 300 «Об учреждении Медали Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны» и памятного знака «200 лет Министерству обороны».

¹¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2015 г. № 705 «Об учреждении премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства».

Также нельзя не отметить и существующую рассогласованность в используемых терминах и их содержании в регламентации наград наградной системы Вооруженных Сил Российской Федерации.

Статья 39 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» предусматривает только ведомственные знаки отличия.

Положение об офицерском собрании в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 20, выделяет лишь ведомственные награды и почетные звания, п. 170 Регламента Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации РФ от 10 января 2015 г. № 1, — знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации, а подп. 3 п. 12 Положения о Департаменте военного имущества Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. № 444, — ведомственные знаки отличия¹.

В силу п. 31 Правил ношения предметов формы одежды, знаков различия, ведомственных знаков отличия и иных геральдических знаков федеральных государственных гражданских служащих Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 ноября 2016 г. № 725, ведомственные знаки отличия отнесены к геральдическим знакам², а согласно п. 4 По-

ложения о порядке выплаты ежемесячной надбавки за сложность, напряженность, высокие достижения в труде и специальный режим работы гражданскому персоналу отдельных органов Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 марта 2001 г. № 90, ученые степени и ученые звания являются знаками отличия.

Вопросы возникают и к установленному в Министерстве обороны Российской Федерации порядку награждения наградами, который имеет фрагментарное правовое регулирование.

Полностью проблема решена только в Порядке награждения ведомственными знаками отличия, а также применительно к отдельным наградам³.

Например, возбуждение ходатайств о присвоении почетных званий Министерства обороны Российской Федерации осуществляется в соответствии с Порядком награждения ведомственными знаками отличия⁴, а в отношении значительного числа наград нет даже такой правовой регламентации. Еще одним серьезным недостатком наградной системы в Вооруженных Силах Российской Федерации является ее непрозрачность, отсутствие актуальной и достоверной информации как о ее составе, так и действующих редакциях соответствующих приказов Министра обороны Российской Федерации, общее

утвержденных приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 8 апреля 2019 г. № 255.

³ См., напр.: Инструкцию о порядке награждения медалью Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны» (Приложение № 1 к Положению о медали Министерства обороны Российской Федерации «200 лет Министерству обороны», утвержденному приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 августа 2002 г. № 300).

⁴ См., напр.: п. 4 Положения о почетном звании Министерства обороны Российской Федерации «Почетный гидрограф», утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 8 августа 2019 г. № 445.

---

¹ Ср. с п. 39 Отраслевого соглашения между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы (действие продлено на 2023—2025 годы).

² См.: п. 2 Руководства по геральдическому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 434.

Ср. с п. 1 Правил ношения военнослужащими органов военной прокуратуры военной формы одежды,

число которых измеряется десятками. Даже официальный сайт Минобороны России не содержит единого перечня наград, входящих в наградную систему Вооруженных Сил, а представленная информация является разрозненной, неполной и неактуальной. СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант» содержат приказы Министра обороны Российской Федерации, регулирующие отношения по использованию наград Министерства обороны Российской Федерации, которые утратили силу, или неактуальные их редакции (апр., о медали Министерства обороны Российской Федерации «За участие в военном параде в День Победы»).

Изложенное позволяет прийти к выводу о наличии проблем в регулировании отношений по поощрению личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, оказывающих негативное влияние в целом на состояние системы стимулирования указанной категории лиц, а также снижающих значимость и эффективность используемых в Вооруженных Силах наград.

Способом устранения имеющихся проблем является совершенствование правовой регламентации рассматриваемых отноше-

ний, а первым шагом должно явиться принятие приказа Министра обороны Российской Федерации, устанавливающего единую систему ведомственных наград, их классификацию, соотношение и значимость, предъявляемые к награждаемым ими лицам требования, а также порядок награждения и другие необходимые вопросы. Такой подход реализован в ФСИН России (см. приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 27 сентября 2019 г. № 871 «О ведомственных наградах Федеральной службы исполнения наказаний»)

Библиография

1. Зорин, О.Л. Поощрение военнослужащих: руководство по практическому применению / О.Л. Зорин. — М.: «За права военнослужащих», 2013. — 253 с.
2. Зорин, О.Л. Новое в правовом регулировании поощрения ведомственными знаками отличия Министерства обороны Российской Федерации / О.Л. Зорин // Право в Вооруженных Силах — военнопредварное обозрение. — 2018. — № 4. — С. 19—27.
3. Ильин, А.В. Наградная система в Вооруженных Силах Российской Федерации: формирование и развитие (1992—2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2009. — 29 с.

Профилактика коррупционных проявлений в войсках национальной гвардии через призму совершенствования законодательства Российской Федерации

© Роганов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, профессор ПетрГУ

Аннотация. Автором исследуются отдельные положения законодательства Российской Федерации, посвященные общественному контролю за субъектами войск национальной гвардии в целях предупреждения и пресечения правонарушений. Рассмотрены вопросы, связанные с совершенствованием законодательной регламентации антикоррупционных деяний со стороны военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии.

Ключевые слова: законодательство, общественный контроль, правонарушение, коррупция, антикоррупционные деяния, войска национальной гвардии.

Prevention of corruption manifestations in the troops of the National Guard through the prism of improving the legislation of the Russian Federation

© Roganov S.A.,
Doct. Sci. (Law), Associate Professor Saint Petersburg military order of Zhukov Institute of national guard troops, Associate Professor PetrSU

Abstract. The author examines certain provisions of the legislation of the Russian Federation devoted to public control over the subjects of the National Guard troops in order to prevent and suppress offenses. Issues related to the improvement of the legislative regulation of anti-corruption acts by the military personnel (employees) of the National Guard troops are considered.

Keywords: legislation, public control, offense, corruption, anti-corruption acts, national guard troops.

Коррупционные проявления в деятельности органов исполнительной власти негативно воздействуют не только на репутацию государственных структур, но оказывает рецессивное воздействие на развитие общества, отдельной личности. Одним из механизмов, который способен навязать борьбу с коррупционными правонарушениями, является общественный контроль, деятельность субъектов которого в этой сфере регламентируется системой нормативных правовых актов.

Правовой основой деятельности общественного контроля в сфере противодействия коррупции в войсках национальной гвардии являются отдельные нормативные

правовые акты:

1) Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Общественные инициативы — это предложения граждан по вопросам социально-экономического развития России и управления (государственного, муниципального) с использованием сети Интернет. Общественные инициативы могут исходить от лица, достигшего возраста 18 лет и зарегистрированного в информационной системе. Прежде чем такие предло-

жения граждан разместят на интернет-ресурсе, они должны пройти предварительную экспертизу, которая не должна быть более двух месяцев;

2) Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам». В таких силовых структурах государства (например, МВД России, ФСБ России, Минобороны России) общественные советы зарекомендовали себя с положительной стороны, несмотря на то, что их решения носят рекомендательный характер. В настоящее время в Федеральной службе войск национальной гвардии (Росгвардия) также образован Общественный совет и действует на постоянной основе как совещательно-консультативный орган¹. Однако активность этой структуры не проявляет себя в полной мере. Полагаем, что деятельность Общественного совета Росгвардии в перспективе позитивно себя проявит себя при обсуждении вопросов в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности, ведомственной охраны, частной детективной деятельности, обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса;

3) постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2018 г. «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года». Правительство Российской Федерации определило одну из своих задач — создать условия для активной деятельности общественного контроля за функционированием государственных органов, эффективного взаимодействия субъектов гражданского общества и правоохранительных органов в целях сниже-

ния отрицательного влияния на бизнес. К сожалению, приходится констатировать факт того, что общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов ограничен информационным полем. Это связано, например, с охраной государственной тайны. Поэтому общественный контроль должен иметь свои пределы;

4) постановление Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2019 г. № 1635 «Об утверждении Правил проведения обязательного общественного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Этот подзаконный акт определяет Порядок обязательного общественного обсуждения закупок путем проведения конкурсов и аукционов при начальной цене контракта, составляющей или превышающей один млрд. рублей. Важно отметить, что органам власти субъектов Российской Федерации и муниципальным органам власти предоставлено право дополнительно определять основания и технологию обязательного общественного обсуждения закупок. Важно заметить, что без предварительного общественного обсуждения закупки не могут производиться (закон предусматривает ряд исключений из данного правила). При этом органы государственной власти обязаны представить возможность осуществлять такой контроль гражданам и уполномоченным субъектам (юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, государственные органы и органы местного самоуправления). При этом участники, желающие принять участие в обсуждении закупок, обязаны пройти регистрацию в Единой информационной системе (ЕИС). Между тем, данный подзаконный акт предусматривает, что инициативой в рамках общественного обсуждения закупок обладают только государственные органы или муниципальные образования.

Однако вопросы, связанные с общественным обсуждением закупок, могут игнорироваться федеральным органом исполнительной власти. Так, например, представителями Главного военного след-

¹ Приказ Росгвардии от 18 сентября 2020 г. № 372 «Об образовании Общественного совета при Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

ственного управления Следственного комитета Российской Федерации было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества, а именно, закупалось обмундирование для Росгвардии в 2017—2019 годах у одного поставщика и по завышенным ценам. Общая сумма ущерба при завышении цен составляет около 1 млрд. руб.¹

Анализ следственной и судебной практики позволяет предложить высшему исполнительному органу Российской Федерации внести корректировки в Порядок обязательного общественного обсуждения закупок, а именно:

а) уменьшить начальную цену контракта до 500 млн. руб.;

б) установить срок, в течение которого орган государственной власти обязан поставить в известность граждан и субъектов общественного контроля об участии в закупке, то есть представить такую информацию заблаговременно;

в) определить ответственность органа государственной власти (организации, должностного лица) за несвоевременность представления информации гражданам и институтам гражданского общества;

5) постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения». Это постановление предусматривает положение, согласно которому федеральный орган исполнительной власти, разрабатывающий проект нормативного правового акта (сроки общественного обсуждения, его результаты, финишный текст проекта), обязан его разместить в Сети Интернет на сайте regulation.gov.ru. Каждый гражданин вправе получить интересующую его информацию о проекте правового акта, а также высказать свои мысли и оценить его. Размещенный проект правового акта должен находиться на сайте не меньше 15 дней. Затем

все предложения обобщаются и также размещаются на этом сайте сети Интернет. Однако С.М. Зубарев отмечает, что только 28 % высказанных гражданами предложений принимаются во внимание федеральными органами исполнительной власти при нормотворческой деятельности². Одна из причин такого положения заключается в низкой информированности заинтересованных граждан (общественных объединений) о содержании и технологии принятия участия заинтересованными субъектами в обсуждении проектов правовых актов;

б) приказы Росгвардии³. Ведомственные акты, бесспорно, имеют большое значение в противодействии коррупции. Однако они не содержат правовых норм, которые бы предусматривали «классический» общественный контроль в рассматриваемой сфере. В результате большинство положений, содержащихся в Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», не реализуются в полном объеме в деятельности войск национальной гвардии.

Необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации до настоящего времени не решился вопрос о ратификации Конвенции, предусматривающей гражданско-правовую ответственность за коррупцию.

Вышеназванные законодательные акты и наши предложения должны повысить прозрачность государственных закупок и минимизировать коррупционные риски в этой сфере.

В настоящее время законодатель не предпринимает действий, направленных на разработку федеральных нормативных правовых актов, которые бы предусматривали общественный контроль над отдельными направлениями деятельности войск национальной гвардии. Думается, что постепенно необходимо предавать гласности и допускать осуществление общественного

² Зубарев С.М. Новые технологии общественного контроля: реальность или иллюзия? // Вестник Пермского университета // Юридические науки. 2019. № 1. С. 35.

³ Противодействие коррупции. Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации [Сайт] URL: <http://rosguard.gov.ru> (дата обращения 10.01.2023).

¹ Пятаков С.В. В Росгвардии выявили хищения при закупке обмундирования // Российская газета. 2020. 9 дек.

контроля, например, за правонарушения коррупционного характера. Субъекты общественного контроля должны располагать информацией о событии таких правонарушений: место, время, способ и другие обстоятельства произошедшего события.

Не должна быть оставлена без внимания деятельность граждан и субъектов общественного контроля в сфере противодействия коррупции в войсках национальной гвардии, касающейся образовательной среды. Особенно это касается фактов защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Законодательство Российской Федерации в какой-то мере позволяет осуществлять общественный контроль за подготовкой кадров высшей квалификации: публичность защиты диссертационного исследования; размещение рукописи диссертации в сети Интернет; необходимость опубликования научных статей по теме проведенного исследования в журналах, определяемых Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России.

Большое значение для субъектов общественного контроля в сфере упомянутого образования имеет активное их взаимодействие с представителями информационного сообщества «Диссернет», волонтерами, гражданскими активистами. Думается, что для предупреждения возникновения коррупциогенных факторов необходимо принять меры к совершенствованию нормативной правовой базы, а именно, приказа Министерства образования и науки от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»:

а) закрепить и конкретизировать в п. 64 и 68 Положения, утвержденного рассматриваемым правовым актом поводы (источники информации) для возбуждения апелляционного дела в диссертационных советах по фактам, вызывающим сомнения у субъектов общественного контроля в научности диссертации;

б) дополнить п. 68 Положения нормой о включении субъектов общественного контроля в число членов комиссии по рас-

смотрению вопроса о лишении ученой степени, при условии поступления от них ходатайств об этом;

в) с целью исключения преследования по службе автора (авторов) заявления о лишении ученой степени лица, предлагаем дополнить Положение нормой, согласно которой заседание диссертационного совета допустимо проводить в отсутствие автора такого заявления, т.е. заявление может исходить от автора, который решил обеспечить свою анонимность;

г) п. 70 Положения дополнить диспозицией, согласно которой при запросе субъектов общественного контроля копия заключения диссертационного совета по результатам рассмотрения заявления о лишении ученой степени, направляется им не позднее 1 месяца со дня заседания диссертационного совета.

В настоящее время можно выделить следующие проблемы нормативно-правового регулирования системы общественного контроля в сфере противодействия коррупции в войсках национальной гвардии:

1) Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» не содержит правовой нормы, которая бы регламентировала принцип гласности в деятельности войск национальной гвардии. Это, в конечном итоге, ослабляет общественный контроль над военной организацией в ходе принимаемых ею правовых решений. Здесь необходимо найти компромисс между доступной информацией (доступ к которой не ограничен) в деятельности войск национальной гвардии и режимом секретности в функционировании рассматриваемого органа исполнительной власти;

2) отсутствие ведомственных нормативных правовых актов, которые бы четко регламентировали процесс (методику) общественного контроля за деятельностью войск национальной гвардии. В связи с этим алгоритм действий субъектов общественного контроля должен быть минимизирован организационными мероприятиями. Это, в

конечном итоге, позволит обеспечить прозрачность деятельности федерального органа исполнительной власти, реализацию принципа законности и повысит к ним доверие со стороны не только контролирующих субъектов, но и институтов гражданского общества. Вопрос очень важен и в связи с тем, что войска национальной гвардии при выполнении возложенных на них задач наделяются правом применять меры, связанные с ограничением прав, свобод и законных интересов как физических, так и юридических лиц;

3) в законодательстве Российской Федерации не предусмотрена какая-либо ответственность за деяния (действия, бездействия), препятствующие субъектам общественного контроля выполнять задачи, предусмотренные законом. Полагаем, что назрела необходимость дополнить КоАП РФ и УК РФ новыми статьями, которые бы предусматривали ответственность за умышленное противодействие общественному контролю за деятельностью публич-

ной власти, где в качестве субъектов правонарушений выступали бы не только должностные лица, но и иные лица, достигшие возраста 16 лет. Такие статьи содержали бы и квалифицирующие признаки, например, соединенное с насилием над субъектом общественного контроля либо с повреждением или уничтожением его имущества, а равно угрозой такого насилия.

В заключении отметим необходимость дальнейшего совершенствования законодательных актов, которые бы обеспечили большую активность субъектов по осуществлению общественного контроля как одного из факторов противодействия коррупции. Это позитивно должно отразиться на правоприменительной практике.

Библиография

Зубарев, С.М. Новые технологии общественного контроля: реальность или иллюзия? / С.М. Зубарев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — № 1. — С. 35—42.

Некоторые аспекты административно-деликтной юрисдикции пограничных органов с участием юридических лиц

Свининых Оксана Юрьевна,

кандидат юридических наук, специалист юридического отдела Центра исследования проблем Российского права «Эквитас»

Глухов Максим Михайлович,

специалист юридического отдела Центра исследования проблем Российского права «Эквитас»

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и правоприменительной практики пограничных органов по привлечению к административной ответственности юридических лиц за административные правонарушения, подведомственные пограничным органам. В настоящей статье авторы последовательно раскрывают ряд проблем, возникающих в правоприменительной деятельности пограничных органов и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: пограничные органы; административные правонарушения, подведомственные пограничным органам; административная ответственность юридических лиц.

Certain aspects of administrative and tort jurisdiction border guard authorities with involvement of juridical persons

Svininikh O.Y.,

candidate of legal sciences, a solicitor of law department of the Centre of Russian Law Studies «Aquitas»

Glukhov M.M.,

a solicitor of law department of the Centre of Russian Law Studies «Aquitas»

Annotation. The article is devoted to researching legal provisions of the Code on Administrative Offences Russian Federation and law enforcement practice of border guard authorities on bringing to administrative responsibility juridical persons for offences under the jurisdiction of border guard authorities. The authors reveals a number of problems, arising in law enforcement practice of border authorities and offers the ways of solutions.

Key words: border guard authorities, administrative offences under the jurisdiction border guard authorities, administrative responsibility of juridical persons.

Административная ответственность юридических лиц в современных условиях является мощным рычагом государственного управления экономическими процессами, регулирования деятельности хозяйствующих субъектов¹.

При этом, к сожалению, реализация института административной ответственности не оказывает пока должного влияния на предотвращение противоправных действий хозяйствующих субъектов. Во многом это объясняется тем, что сами составы административных правонарушений юридических лиц, содержащиеся как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), так и в законах субъектов Российской Федерации, и предусмотренные за эти нарушения виды административных наказаний, и их размеры нередко сформулированы волонтаристски, без учета характера протекающих в России экономических процессов, реалий времени².

К административным правонарушениям юридических лиц относятся в основном правонарушения, связанные с их предпринимательской и иной организационно-хозяйственной деятельностью. Это административные правонарушения: в области охраны собственности (гл. 7 КоАП РФ); в области охраны окружающей среды и природопользования (гл. 8); в промышленно-

сти, строительстве и энергетике (гл. 9); в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель (гл. 10); в области связи и информации (гл. 13); в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций (гл. 14); в области финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней (гл. 15); в области таможенного дела (нарушение таможенных правил) (гл. 16); в области защиты Государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации (гл. 18).

В соответствии с ч. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Статья 2.10 КоАП РФ устанавливает особенности привлечения к административной ответственности юридических лиц. В частности, закреплено, что, если в статьях разд. I, III, IV и V КоАП РФ не указано, что закрепленные данными статьями нормы применяются только к физическому лицу или только к юридическому лицу, данные нормы в равной мере действуют в отношении и физического, и юридического лица, за исключением случаев, если по смыслу данные нормы относятся и могут быть применены только к физическому лицу³.

¹ Индивидуальные предприниматели несут административную ответственность за отдельные правонарушения, подведомственные пограничным органам как юридические лица, например, в рамках ст. 18.1 КоАП РФ. См. подробнее примечание к ст. 18.1. КоАП РФ: за административные правонарушения, предусмотренные ст. 18.1 КоАП РФ и иными статьями гл. 18, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в связи с осуществлением ими указанной деятельности несут административную ответственность как юридические лица, за исключением случаев, если в соответствующих статьях гл. 18 установлены специальные правила об административной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, отличающиеся от правил об административной ответственности юридических лиц.

² Административное право и административная ответственность : курс лекций (Россинский Б.В.) / 2-е изд., перераб. М.: Инфра-М, 2022.

³ Об административной ответственности физических лиц (военнослужащих) более подр. см.: Туганов Ю.Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 15—21; Туганов Ю.Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 1 (199). С. 10—19 и др.

Дискуссионность такой правовой категории как «вина юридического лица» вытекает из сущности определения юридического лица как правовой категории, что проявляется в отсутствии у юридического лица рассудка, психики и, как следствие, невозможности использования в отношении юридического лица классического понимания вины. Тем не менее, вопрос об установлении вины в отношении юридического лица решать следует, поскольку зачастую вина юридического лица предполагает и ответственность соответствующих должностных лиц. В научной литературе по данной проблематике отмечалось, что «вина юридического лица не может произвольно определяться лишь при выявлении вины конкретного должностного лица. Доказыванию подлежит виновность всех работников, осуществляющих действия от имени организации в целом»¹. Существуют различные теории вины юридического лица². Не вдаваясь в детали каждой из них, заметим, что в КоАП РФ используется поведенческая концепция вины юридического лица. В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Таким образом, для признания юридического лица виновным КоАП РФ предусматривает два условия: 1) у лица была возможность для соблюдения правил и

норм; 2) данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по соблюдению законодательства.

Как справедливо отмечает В.В. Черников, это правило обусловлено принципом справедливости, согласно которому каждое лицо несет ответственность за деяние в соответствии со степенью его вины³.

Данное положение КоАП РФ разъяснено в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5⁴, в котором говорится о необходимости установления виновности как должностного, так и юридического лица в совершении административного правонарушения, за которое они могут быть привлечены к административной ответственности по одной и той же статье. Таким образом, в данном Постановлении идет речь не о потенциальных физических лицах, не имеющих никакого отношения к юридическому лицу, а о его должностных лицах⁵ (это актуально только для привлечения должностных лиц юридического лица и самих юридических лиц).

При этом Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (далее — Постановление Пленума ВАС № 10) в отдельных случаях конкретизирована вина юридического лица.

Так, в силу абз. 2 п. 16.1 Постановления Пленума ВАС № 10 в тех случаях, когда в соответствующих статьях Особенной части КоАП РФ возможность привлечения к административной ответственности за административное правонарушение ста-

¹ Колесниченко Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 76—81.

² В зависимости от того, как определяется воля юридического лица представителями психологического направления, выделяются теории коллективной воли, доминирующей воли, поведенческая и поведенческо-психологическая концепции. См. подробнее: Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц : монография. М.: Норма, 2013.

³ См.: Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях / под. ред. В.В. Черникова. М.: ЮРАЙТ, 2002. С. 34.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями).

⁵ См. подробнее: Панкова О.В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях: науч.-практич. пособие / под ред. Н.Г. Салищевой. М.: Проспект, 2009. С. 76.

вится в зависимость от формы вины, в отношении юридических лиц требуется лишь установление того, что у соответствующего лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Применительно к деятельности пограничных органов вопрос установления вины должностного лица приобретает особую актуальность, поскольку существуют определенные нюансы в указанной процедуре в зависимости от состава правонарушения, подведомственного пограничному органу и затрагивающего различные сферы общественных отношений. Так, например, привлекая к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 8.17 КоАП РФ, должностному лицу пограничного органа следует в протоколе об административном правонарушении указать, является ли капитан судна должностным лицом и какими обстоятельствами следует руководствоваться, чтобы обосновать данный факт. Следует полагать, что при составлении протокола об административном правонарушении необходимо конкретно указывать, какие функции выполняет капитан судна на момент совершения правонарушения¹.

Важно заметить, что довольно часто капитаны судов ссылаются на то, что судовладелец не издал приказ о его приеме на работу. В этом случае мы не поддерживаем точку зрения О.В. Панковой о том, что если лицо, фактически выполняющее такие функции, не находится в трудовых отношениях с организацией или индивидуальным предпринимателем, то исключается возможность его привлечения к административной ответственности в качестве должностного лица². Мы полагаем, что отсутствие письменного трудового договора

не является основанием отсутствия трудовых правоотношений, поскольку в силу Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) основанием возникновения трудовых отношений может служить фактический допуск работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя. Кроме того, необязательно это должны быть трудовые отношения между работником и юридическим лицом. На момент совершения административного правонарушения, пользователем водных биологических ресурсов может быть использовано судно по договору тайм-чартера, в котором должно быть прописаны обязательные условия эксплуатации транспортного средства фрахтователем. К таковым относятся: эксплуатация судна в целях, определенных договором тайм-чартера; осуществление добычи (вылова) водных биологических ресурсов, переработки, осуществление перевозки между портами, находящимися на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, осуществление транспортировки водных биологических ресурсов с правом захода в иностранные порты.

Следовательно, по договору тайм-чартера для капитана и других членов экипажа обязательными становятся распоряжения фрахтователя, касающиеся коммерческой эксплуатации судна, т.е. непосредственно промысловой деятельности судна. В связи с этим, всеми организационно-распорядительными функциями по отношению к действиям экипажа судна на промысле и административно-хозяйственными полномочиями к самому судну обладает компания (юридическое лицо). Как правило, доводы стороны защиты в суде (от имени юридического лица) и представление стороной защиты документов о передаче судна во фрахт иностранной компании могут являться несостоятельными и критически оцененными со стороны суда как желание юридического лица избежать ответственности³. Кроме

¹ Функции должностного лица четко определены в ст. 2.4 КоАП РФ. К ним КоАП РФ относит административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции.

² См.: Панкова О.В. Указ соч.

³ См. подробнее: Постановление по делу об административном правонарушении Южно-Сахалинского городского суда от 9 июля 2015 г. № 5-1023/2015.

того, следует принимать во внимание тот факт, что сведения о договорах фрахта (тайм-чартера или бербоут-чартера) вносятся в свидетельство о праве собственности, т.е. подтверждают законного пользователя на момент совершения правонарушения. Таким образом, если юридическое лицо имело все необходимые полномочия и возможности для соблюдения установленных правил промысла, но не проявило должной осмотрительности и осторожности, при этом если каких-либо объективных обстоятельств, препятствующих выполнению обязанностей по соблюдению законодательства Российской Федерации, не было установлено, юридическое лицо подлежит административной ответственности.

В этой связи мы полагаем, что в рассмотренном нами случае в рамках привлечения юридического и должностного лица по ст. 8.17 КоАП РФ, должны привлекаться к юридической ответственности как должностное, так и само юридическое лицо, при этом вина юридического лица должна быть установлена и выражаться в конкретных действиях (бездействии) юридического лица¹.

Зачастую, обосновывая отсутствие возможности осуществления четкого контроля управляющим органом юридического лица за капитаном судна, представители юридического лица аргументируют это удаленностью расположения их друг от друга. Классический пример представленной ситуации — это иностранная организация, которая находится за пределами Российской Федерации, а арендованное судно осуществляет свою деятельность в морском пограничном пространстве Российской Федерации.

В данном случае следует обратиться к требованиям Федерального закона от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве

и сохранении водных биологических ресурсов», в котором закреплено, что правила рыболовства обязательны для исполнения юридическими лицами и гражданами, осуществляющими рыболовство и иную связанную с использованием водных биоресурсов деятельность².

Установив вину юридического лица, уполномоченному лицу пограничного органа следует понимать, что правосубъектность юридического лица как правовая категория не совсем понятна органам, которые уполномочены на применение мер ответственности. Так, в постановлениях о привлечении к ответственности указывают филиал или представительство юридического лица. Казалось бы, это не имеет большого значения, поскольку, на первый взгляд, нет принципиальной разницы в том, что в процессуальном документе отмечено лицо, привлекаемое к ответственности — компания N или же ее представительство, где обнаружено правонарушение. Однако при оформлении в арбитражный суд обращения об оспаривании решения должностного лица пограничного органа у представителя юридического лица (адвоката) возникает закономерный вопрос: «Согласно нормам действующего законодательства, должностное лицо пограничного органа обязано указать заявителем само юридическое лицо и соответственно, кто является участником процесса?» Положения законодательства и правовые позиции судов в этом вопросе отражают единый классический подход: *филиал или представительство юридического лица не участвуют в правоотношениях в*

¹ Отдельные вопросы совершенствования законодательства в сфере административной ответственности были рассмотрены в статье: Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 21—25.

² Часть 4 ст. 43.1 Федерального закона № 166-ФЗ. Контроль за рыбопромысловой деятельностью осуществляет в том числе и судовладелец. Неосуществление должного контроля со стороны административного органа судовладельца, выразившееся в отсутствии на судне средств связи и видеонаблюдения за действиями капитана судна, не является обстоятельством, исключающим возможность контроля за работниками судна, поскольку судовладелец был обязан осуществлять текущий контроль за состоянием технических средств на судне и их показаниями.

качестве самостоятельного субъекта права (выделено нами — О.Ю., М.М.)¹.

С 06 апреля 2022 г. вступили в законную силу поправки в ст. 2.1 КоАП РФ: «... юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению; назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо».

Юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, привлечен к административной ответственности, *если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность»*.

Ранее до внесения дополнений в КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождало от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо и практика привлечения в рамках одного деяния как юридического, так и физического или должностного лица имела место. В настоящее время администра-

тивный орган обязан представить доказательства того, что юридическое лицо имело возможность для соблюдения норм и правил за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но этим лицом не были приняты все необходимые меры.

Пока трудно представить, как данные положения будут применяться на практике. Например, возникает вопрос о том, какие юридическое лицо должно представить доказательства, подтверждающие принятие им мер для соблюдения установленных правил и норм. Логично предположить, что критерии будут вырабатываться правоприменительной практикой, вместе с тем, отдельные подходы в рамках судебной практики уже имеются.

Так, например, решением Арбитражного суда Магаданской области № А37-1863/2013 от 27 января 2014 г. Заявитель, общество с ограниченной ответственностью «Магаданрыба» (далее также — Общество), 07.10.2013 обратилось в Арбитражный суд Магаданской области с заявлением от 04.10.2013 об отмене постановления № ПУЧАО/293/13 от 13.09.2013, вынесенного ФГКУ «Пограничное управление ФСБ России по Чукотскому автономному округу» (далее также — административный орган, ответчик, пограничное управление) по делу об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена частью 1 ст. 18.1 КоАП РФ. В обоснование заявленных требований общество указало, что оспариваемое постановление является незаконным в силу следующего.

В соответствии Законом Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (далее — Закон о Государственной границе) российские суда, осуществляющие плавание между российскими портами или морскими терминалами, а также российские суда, убывающие из российских портов во внутренние морские воды или в территориальное море Российской Федерации в целях торгового мореплавания, за исключением деятельности, связанной с использованием судов для рыболовства, с последующим прибытием в российские порты, а равно в иных случаях,

¹ См. подробнее: Постановление двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 12.09.2016 г. № 21-АП-1228/2016 по делу № А8325/2016 г.

установленных Правительством Российской Федерации, могут неоднократно пересекать Государственную границу без прохождения пограничного, таможенного (в части совершения таможенных операций, связанных с прибытием (убытием) судов) и иных видов контроля при условии выполнения требований к оснащению судов техническими средствами контроля, обеспечивающими постоянную автоматическую передачу информации о местоположении судна, и (или) другими техническими средствами контроля местоположения судна и при условии уведомления пограничных органов о намерении пересечь Государственную границу и передачи в пограничные органы данных о местоположении таких судов. Судно заявителя СРТМ-С «Майронис» было оснащено техническими средствами контроля (ТСК), обеспечивающими постоянную автоматическую передачу данных о местоположении судна, что подтверждается свидетельствами о соответствии ТСК. О пересечении Государственной границы капитан судна В.П. Черняев неоднократно уведомлял Пограничное управление ФСБ России по Камчатскому краю. Поэтому пересечение судном заявителя Государственной границы не может рассматриваться как факт нарушения установленных законом правил её пересечения. Заявитель также указал, что пограничное управление, получая сведения о выходе судна из территориального моря Российской Федерации и об обратном заходе, указаний о недопустимости пересечения судном Госграницы не направляло, хотя такую возможность имело, и в силу ст. 30 Закона о Государственной границе обязано было это сделать¹.

¹ У заявителя имелось письменное распоряжение начальника координационного отдела ПУ ФСБ России по Камчатскому краю от 06.07.2013, согласно которому судно «Майронис» имеет право прохода через КП «Восток-9» без осуществления контрольно-проверочных мероприятий со стороны инспекторского состава данного пограничного управления, в связи с чем Общество считало, что в его действиях, равно как и в действиях капитана судна, отсутствует состав вменяемого административного правонарушения.

На основании изложенного ООО «Магаданрыба» просило удовлетворить заявленное требование. Ввиду того, что капитан судна подчиняется руководителю заявителя, он обязан выполнять все законные распоряжения и приказы руководителя юридического лица, соблюдать устав данного предприятия. Кроме того, капитан судна осуществлял свою деятельность в интересах ООО «Магаданрыба» и под её контролем. Все действия юридического лица опосредованы и выражаются в действиях тех физических лиц, которые в силу закона, трудового договора представляют это лицо в отношениях с третьими лицами и выступают от его имени, принимают решения и осуществляют управление, поэтому все действия работника юридического лица рассматриваются как действия этого лица.

Заявитель обязан был выполнять требования законодательства, имел правовую и реальную возможность эту обязанность выполнять, но не предпринял к этому соответствующих мер. Правильный подбор и расстановка кадров, допуск к полномочиям, контроль над деятельностью работников — всё это является проявлением разумной осмотрительности юридического лица, направленной на обеспечение законности его деятельности.

Со ссылкой на ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ ответчик сделал вывод о том, что ООО «Магаданрыба» имела все необходимые полномочия и возможности для соблюдения установленных правил пересечения Государственной границы, но указанное юридическое лицо не проявило должной осмотрительности и осторожности, соответственно, ООО «Магаданрыба» шесть раз нарушило ст. 9 Закона о Государственной границе.

При этом административный орган отметил, что все шесть фактов пересечения Госграницы подтверждаются доказательствами, приобщёнными в материалы дела об административном правонарушении, и не оспариваются заявителем. Ответчик также считал, что само по себе направление телефонограмм (электронной почтой) капитаном судна «Майронис» в адрес пограничных органов о выходе и

входе в территориальные воды России, то есть о месте и времени пересечения Госграницы, не свидетельствует о соблюдении правил пересечения границы, не освобождает от необходимости получения разрешения на неоднократное пересечение Госграницы. Поэтому данное обстоятельство не исключает вину юридического лица в совершении правонарушения, поскольку разрешения от уполномоченного органа получено не было. Исследуя субъективную сторону правонарушения, суд установил, что в оспариваемом постановлении административный орган не доказал наличие вины юридического лица за действия своего работника, капитана В.П. Черняева, в силу следующего.

В оспариваемом постановлении административный орган действия работника юридического лица — капитана В.П. Черняева приравнивает к действиям самого юридического лица, по сути, не устанавливая, а вменяя ООО «Магаданрыба» нарушение ч. 1 ст. 18.1 КоАП РФ, фактически совершённые капитаном судна. Данный вывод суд делает на основании правового анализа содержания оспариваемого постановления, в том числе, толкования ответчиком ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, отражённого судом в описательной части решения. Таким образом, административный орган констатирует факт того, что Обществом была нарушена ст. 9 Закона о Государственной границе¹.

Таким образом, отсутствие обязательного элемента состава административного правонарушения — субъективной стороны (вины юридического лица) влечёт признание незаконным и отмену оспариваемого постановления пограничного управления № ПУЧАО/293/13 от 13.09.2013 в

соответствии с ч. 2 ст. 211 АПК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, а требование ООО «Магаданрыба» подлежат удовлетворению.

Безусловно, многие факты, представленные самим Обществом, являются спорными. Так, например, судом, по нашему мнению, не была принята во внимание ч. 4 ст. 9.1 Закона «О Государственной границе Российской Федерации»: «... неоднократное пересечение Государственной границы российскими судами осуществляется с предварительным уведомлением пограничных органов. на основании разрешения пограничных органов». Само по себе направление телефонограмм о намерении пересечь государственную границу автоматически не влечет получение разрешения, т.к. это противоречит действовавшему на тот момент постановлению Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2007 г. № 560 «О получении разрешения на неоднократное пересечение Государственной границы Российской Федерации российскими рыбопромысловыми судами, осуществляющими промысел водных биологических ресурсов во внутренних морских водах, в территориальном море, исключительной экономической зоне и (или) на континентальном шельфе Российской Федерации, и об осуществлении контроля в отношении указанных рыбопромысловых судов». В настоящее время принят новый нормативный правовой акт, закрепляющий процедуру пересечения Государственной границы на море², но в целом посыл остается прежним относительно получения обратной связи от пограничного органа. Таким образом, даже если капитан судна подавал данные о намерении пересечь Государственную границу, но не по-

¹ Суд признал правомерным действия ООО. Оно обоснованно могло полагать, что, с учётом уведомлений капитаном судна должностных лиц пограничных органов Камчатского края о пересечении судом Госграницы в рассматриваемый период отсутствие со стороны пограничных органов какого-либо реагирования в адрес капитана судна, свидетельствовало, по мнению заявителя, о законности действий капитана судна. Доказательств обратного, а также соответствующего запроса генерального директора заявителя, в материалы дела ответчиком не представлено.

² Об утверждении Правил получения разрешения пограничных органов федеральной службы безопасности на неоднократное пересечение иностранными судами государственной границы Российской Федерации на море без прохождения пограничного, таможенного (в части совершения таможенных операций, связанных с прибытием (убытием) судов) и иных видов контроля : постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2014 г. № 813.

лучил подтверждения от пограничного органа, пересекать границу он не имел права.

Данный пример привлечения юридического лица к административной ответственности, пусть и десятилетней давности, глубоко отражает настоящую потребность судебной практики к выполнению п. 3 Определения Конституционного суда № 1570-О-О от 7 декабря 2010 г.: «... наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения является одним из принципов юридической ответственности, а конституционные положения о презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства и их должностных лиц, выражают общие принципы права при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности в уголовном и в административном праве. закрепляя в качестве одного из принципов административно-деликтного законодательства презумпцию невиновности, также исходит из того, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (часть 1 статьи 1.5); лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассматривающего дело (часть 2 статьи 1.5); неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (часть 4 статьи 1.5)».

Безусловно, каждый состав административных правонарушений, затрагивающий сферу интересов пограничного органа с участием юридического лица, требует детального рассмотрения и выработки единого подхода к привлечению юридических лиц к административной ответственности. С учетом последних дополнений в КоАП РФ, юридическое лицо гипотетически привлечь к ответственности будет уже более затруднительно, нежели до поправок

от 26 марта 2022 г., т.к. в обязанности правоприменительного органа входит установление фактов о том, что юридическое лицо предприняло законодательством Российской Федерации меры для соблюдения норм и правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность. В случае, если подобного рода факты будут установлены, административная ответственность должностного лица будет исключена. Логика законодателя с одной стороны понятна: снизить административную нагрузку на деятельность хозяйствующих субъектов. С другой стороны, бремя доказывания того, что юридическое лицо предприняло все меры, предусмотренные законодательством, лежит на правоприменительном органе и критерии, подтверждающие принятие этих мер еще будут вырабатываться правоприменительной практикой.

Библиография

1. Аулов, В.К. Проекты нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: краткий обзор подходов / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 7 (276). — С. 21—25.
2. Колесниченко, Ю.Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности / Ю.Ю. Колесниченко // *Журнал российского права*. — 2003. — № 1. — С. 76—81.
3. Комментарий к Кодексу об административных правонарушениях / под ред. В.В. Черникова. — М.: ЮРАЙТ, 2002.
4. Панов, А.Б. Административная ответственность юридических лиц: монография / А.Б. Панов. — М.: Норма, 2013.
5. Панкова, О.В. Настольная книга судьи по делам об административных правонарушениях: науч.-практич. пособие / под ред. Н.Г. Салищевой. — М.: Проспект, 2009.
6. Туганов, Ю.Н. Доказательства по делам об административных правонарушениях с участием военнослужащих / Ю.Н. Туганов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2014. — № 6 (204). — С. 15—21.
7. Туганов, Ю.Н. Прекращение дел об административных правонарушениях, освобождение военнослужащих, совершивших правонарушения, от административной ответственности / Ю.Н. Туганов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2014. — № 1 (199). — С. 10—19.

Военные аспекты земельного и гражданского права

Воинская часть как должник в исполнительном производстве

© Федосеев Александр Александрович,
почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, старший преподаватель кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета имени князя Александра Невского

Аннотация. Статья посвящена проблемам исполнения воинскими частями судебных актов по имущественным взысканиям, возникших из денежных обязательств.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, военные организации (воинская часть), военнослужащие, казенное учреждение, бюджетные правоотношения, судебные акты, исполнительный документ, главный распорядитель бюджетных средств, судебный пристав-исполнитель, денежные обязательства.

A military unit as a debtor in enforcement proceedings

© Fedoseev A.A.,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Senior Lecturer at the Department of Labor Law, Civil and Arbitration Procedure, Prince Alexander Nevsky Military University

Annotation. The article is devoted to the problems of execution by military units of judicial acts on property penalties arising from monetary obligations.

Key words: enforcement proceedings, recoverer, debtor, military organizations (military unit), military personnel, public institution, budgetary legal relations, judicial acts, executive document, chief manager of budgetary funds, bailiff, monetary obligations.

В настоящее время воинские части являются полноправными и активными участниками гражданских, трудовых и иных правоотношений, что обуславливает неизбежность возникновения различных споров, разрешаемых в судебном порядке и принудительного исполнения судебных актов (постановлений), принятых судами общей юрисдикции и арбитражными судами по этим спорам.

Правовому обеспечению исполнения судебных актов в отношении военнослужащих, воинских частей и военных организаций посвящены труды таких специалистов в области военного

права как А.А. Выскубин, В.М. Корякин¹, А.Ф. Воронов¹. Практика применения

¹ Выскубин А.А. Правовое регулирование деятельности органов военного управления по исполнению судебных постановлений по гражданским делам : дис... канд. юрид. наук. М., 2009; Выскубин А.А. Корякин В.М. Исполнительное производство по гражданским делам в военных организациях. М.: За права военнослужащих», 2010; Корякин В.М. Судебное решение принято. Что дальше? (как добиться исполнения решения) // Право в Вооруженных Силах военно-правовое обозрение. 2003. № 7; Корякин В.М. Порядок исполнения требований исполнительных листов судебных органов о взыскании средств по денежным обязательствам воинских частей и учреждений // Право в Вооруженных Си-

правовых норм в этой сфере военными судами анализировалась военными юристами².

Однако многие важные вопросы как законодательного, так и практического плана остаются нерешенными.

Необходимость принудительного исполнения судебных решений, принятых по результатам рассмотрения судебных споров, предопределяет участие воинских частей в исполнительном производстве не только в качестве взыскателей, но и должников.

Согласно п. 4 ст. 49 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» должником является гражданин или организация, обязанные по исполнительному документу совершить определенные действия (передать денежные средства и иное имущество, исполнить иные обязанности или запреты, предусмотренные исполнительным документом) или воздержаться от совершения определенных действий.

В п. 4 ст. 3 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, указано, что под

воинскими частями понимаются органы военного управления, органы, воинские части, корабли, соединения, предприятия, учреждения и организации Вооруженных Сил Российской Федерации (других войск, воинских формирований или органов), воинские подразделения федеральной противопожарной службы, органы военной прокуратуры, военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, а также военные учебные центры при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования. Также имеются и иные определения данного понятия. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1422 «О Боевом знамени воинской части» под воинской частью понимаются соединения, воинские части, а также военные профессиональные образовательные организации, военные образовательные организации высшего образования и их обособленные структурные подразделения (филиалы), перечень которых определяется руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

Согласно п. 1 ст. 11.1 Федерального закона «Об обороне» воинская часть Вооруженных Сил Российской Федерации может являться юридическим лицом в форме федерального казенного учреждения³.

Воинские части Вооруженных Сил в качестве юридических лиц действуют на основании единого типового устава, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 13 сентября 2016 г. № 560.

Правовое положение военных организаций (воинской части) в качестве федеральных казенных учреждений является наиболее оптимальной организационно-правовой формой существования государственных органов вообще и военных орга-

лах — военно-правовое обозрение. 2004. № 10 (88). С. 35—36.

¹ Военное право: монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 344—347, 626—627.

² См., например: Миронов В.С., Харитонов С.С. О дополнительных выплатах военнослужащим: по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 10 (303). С. 28—44; Назаров А.А., Харитонов С.С. О практике рассмотрения военными судами гражданского иска по уголовному делу // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 151—156; Шарпов С.Н., Харитонов С.С. О возмещении судебных (процессуальных) издержек: практика военных судов // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 242—247; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. О рассмотрении военными судами гражданского иска по уголовному делу (на примерах судебной практики) // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 287—291; Харитонов С.С. Когда преступлением причинен моральный вред: практика военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 8 (277). С. 38—48, и др.

³ В ст. 31 Федерального закона от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ приведен более широкий перечень военных организаций — федеральных казенных учреждений, наделяемых статусом юридического лица.

низаций (воинской части) как юридических лиц, в частности. Законодательством не предусмотрено их банкротство, присутствует существование особого порядка их ответственности (субсидиарная ответственность государства), ограничение возможности распоряжения имуществом, которое передается им в оперативное управление, а также рядом других обстоятельств¹. Поэтому значительная доля судебных актов, связанных с взысканием бюджетных средств, вытекающих из деятельности военных организаций, исполняется в порядке, предусмотренном бюджетным законодательством.

В силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об исполнительном производстве», п. 2 ст. 239 и положений гл. 24.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ), обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации службой судебных приставов не производится. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» говорится, что при поступлении исполнительного документа, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, судебный пристав-исполнитель отказывает в возбуждении исполнительного производства на основании п. 8 ч. 1 ст. 31 Закона об исполнительном производстве.

Исключение из этого правила предусматривает п. 13 ст. 242.3 БК РФ, который устанавливает, что, в случае, если счета должнику открыты в учреждении Центрального банка Российской Федерации (ЦБ РФ) или в кредитной организации, исполнение исполнительного документа производится в соответствии с законода-

тельством Российской Федерации об исполнительном производстве.

При этом каких-либо норм, устанавливающих ограничения на арест и списание таких денежных средств с расчетных счетов должника, в действующем бюджетном законодательстве не усматривается, как и не усматривается ограничения на действия судебного пристава-исполнителя осуществлять в отношении должника по взысканию задолженности с его счетов, открытых в учреждении ЦБ РФ и в коммерческом банке, в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Но у должника (воинской части) может быть открыт счет в учреждении ЦБ РФ и в коммерческом банке, а может быть и нет. Судебный пристав-исполнитель при возбуждении исполнительного производства данной информации не имеет. Он может её получить только направив запрос в налоговый орган, в котором на учете состоит должник, и только на основании постановления о возбуждении исполнительного производства. Какие-либо разъяснения по поводу данного противоречия в законодательстве, в БК РФ или в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 на этот счет отсутствуют. Отдельные указания содержатся в разделе II Методических рекомендаций по исполнению судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации² (далее — Методические рекомендации), но только по обращению взыскания по искам к казне Российской Федерации, а не по взысканию с казенных учреждений.

Предлагается внести в раздел III Методических рекомендаций следующую норму: «Судебный пристав-исполнитель не позднее следующего дня поступления обращения и после проверки соответствия представленных документов требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, направляет запрос в

¹ Кудашкин А.В. Об учредительных документах военных организаций — юридических лиц // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 6 (228). С. 15—18.

² Приказ ФССП России от 15 мая 2009 г. № 195 «Об утверждении методических рекомендаций по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

налоговый орган, в котором на налоговом учете состоит должник, о предоставлении сведений о виде организационно-правовой формы учреждения и об открытых счетах должника в учреждении Центрального банка Российской Федерации или в кредитных организациях. Налоговый орган в течении 2-х дней с момента получения запроса обязан направить сведения о наличии или отсутствия счетов у должника приставу-исполнителю. В случае наличия счетов судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство, а в случае отсутствия открытых счетов отказывает в возбуждении и возвращает исполнительные документы». Одновременно полагаем оправданным данную норму закрепить в законе, а не в ведомственном акте.

В соответствии с п. 1 ст. 242.3 БК РФ взыскание на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации производится только по исполнительному документу, выданному на основании судебного акта (за исключением случаев, установленных БК РФ), предусматривающего обращение взыскания на средства федерального бюджета по денежным обязательствам¹ федерального казенного учреждения — должника (воинской части)², а, значит, не распространяется на случаи, когда обязательство получателя бюджетных средств перед кредитором имеет неденежную форму, если только суд не изменил порядок исполнения решения суда.

Исполнительный документ направляется судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем вместе с документами, указанными в п. 2 ст. 242.1 БК РФ, в орган Федерального казначейства, где у должника (воинской части) открыт лицевой счет

как получателя средств федерального бюджета для учета операций по исполнению расходов федерального бюджета. Орган Федерального казначейства не позднее пяти рабочих дней после получения исполнительного документа направляет должнику (воинской части) уведомление о поступлении исполнительного документа и о дате его приема к исполнению с приложением копии судебного акта и заявления взыскателя, при отсутствии оснований для возврата документов взыскателю, указанных в п. 3 ст. 242.1 БК РФ. При наличии оснований для возврата орган Федерального казначейства возвращает весь пакет взыскателю (по всей видимости после устранения причин возврата, если причины устраняемые, может быть заново подан в орган Федерального казначейства). В силу обязательности исполнения судебных актов орган Федерального казначейства, в котором не открыты лицевые счета должника, при осуществлении возврата исполнительного документа, обязан довести до сведения взыскателя, а в случае направления исполнительного документа судом — до сведения суда, информацию о наличии открытых лицевых счетов должника в другом органе Федерального казначейства, либо об отсутствии открытых лицевых счетов должника в органах Федерального казначейства³.

Должник (воинская часть) в течение 10 рабочих дней со дня получения уведомления представляет в орган Федерального казначейства информацию об источнике образования задолженности и о кодах бюджетной классификации Российской Федерации, по которым должны быть произведены расходы федерального бюджета (бюджета государственного внебюджетного фонда Российской Федерации) по исполнению исполнительного документа применительно к бюджетной классификации Российской Федерации текущего финансового года. Кроме того, должник (воинская часть) одновременно с указанной информацией для исполнения исполнительного документа представляет в орган

¹ Под денежными обязательствами в ст. 6 БК РФ понимаются обязательства «получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства ...».

² В Определении ВАС РФ от 25 июня 2010 г. № ВАС-8276/10 указано, что постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании с должника штрафов и исполнительского сбора так же могут направляться в орган Федерального казначейства, где у должника (воинской части) открыт лицевой счет.

³ Статья 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ.

Федерального казначейства распоряжение на сумму полного либо частичного исполнения исполнительного документа в пределах остатка объемов финансирования расходов, отраженных на его лицевом счете получателя средств федерального бюджета. При нарушении должником (воинской частью) этих требований орган Федерального казначейства приостанавливает до момента устранения нарушения осуществление операций по расходованию средств на лицевых счетах должника (воинской части), включая лицевые счета его структурных (обособленных) подразделений, открытые в данном органе Федерального казначейства, за исключением операций по исполнению исполнительных документов, решений налоговых органов о взыскании налога, сбора, страхового взноса, пеней, штрафов и т.п.¹ Если выплаты по исполнению исполнительного документа имеют периодический характер, должник (воинская часть) одновременно с документами, указанными в п. 3 ст. 242.3 БК РФ, представляет в орган Федерального казначейства информацию о дате ежемесячной выплаты по данному исполнительному документу.

В случае отсутствия или недостаточности соответствующих лимитов бюджетных обязательств (бюджетных ассигнований) для полного исполнения исполнительного документа федеральное казенное учреждение — должник (воинская часть) направляет органу государственной власти (государственному органу), осуществляющему бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) средств федерального бюджета (для воинской части — это Минобороны России), в ведении которого он находится, запрос-требование о необходимости выделения ему дополнительных лимитов бюджетных обязательств (бюджетных ассигнований) в целях исполнения исполнительного документа с указанием даты его поступления в орган Федерального казначейства. Главный распорядитель (распорядитель) средств федерального бюджета в трехмесячный срок со дня поступления исполнительного доку-

мента в орган Федерального казначейства обеспечивает выделение должнику (воинской части) как получателю средств федерального бюджета лимитов бюджетных обязательств (бюджетных ассигнований) в соответствии с запросом-требованием. После поступления денежных средств на лицевой счет должника производится исполнение судебного акта и орган Федерального казначейства при полном исполнении исполнительного документа направляет исполнительный лист (судебный приказ) с отметкой о размере перечисленной суммы в суд, выдавший этот исполнительный лист (судебный приказ).

Как быть, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств бюджета в течение установленного законом трехмесячного срока?

В п. 7 ст. 161 БК РФ предусмотрено, что при недостаточности лимитов бюджетных обязательств, доведенных казенному учреждению для исполнения его денежных обязательств, по таким обязательствам от имени Российской Федерации отвечает орган государственной власти (государственный орган), осуществляющий бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств, в ведении которого находится соответствующее казенное учреждение. Так как в силу п. 4 ст. 123.22 ГК РФ казенное учреждение отвечает по своим обязательствам только денежными средствами, находящимися в его распоряжении, то при недостаточности денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения несет собственник его имущества и тоже только денежными средствами.

Значит, если по истечению трех месяцев со дня поступления исполнительного документа в орган Федерального казначейства главный распорядитель бюджетных средств (далее — ГРБС) не обеспечивает выделение должнику (воинской части) дополнительных лимитов бюджетных обязательств (бюджетных ассигнований) в целях исполнения исполнительного документа в соответствии с запросом-требованием, то взыскатель имеет право обратиться в суд с иском о

¹ Абзац 3 п. 3 ст. 242.3 БК РФ.

взыскании денежных средств с ГРБС в порядке субсидиарной ответственности на основании полностью или частично неисполненного исполнительного документа по денежным обязательствам, т.к. ГРБС несет субсидиарную ответственность по обязательствам казенного учреждения как собственник его имущества. Так, согласно п. 1 ст. 399 ГК РФ, до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (субсидиарную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему субсидиарную ответственность. И в случае удовлетворения судом заявления исполнительный документ о взыскании средств с ГРБС направляется в орган Федерального казначейства по месту открытия, главному распорядителю средств федерального бюджета лицевого счета, как получателю средств федерального бюджета, для исполнения в порядке, установленном БК РФ.

Данный порядок намного удлиняет срок исполнения решения суда. Так, срок исполнения составляет не менее 3 месяцев, затем обращение в суд. Рассмотрение дела в суде первой инстанции в среднем составляет от 2 до 6 месяцев. Апелляция — еще 2 месяца. В 2019 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 28 мая 2019 г. № 13 в абз. 4 п. 20 указал, что кредитор также вправе одновременно предъявить иск к основному должнику — казенному учреждению и должнику, несущему ответственность при недостаточности лимитов бюджетных обязательств — главному распорядителю бюджетных средств, осуществляющему финансовое обеспечение деятельности находящегося в его ведении казенного учреждения за счет средств соответствующего бюджета. При этом в резолютивной

части судебного акта в случае удовлетворения такого иска суд должен указать на взыскание суммы задолженности с казенного учреждения (основного должника), а при недостаточности лимитов бюджетных обязательств — с главного распорядителя бюджетных средств. Данное разъяснение дает возможность кредитору добиться исполнения судебного акта в разумные сроки. Но при этом полагаем, что целесообразно внести в данный абзац Постановления изменения и вместо «... кредитор также вправе ...», указать «... кредитор одновременно предъявляет ...», чтобы сократить срок исполнения обязательств и дисциплинировать ГРБС, т.к. при неисполнении основным должником обязанность по исполнению судебного акта переходит к ГРБС.

А как быть в случае отсутствия у основного должника лицевого счета в органах Федерального казначейства?

Ранее отсутствие у основного должника лицевого счета в органах Федерального казначейства фактически приводило к невозможности исполнения судебных актов, вынесенных в отношении органа государственной власти и исключалась возможность изменения способа и порядка исполнения соответствующего решения и возложения обязанности по его исполнению на главного распорядителя бюджетных средств в порядке ст. 242.3 БК РФ или на казну Российской Федерации в порядке ст. 242.2 БК РФ¹.

В настоящее время в п. 10 ст. 242.3 БК РФ введены два абзаца, которые позволяют получить судебную защиту и предсказуемый правовой результат, соответствующий стандартам правовой определенности. Так, в случае поступления в соответствии с п. 1 ст. 242.3 БК РФ в орган Федерального казначейства исполнительного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2021 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 3 статьи 158 и пункта 10 статьи 242.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также части 1 статьи 358 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхеммеля».

документа о взыскании средств с федерального казенного учреждения — должника, которому не открыты лицевой счет должника, счет в учреждении ЦБ РФ или в кредитной организации, обеспечение исполнения такого исполнительного документа осуществляется федеральным органом государственной власти (государственным органом), органом управления государственным внебюджетным фондом Российской Федерации, в чьем ведении находится должник, осуществляющими бюджетные полномочия главного распорядителя средств соответствующего бюджета, в порядке, установленном БК РФ в отношении казенных учреждений — должников, без возврата исполнительного документа по основанию, предусмотренному БК РФ.

Если ГРБС все-таки не было произведено исполнение решения суда за счет средств бюджета, как поступить в этом случае?

Ни в БК РФ, ни в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 на этот счет ничего не сказано¹.

При этом в разделе 2 Методических рекомендаций о порядке действий судебных приставов-исполнителей при исполнении актов судебных органов, предусматривающих взыскания по искам к казне Российской Федерации, по денежным обязательствам Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований указано, что для выявления имущества, составляющего казну соответствующего публично-правового образования, судебный пристав-исполнитель обращается с запросом в территориальный орган Федерального агентства по управлению государственным имуществом, в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления.

Дальнейшие исполнительные действия в отношении имущества публично-правового образования, в том числе арест, оценка и реализация имущества, составляющего казну публично-правового образования, осуществляется в соответствии с порядком обращения взыскания на имущество должника, установленным Федеральным законом «Об исполнительном производстве».

Аналогичное пояснение ранее содержалось и в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации», где разъяснялось, что после установления невозможности исполнения решения суда за счет средств бюджета судебный пристав-исполнитель вправе осуществить исполнительные действия по аресту и реализации принадлежащего публично-правовому образованию на праве собственности имущества, не закрепленного за созданными им юридическими лицами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, на которое может быть обращено взыскание.

Однако в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2019 г. № 13 данный пункт больше не применяется.

Следовательно, исполнительный лист о взыскании денежных средств с публично-правового образования может быть предъявлен взыскателем для принудительного исполнения судебному приставу-исполнителю лишь в случае, если исполнение решения суда не было произведено за счет средств бюджета в течение указанного трехмесячного срока.

Таким образом, проанализировав порядок исполнения воинскими частями судебных актов по имущественным взысканиям, возникших из денежных обязательств, автор приходит к выводу о необходимости более четкого законодательного урегулирования указанного порядка в целях обеспечения прав и законных интересов как взыскателей, так и должников, по судебным актам (постановлениям), принятым судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

¹ Абзац 4 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — ISBN 978-5-042565-2-7. — EDN WODYT.
2. Выскубин, А.А. Исполнительное производство по гражданским делам в военных организациях / А.А. Выскубин, В.М. Корякин. — Москва: За права военнослужащих, 2010. — 239 с.
3. Выскубин, А.А. Правовое регулирование деятельности органов военного управления по исполнению судебных постановлений по гражданским делам : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Выскубин. — М., 2009.
4. Корякин, В.М. Порядок исполнения требований исполнительных листов судебных органов о взыскании средств по денежным обязательствам воинских частей и учреждений / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2004. — № 10 (88). — С. 35—36.
5. Кудашкин, А.В. Об учредительных документах военных организаций - юридических лиц / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 6 (228). — С. 15—18.
6. Миронов, В.С. О дополнительных выплатах военнослужащим: по материалам военно-судебной практики / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 10 (303). — С. 28—44.
7. Назаров, А.А. О практике рассмотрения военными судами гражданского иска по уголовному делу / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // Военное право. — 2022. — № 6(76). — С. 151—156.
8. Смирнов, Д.В. О рассмотрении военными судами гражданского иска по уголовному делу (на примерах судебной практики) / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // Военное право. — 2021. — № 4 (68). — С. 287—291.
9. Шарапов, С.Н. О возмещении судебных (процессуальных) издержек: практика военных судов / С. С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военное право. — 2021. — № 4 (68). — С. 242—247.
10. Харитонов, С.С. Когда преступлением причинен моральный вред: практика военных судов / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 8 (277). — С. 38—48.

Некоторые аспекты правового режима и правоприменения в сфере использования земель обороны и безопасности

© Шанхаев Сергей Вячеславович,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье анализируются особенности правового регулирования земель, предназначенных для нужд обороны и безопасности и использования данных земель. Делается вывод о том, что правовой режим земель для нужд обороны и безопасности имеет определенные характерные черты. Правовое регулирование использования данных земель осуществляется также на ведомственном уровне путем издания министерствами и ведомствами нормативных правовых актов.

Ключевые слова: земли обороны и безопасности, особенности правового режима и правоприменения земель обороны и безопасности.

Some aspects of the legal regime and law enforcement in the field of land use defense and security

© Shankhaev S.V.,
Candidate of Legal Sciences

Annotation. The article analyzes the features of the legal regulation of lands intended for the needs of defense and security and the use of these lands. It is concluded that the legal regime of lands for the needs of defense and security has certain characteristic features. Legal regulation of the use of these lands is also carried out at the departmental level by issuing regulatory legal acts by ministries and departments.

Key words: defense and security lands, features of the legal regime and law enforcement of defense and security lands.

В соответствии с данными государственной статистической отчетности площадь земель обороны и безопасности в России по состоянию на 2017 г. составляла 4,8 млн. га¹.

В соответствии с п. 1 ст. 93 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) землями обороны и безопасности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, организаций, предприятий, учреждений, осуществляющих функции по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории

Российской Федерации, защите и охране Государственной границы Российской Федерации, информационной безопасности, другим видам безопасности в закрытых административно-территориальных образованиях, и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, предусмотренным ЗК РФ, федеральными законами.

Пунктом 2 ст. 93 ЗК РФ предусмотрено, что в целях обеспечения обороны могут предоставляться земельные участки для:

1) строительства, подготовки и поддержания в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (размещение военных организаций, учреждений и других объектов, дислокация войск и сил флота, проведение учений и иных мероприятий);

2) разработки, производства и ремонта вооружения, военной, специальной, кос-

¹ Обзор правоприменительной практики департаментов лесного хозяйства по федеральным округам при осуществлении федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) в лесах, расположенных на землях обороны и безопасности в 2017 г., утвержденный Рослесхозом 9 января 2018 г.

мической техники и боеприпасов (испытательных полигонов, мест уничтожения оружия и захоронения отходов);

3) размещения запасов материальных ценностей государственного материального резерва.

ЗК РФ в данной норме также предусматривает, что при необходимости временного использования земель (территорий) для проведения учений и других мероприятий, связанных с нуждами обороны, земельные участки у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков не изымаются. Использование этих земель осуществляется применительно к порядку, установленному для проведения изыскательских работ, а также для зон с особыми условиями использования.

В целях обеспечения защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, отводятся в постоянное (бессрочное) пользование земельные полосы или участки для обустройства и содержания инженерно-технических сооружений и заграждений, пограничных знаков, пограничных просек, коммуникаций, пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации и других объектов (п. 3 ст. 93 ЗК РФ).

Нормы отвода земельных полос, размеры земельных участков, необходимых для обеспечения защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации, порядок их использования, включая особенности хозяйственной, промысловой и иной деятельности, определяются законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 4 ст. 93 ЗК РФ для размещения объектов по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов, военных и иных объектов в закрытых административно-территориальных образованиях земельные участки предоставляются в постоянное (бессрочное) пользование или в аренду.

В закрытом административно-территориальном образовании устанавли-

вается особый режим использования земель по решению Правительства Российской Федерации.

Исполнительные органы государственной власти и органы местного самоуправления, предусмотренные ст. 39.2 ЗК РФ¹, должны принимать необходимые меры по предоставлению земельных участков для удовлетворения потребностей населения в развитии садоводства и огородничества, сельскохозяйственного производства, жилищного строительства за пределами закрытого административно-территориального образования.

В условиях чрезвычайного или военного положения использование земельных участков для нужд обороны и безопасности может осуществляться в порядке, установленном ст. 51 ЗК РФ (п. 6 ст. 93 ЗК РФ).

В соответствии с п. 10 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» земли и другие природные ресурсы, предоставленные для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, находятся в федеральной собственности².

Исходя из указанных положений законодательства следует, что земли обороны и безопасности обладают специальным (особенным) специальным правовым режимом использования.

Понятие режима характерно для многих общественных отношений.

В Большой Советской Энциклопедии дается следующее определение режима:

¹ В соответствии со ст. 39.2 ЗК РФ предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, осуществляется исполнительным органом государственной власти или органом местного самоуправления в пределах их компетенции в соответствии со ст. 9—11 ЗК РФ.

² Пунктом 5.1 ст. 93 ЗК РФ предусмотрено, что земли обороны и безопасности, временно не используемые по целевому назначению, с согласия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области обороны, или федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности, могут включаться в границы охотничьих угодий в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

«режим (франц. *regime*, от лат. *regimen* — управление): 1) государственный строй, метод правления; 2) точно установленный распорядок жизни, работы, отдыха, питания, сна; 3) совокупность правил, мероприятий, норм для достижения той или иной цели»¹.

В Словаре русского языка, составленном С.И. Ожеговым, режим определяется как совокупность фактических, природных, физических и технологических признаков, характерных для конкретного вида явлений².

Необходимо отметить, что понятие правового режима содержится в Юридической Энциклопедии России. Правовой режим (*law, juridical, legal regime of*) — нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуации, которые должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (объекта или определенной ситуации). В отличие от правового статуса, который касается правовой характеристики субъекта отношений, правовой режим дает определение юридической природы предмета отношений и содержит требования и принципы поведения субъектов в определенной ситуации³.

По мнению С.А. Боголюбова, правовой режим земельных участков определяется совокупностью правил их использования и включения в гражданский оборот, охраны, учета и мониторинга, установленных земельным, градостроительным, лесным, водным, природоохранным, законодательством о недрах и иным законодательством⁴.

В содержание понятия «правовой режим земельного участка» включаются права и обязанности его собственника,

владельца, пользователя или арендатора. Кроме этого, важнейшую роль играют основное целевое назначение, соблюдение различных требований и нормативов, охрана и защита правового режима земельных участков, а также юридическая ответственность за нарушение режима. Определить правовой режим конкретного земельного участка в такой ситуации можно только на основе учета комплекса различных факторов. Важное значение имеет то, каким образом определяются права и обязанности лиц, использующих земельные участки, под влиянием каких правовых условий они формируются и с помощью каких правовых способов. Основным фактором, определяющим правовой режим земельного участка, является целевое назначение категории земель, в составе которой находится участок. Именно целевое назначение категории земель определяет возможность использования земли на соответствующем титуле: на титуле права собственности или на титулах производных от права собственности⁵.

Немаловажно, что в правовой режим использования данных земель можно включить и особенности государственного контроля за использованием данной категории земель⁶.

Из анализа подп. 5 п. 5 ст. 27 ЗК РФ во взаимосвязи с положениями ст. 93 ЗК РФ при рассмотрении вопроса об отнесении участков, которые предоставлены для обеспечения обороны и безопасности, к земельным участкам, ограниченным в обороте, важным является разрешенное либо фактическое использование этого участка в целях обеспечения деятельности государства в области обороны и безопасности⁷.

¹ Иванцов С.Г. Режим // БСЭ. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 577.

² Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. Под ред. С.П. Обнорского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. С. 620.

³ Юридическая энциклопедия / Под общей ред. Б.Н. Топорнина. М: Юристъ, 2001. С. 812.

⁴ Боголюбов С.А. Основные начала земельного законодательства // Земля и право. Пособие для российских землевладельцев / Под ред. С.А. Боголюбова. М.: Норма, 1997. С. 34—35.

⁵ Бугров Д.С. Правовой режим земельных участков как недвижимого имущества : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 31.

⁶ Феоктистова О.Ю. Организационно-правовые основы государственного контроля за использованием земель, выделенных для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

⁷ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 12 октября 2010 г. № 3199/10 по делу № А57-1017/09-5.

Правовой режим земельных участков, используемых для нужд обороны и безопасности, регулируется отдельными законодательными актами: Федеральным законом «Об обороне», Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» и др.

Такие земельные участки ограничиваются в обороте правовыми актами, что также корреспондирует норме п. 4 ст. 27 ЗК РФ, в соответствии с которой из оборота изъяты земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности следующими объектами:

— зданиями, сооружениями, в которых размещены для постоянной деятельности Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы (за исключением случаев, установленных федеральными законами);

— зданиями, сооружениями, в которых размещены военные суды;

— объектами организаций органов государственной охраны;

— воинскими и гражданскими захоронениями;

— инженерно-техническими сооружениями, линиями связи и коммуникациями, возведенными в интересах защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации.

Изъятие из гражданского оборота означает, что земельные участки из состава земель обороны и безопасности не могут предоставляться в частную собственность, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством.

В соответствии с Положением об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны, утвержден-

ным постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 405, в отношении военных объектов¹ устанавливаются следующие виды зон: «запретная зона», «зона охраняемого военного объекта», «охранная зона военного объекта», «внешний периметр военного объекта», «специальная зона».

Раскроем каждый вид зоны для военных объектов:

— «запретная зона» — территория вокруг военного объекта, включающая земельный участок, на котором он размещен, в границах которой в соответствии с настоящим Положением запрещается или ограничивается хозяйственная и иная деятельность с целью обеспечения безопасности населения при функционировании военного объекта и возникновении на нем чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или совершении террористического акта;

— «зона охраняемого военного объекта» — территория, в границах которой ограничивается строительство объектов капитального строительства, предусматривающих эксплуатацию оборудования, создающего искусственные, в том числе индустриальные, радиопомехи, а также использование стационарного или переносного приемопередающего оборудования, препятствующего нормальному функционированию военного объекта;

— «охранная зона военного объекта» — территория, в границах которой принимаются особые меры по обеспечению безопасного функционирования и защите военного

¹ Военные объекты — существующие или планируемые к строительству полигоны, аэродромы, узлы связи, базы, склады, арсеналы и иные используемые для нужд обороны страны и безопасности государства объекты, а также объекты недвижимого имущества, расположенные на позициях войск и воинских частей, на стационарных пунктах управления, в военных научно-исследовательских организациях, комплексы зданий и отдельные здания, строения и сооружения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны.

объекта, включающие меры по обеспечению безопасного хранения вооружения, военной техники, ракет и боеприпасов, а также иного имущества военного назначения при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или совершении террористического акта;

— «внешний периметр военного объекта» — граница земельного участка, занимаемого военным объектом, используемого федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в котором федеральным законодательством предусмотрена военная служба;

— «специальная зона» — территория вокруг военного объекта, в границах которой с целью обеспечения защиты сосредоточенных на военном объекте сведений, составляющих государственную тайну, запрещается или ограничивается ведение хозяйственной деятельности, строительство объектов капитального строительства, проживание и (или) нахождение физических лиц.

Запретные зоны и специальные зоны являются территориями с особыми условиями использования находящихся в их границах земельных участков.

В границах запретной зоны могут (при необходимости) устанавливаться зоны охраняемых военных объектов и охранные зоны военных объектов.

Целями установления запретных зон являются:

а) обеспечение обороны страны, защиты населения и бесперебойного функционирования военных объектов;

б) безопасность эксплуатации военных объектов и хранения вооружения, военной техники, ракет и боеприпасов, а также иного имущества военного назначения;

в) недопущение разрушающего и иного воздействия на военные объекты, в том числе вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера или совершения террористического акта (чрезвычайная ситуация);

г) защита населения при функционировании военных объектов и возникновении чрезвычайных ситуаций на них.

Целями установления специальных зон являются:

а) обеспечение безопасности государства, сохранность сведений, составляющих государственную тайну, и противодействие иностранным техническим разведкам;

б) обеспечение бесперебойного функционирования и безопасности эксплуатации военных объектов.

Для военных объектов, расположенных в границах населенных пунктов, запретная зона и специальная зона устанавливаются по внешнему ограждению территории военного объекта или, если такое ограждение отсутствует, по его внешнему периметру.

Для военных объектов, расположенных вне населенных пунктов, внешняя граница запретной зоны устанавливается на расстоянии не более чем 3 километра от внешнего ограждения территории военного объекта или, если такое ограждение отсутствует, от его внешнего периметра. Ширина запретной зоны военного объекта определяется величиной расчетного радиуса воздействия поражающих факторов военного объекта, возникающих при нарушении его нормального функционирования вследствие возникновения чрезвычайных ситуаций.

Внешняя граница зоны охраняемого военного объекта устанавливается на расстоянии, не превышающем 2 километров от внешнего ограждения территории военного объекта или, если такое ограждение отсутствует, от его внешнего периметра. Ширина зоны охраняемого военного объекта определяется с учетом норм электромагнитной совместимости и помехозащитности оборудования, эксплуатируемого на военном объекте. Зона охраняемого военного объекта не устанавливается, если ее внешняя граница совпадает с границей запретной зоны.

Граница охранной зоны военного объекта устанавливается в пределах запретной зоны (или в пределах зоны охраняемого военного объекта, если она установлена) на территории, непосредственно примыкающей к внешнему ограждению территории военного объекта или, если такое

ограждение отсутствует, к его внешнему периметру:

а) на расстоянии, не превышающем 400 метров, — для военных объектов, на которых хранятся боеприпасы, ракеты, взрывчатые, радиоактивные, отравляющие, химически и биологически опасные вещества, легковоспламеняющиеся и (или) горючие жидкости, а также горюче-смазочные материалы;

б) на расстоянии, не превышающем 100 метров, — для прочих военных объектов.

Внешняя граница специальной зоны устанавливается на расстоянии не более чем 400 метров от внешнего ограждения территории военного объекта или, если такое ограждение отсутствует, от его внешнего периметра, за исключением внешних границ ранее установленных специальных зон.

Внешние границы специальной зоны могут оборудоваться ограждением. Требования к ограждению специальной зоны определяются руководителем федерального органа исполнительной власти (федерального государственного органа), в ведении которого находится военный объект.

На территории охранной зоны военного объекта без специального разрешения федерального органа исполнительной власти (федерального государственного органа), в ведении которого находится военный объект, запрещается:

а) проживание и (или) нахождение физических лиц;

б) осуществление хозяйственной и иной деятельности в соответствии с настоящим Положением;

в) размещение объектов производственного, социально-бытового и иного назначения, устройство туристических лагерей и зон отдыха, размещение и оборудование стоянок автотранспорта, разведение открытого огня (костров), стрельба из любых видов оружия, использование взрывных устройств и пиротехнических средств, проведение земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, за исключением противопожарных и других мероприятий по обеспечению безопасности военного объекта, в

том числе фитосанитарных мероприятий, любыми лицами, за исключением лиц, обеспечивающих функционирование военного объекта или использующих его.

На территории зоны охраняемого военного объекта строительство объектов капитального строительства, ввод в эксплуатацию оборудования, создающего искусственные, в том числе индустриальные, радиопомехи, а также размещение и эксплуатация стационарного или переносного приемопередающего оборудования с мощностью передатчиков более 5 Вт осуществляются исключительно по согласованию с федеральным органом исполнительной власти (федеральным государственным органом), в ведении которого находится военный объект. При этом параметры электромагнитной совместимости оборудования, создающего радиопомехи военному объекту, определяются по внешней границе зоны охраняемого военного объекта.

В соответствии с Положением о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Минобороны России осуществляет в пределах своей компетенции управление в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных в границах военных лесничеств, в том числе утверждает лесохозяйственные регламенты военных лесничеств и заключения государственной экспертизы проектов освоения лесов, допускаемого на землях обороны; осуществляет в пределах своей компетенции правомочия собственника имущества Вооруженных Сил, имущества, которое составляет государственную казну Российской Федерации и управление которым осуществляет Минобороны России, а также правомочия в отношении земель и других природных ресурсов, предоставленных для нужд Вооруженных Сил; принимает в пределах своей компетенции решения о резервировании земель и об изъятии земельных участков для государственных нужд Российской Федерации в целях строительства и реконструкции объектов обороны.

По мнению В.И. Ковалева, землям обороны и безопасности присущи специфические черты, такие как:

— земельные участки и другие природные объекты, представляемые воинским частям, являются федеральными природными ресурсами;

— скрытность расположения земель, предоставляемых воинским частям для нужд обороны;

— наличие запретных зон, районов и других ограничений на землях, предоставленных воинским частям, и вокруг них;

— воинским частям как субъектам земель оборонного значения предоставлено право пользования соседними землями других землепользователей;

— использование воинскими частями земель оборонного значения должно осуществляться с учетом обеспечения безопасности окружающего населения;

— освобождение, как правило, воинских частей от платы за землю;

— обязательное участие федеральных органов исполнительной власти в предоставлении и изъятии земельных участков данной категории земель, совершении с ними гражданско-правовых сделок¹.

В литературе также отмечается, что специальное назначение этих земель осуществляется с учетом целей и задач, определенных для подразделений указанных ведомств, которые закреплены в следующих актах:

1) в положениях о соответствующих министерствах (Минобороны России, МВД России и др.). Так, если воинские части Минобороны России предназначены для обеспечения обороны и безопасности страны, то подразделения МВД России — для обеспечения общественного порядка.

В целом данные министерства имеют схожие силовые функции. Например, как воинская стрелковая часть занимается обеспечением надлежащей боевой подготовки на случай военных действий, так и подразделения ОМОНа поддерживают свою боеготовность на случай активизации

внутреннего преступного элемента в стране; как НИИ Минобороны России занимаются научным обеспечением боеготовности армии, так и НИИ МВД России обеспечивают научную базу для эффективной работы полиции и других подразделений.

Вместе с тем у данных министерств различные по своим направлениям задачи: если Минобороны России выполняет общую функцию безопасности страны, то МВД России — специальную, в которой значительный удельный вес принадлежит не столько воинским формированиям, сколько специальным учреждениям;

2) в ведомственных правовых актах указанных министерств, которыми для субъектов земельных отношений — воинских частей — определены общие и специальные задачи.

Использование земель специального назначения воинскими частями подразделяется на общее и специальное. Так, использование земель воинскими частями под устройство военных аэродромов, размещение казарм, полигонов для стрельб и др., вытекающее из главной цели деятельности воинской части, следует отнести к общему виду землепользования этой части; размещение же подсобных сельских хозяйств, предназначенных для дополнительного обеспечения питанием личного состава частей, следует отнести к специальному землепользованию.

Особенностью использования земель воинскими частями является документальное оформление землепользования, в котором информация по определению внутренней структуры организации этого землепользования относится, как правило, к числу секретной, а открытую информацию представляет собой лишь конфигурация внешних границ землепользования воинской части.

Некоторые воинские подразделения, выполняющие специальные задачи, могут быть субъектами землепользования на других землях специального назначения. В результате их деятельность регулируется комплексом правовых норм (земельных, горных, лесных и т. п.).

¹ Ковалев В.И. Организационно-правовые вопросы землепользования воинских частей в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Независимо от видов задач и функций, которые возложены на субъектов земельных правоотношений — воинские части, они должны выполнять общие задачи, поставленные перед всеми землепользователями.

Если земли обороны находятся в других категориях земель (на землях населенных пунктов, на землях лесного фонда, на землях водного фонда и др.), то правовое регулирование использования земель обороны осуществляется с учетом режима данных земель. Так, устройство полигонов в лесах должно осуществляться с соблюдением правил противопожарной безопасности, установленных для лесных массивов¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование использования земель обороны и безопасности осуществляется на федеральном уровне посредством ЗК РФ, Федерального закона «Об обороне» и других федеральных законов, а также ведомственными нормативными правовыми актами, имеющими межотраслевой характер (лесное, горное законодательство, а также законодательство об охране окружающей среды и др.).

Для осуществления управленческих функций органы военного управления наделяются необходимыми государственно-властными полномочиями. Правовой формой конкретного выражения их распорядительных полномочий является издание акта управления. Многие отношения, складывающиеся в процессе военного управления, касаются специальных и научно-технических вопросов военного дела, требующих особой разработки в штабах и других военных учреждениях и соответствующей регламентации в виде специальных наставлений, положений, инструкций. С помощью актов военного управления военные органы регулируют разносторонние общественные отношения, возникающие в процессе управления войсками и силами флота, при проведении боевой подготовки подразделений и частей, в повседневной жизни и деятельности ча-

стей, всех военных учреждений, организаций и заведений².

По официальным сведениям Минобороны России, по состоянию на сентябрь 2016 г., организовано 135 полигонов³. Как было указано выше, устройство полигонов в лесах должно осуществляться с соблюдением правил противопожарной безопасности, установленных для лесных массивов.

Так, например, в соответствии с п. 47 Руководства по организации выполнения требований безопасности на объектах полевой учебно-материальной базы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 838, начальник полигона, в частности, разрабатывает план противопожарной защиты, инструкцию о мерах пожарной безопасности с учетом местных условий и контролирует проведение противопожарных мероприятий на полигоне.

В соответствии с п. 210 Руководства запрещены стрельбы трассирующими пулями и снарядами в жаркую и сухую погоду, а также при наличии в излетном пространстве легковоспламеняющейся растительности и торф.

В соответствии с п. 211 указанного Руководства по организации выполнения требований безопасности на объектах полевой учебно-материальной базы Вооруженных Сил Российской Федерации в целях исключения случаев возникновения пожаров участки полигонов, покрытые лесом и кустарником, очищаются от высохшей травы, валежника и других легковоспламеняющихся предметов, а также создается сеть траншей и вспаханных полос, препятствующих распространению огня.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовой режим земель, относящихся к землям обороны и безопасности, характеризуется следующими признаками:

¹ Ерофеев Б.В. Земельное право : учебник для вузов. М., 2001.

² Военная администрация : учебник. М., 1998. С. 58.

³ Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12096445@egNews (дата обращения 09.01.2023).

— строго целевое и рациональное использование данных земельных участков;

— ограничение оборотоспособности земельных участков;

— охрана самих объектов, для которых отведены земли (земельные участки) путем установления специальных зон;

— специальное регулирование по вопросам охраны окружающей среды;

— использование воинскими частями земель оборонного значения должно осуществляться с учетом обеспечения безопасности окружающего населения;

— особенности государственного контроля за использованием данной категории земель;

— правовой режим использования таких земельных участков определяется также ведомственными нормативными правовыми актами (актами органов военного управления).

— использование земельных участков, относящихся к землям обороны и безопасности имеет комплексный характер, затрагивающий помимо военного, как и земельное законодательство, а также и иные нормы лесного, природоохранного, горного, противопожарного и другого законодательства.

Соответственно, органам военного управления, которые являются правоприменителями, следует исходить из комплексности правового режима земель обороны и безопасности, сочетающей различные отрасли законодательства (права), например, такие, как военное, лесное, горное, природоохранное, противопожарное и др. Данные обстоятельства накладывают на правоприменителей обязанность более тщательно подходить к вопросам организации повседневной деятельности, а также принятию решений по использованию земель обороны и безопасности.

Библиография

1. Боголюбов, С.А. Основные начала земельного законодательства / С.А. Боголюбов // Земля и право. Пособие для российских землевладельцев / под ред. С.А. Боголюбова. — М.: Норма, 1997.
2. Бугров, Д.С. Правовой режим земельных участков как недвижимого имущества : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004.
3. Ерофеев, Б.В. Земельное право : учебник для вузов / Б.В. Ерофеев. — М., 2001. — 656 с.
4. Ковалев, В.И. Организационно-правовые вопросы землепользования воинских частей в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Ковалев. — М., 2001.
5. Феоктистова, О.Ю. Организационно-правовые основы государственного контроля за использованием земель, выделенных для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Феоктистова. — М., 2004.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Социально-правовые проблемы военных конфликтов и пути их решения

© Кириллов Николай Петрович,
кандидат социологических наук, доцент,
старший преподаватель 21 кафедры Военного
университета

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические вопросы анализа социально-правовых проблем военных конфликтов и пути их решения в современных условиях. Сегодня в мировом сообществе проблема возникновения вооруженных конфликтов считается одной из актуальных глобальных проблем человечества. В структуре данных проблем значительную долю занимают вопросы, носящие по своей природе социально-правовой характер. Анализ их сущности, содержания и путей их решения автор предпринимает попытку осуществить в данной статье.

Ключевые слова: проблема, социальное, право, безопасность, военный конфликт, жизнедеятельность, личность, человек, экология, фактор.

Socio-legal problems of military conflicts and ways to solve them

© Kirillov N.P.,
Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor, senior lecturer 21 departments of the
Military University

Annotation. The article deals with theoretical issues of analysis of socio-legal problems of military conflicts (hereinafter referred to as the WCF) and ways to solve them in modern conditions. Today, in the world community, the problem of the emergence of the WCF is considered one of the urgent global problems of humankind. In the structure of these problems, issues of a socio-legal nature occupy a significant share. The authors attempt to analyze the analysis of their essence, content and ways of solving them in this article.

Keywords: problem, social, law, security, military conflict, vital activity, personality, person, ecology, factor.

Сложность, динамизм и непредсказуемость современной внешнеполитической обстановки, специфика и динамика развития современных военно-политических отношений Российской Федерации и блока НАТО, характеризующихся возникновением вооруженного конфликта в форме специальной военной операции, несут угрозу национальной безопасности нашей страны. Значительную долю в структуре данных угроз составляют проблемы социально-правового характера, роль которых в значительной степени возросла в ходе проводимой российскими войсками специальной военной операции на Украине и новых территориях России.

Для их детального рассмотрения целесообразно проанализировать основные подходы к определению сущности и содержания основных механизмов, которые, с одной стороны, обуславливают решение социально-правовых проблем вооруженных конфликтов, а с другой стороны, они во многом зависят от их решения.

С точки зрения методологии данную проблему целесообразно рассматривать, анализируя два подхода: социально-правовой и естественно-научный. В основе социально-правового подхода лежит необходимость сосредоточить главное внимание на том, что его основу должно составлять военно-социальное право, как подот-

расль военного права, объединяющая правовые нормы, которые регулируют общественные отношения, связанные с производством военнослужащим, а также гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей различных социальных выплат и реализации социальных гарантий. К ним относятся: денежное довольствие, пенсии, пособия, компенсации и иные социальные выплаты. В их содержание также входит обеспечение натуральными видами довольствия, к коим мы относим вещевое и продовольственное обеспечение. Особое место в их структуре занимают жилищное, медицинское, торговобытовое обеспечение. Сегодня на первый план выходят проблемы предоставления указанной категории граждан различных мер социальной поддержки, а также оказание помощи в защите и восстановлении нарушенных социальных прав¹.

С точки зрения естественно-научного подхода, в основе которого лежит метод эмпирического познания объективной реальности, целесообразно рассмотреть проблему безопасности как таковой, актуализированной сегодня событиями, связанными со специальной военной операцией.

Несомненно, что центральным звеном здесь выступает понятие военной безопасности Российской Федерации, которое предполагает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. При этом, они могут связаны как с применением военной силы, так и с угрозой её применения. Ещё одна важная деталь в понимании военной безопасности Российской Федерации состоит в том, что она может характеризоваться отсутствием военной угрозы, либо способностью ей противостоять².

В рамках данного подхода к определению военной безопасности

Российской Федерации вооруженный конфликт целесообразно рассматривать как форму разрешения противоречий межгосударственного (или внутригосударственного) уровней с использованием военной силы. Такой подход к пониманию вооруженного конфликта предполагает охват всех видов вооруженного противоборства. Он включает в себя крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты. Основная их характеристика заключается и в их масштабности (размерах). Наиболее часто встречаемая характеристика сегодня вооруженных столкновений относится к вооруженному конфликту, понимаемому как вооруженное столкновение ограниченного масштаба. Следует особо отметить, что вооруженный конфликт может являться результатом разрастания происходящего вооруженного конфликта (инцидента, вооруженной акции, и т.д.) в ходе которых, с целью решения имеющихся противоречий, используются механизмы вооруженной борьбы.

Анализ показывает, что в вооруженном конфликте противостоящие стороны обычно преследуют частные (локальные) военные и политические цели. В зависимости от этого следует различать вооруженный конфликт между государствами (международный вооруженный конфликт) и между противоборствующими сторонами в пределах единого государства. В этом случае он понимается как внутренний вооруженный конфликт. Расширение (увеличение) количества, состава, а также пространственного размаха и состава участников вооруженного конфликта может привести к перерастанию его в войну. А этот факт заставляет нас несколько иначе взглянуть на проблемы социального характера, которые прямо или косвенно влияют на человека и окружающую его среду обитания и требуют коллективных (совместных) усилий по их разрешению. При этом, с точки зрения значительного числа членов сообщества, целесообразно выделить в их структуре, наиболее серьезные проблемы,

¹ Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 2—10.

² Справочник по терминологии в оборонной сфере МО РФ. URL: <https://dictionary.mil.ru/dictionary/Terminy-RVSN/item/141614/>

от решения которых зависит достижение успеха в противоборстве с противником. Конкретный перечень данных социальных проблем различается в разное время и в различных сообществах. Дисперсия взглядов субъектов и объектов данных социальных проблем также изменчива, о чём свидетельствует активно ведущийся дискурс их восприятия и представления на поле теории и практики вооруженных конфликтов различных уровней.

Теория и практика научного исследования свидетельствуют, что важнейшей предпосылкой успеха в решении любой проблемы служит её правильная формулировка и точное изложение. Ошибочная и неверно сформулированная проблема (т.е. псевдопроблема) уводит исследователя в сторону от решения истинных проблем.

В нашем случае, когда вооруженный конфликт характеризуется системно-организационной деятельностью, категория «проблема» начинается с периода (этапа), который характеризуется как побудительный фактор действия и означающий какой-либо недостаток или проявление чего-либо недостающего. Исходя из данного подхода, целесообразно классификацию социально-правовых проблем вооруженных конфликтов осуществить по системным уровням, включающим в себя такие как:

1. Качество жизни: право, экология, здоровье, ресурсы питания и энергоснабжения (тепло, освещение, транспорт и др.).
2. Перспектива демографического кризиса.
3. Уничтожения лесов.
4. Рост преступности
5. Нехватка продовольствия (голод)
6. Нехватка сырьевых ресурсов (воды и т. п.)
7. Экономические проблемы (проблемы на рынке труда и т. п.)
8. Рост коррупции
9. Сырьевой характер экономики.

Параметры данной статьи не позволяют автору детально рассмотреть полный перечень представленных социально-правовых проблем, во многом

детерминирующих и обостряющих ситуацию в вооруженных конфликтах. Поэтому остановимся на наиболее острых, злободневных, всеобъемлюще охватывающих и негативно влияющих на жизнедеятельность войск вопросах, а также местного населения, проживающего на территории вооруженного конфликта. При этом необходимо подчеркнуть, что анализ предложенных к рассмотрению социальных проблем военных конфликтов необходимо рассматривать исходя из принципа диалектической взаимосвязи и взаимозависимости социальных процессов, порождающих в процессе своего протекания явления синергизма.

Несомненно, что одно из лидирующих мест в социальных проблемах вооруженных конфликтов занимает экологическая проблематика, влияющая не только на природу, здоровье человека, но экономическую проблематику. Особое место здесь отводится (как показывает практика проведения российскими войсками специальной военной операции на Украине и на новых субъектах Российской Федерации) проблеме обеспечения населения питьевой водой в крупных городах и городских агломерациях¹.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что при нарушении противоборствующими сторонами международных принципов и правил ведения боевых действий, как правило, приводит к необоснованной жестокости и насилию как к их участникам, так и местному населению. Поэтому в процессе подготовки военнослужащих различных уровней и различных организаций целесообразно изучать вопросы строгого и неуклонного соблюдения военнослужащими правил бережного отношения не только к населению, но и к природной среде зоны вооруженного конфликта. Данной проблеме необходимо уделять внимание не только в военных организациях, но и при обучении школьников в средних и средне-специальных учебных заведениях.

¹ Белогруд И.Н., Будник В.Ф., Будник Л.И., Кириллов Н.П., Львов Ю.Б., Розумная Л.А., Субботина Ю.М. Методологические основы мониторинга водоемов городских агломераций. Депонированная рукопись № 958-B2007 12.10.2007.

Ведь практика возникновения и осуществления боевых действий в ходе вооруженного конфликта свидетельствует, что количество их участников составляют не только профессиональные военные, но и большое количество молодых граждан, зачастую имеющих только школьное образование¹.

Одновременно необходимо отметить, что данная проблема может быть частично решена при условии, если данными характеристиками будут обладать младшие командиры (сержантский состав), т.е. их адаптация к военно-профессиональной деятельности будет проявляться достаточно явно и четко во всех без исключения видах боевых действий, а также при обращении с местным населением. Таким образом, социально-экологическая проблематика, являющаяся краеугольным камнем решения социальных проблем вооруженного конфликта, нуждается в постоянном внимании со стороны различных органов управления (от местных и до федеральных) и должна осуществляться постоянно².

Проанализировав вопросы решения социальных проблем вооруженных конфликтов, автор приходит к выводу, что они носят комплексный характер и их решение возможно только при следующих условиях:

— совершенствование, развитие и поддержание всех институтов военной организации государства на уровне, обеспечивающем надежную защиту от потенциальных и реальных опасностей и угроз Российской Федерации³;

— должное и достаточное финансирование всех мероприятий, связанных с раз-

витием военной-социальной сферы всех силовых структур Российской Федерации;

— совершенствование военного законодательства в области развития процессов по применению Вооруженных Сил Российской Федерации;

— качественное совершенствование учебно-боевых процессов в Вооруженных Силах Российской Федерации, обеспечение их боевой и мобилизационной готовности, направленной на накопление и обучение мобилизационных ресурсов;

— обеспечение стабильной координации при строительстве и деятельности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов управления в интересах выполнения ими задач в условиях вооруженных конфликтов, разработка и реализация федеральных и ведомственных программ социального развития военной организации государства⁴;

— обеспечение надежной защиты и противодействие продвижению войск НАТО к границам Российской Федерации;

— дальнейшее усиление военного сотрудничества между союзными государствами, совершенствование координации действий с ними в процессе строительства и применения Вооруженных Сил.

Таким образом, можно сделать вывод, что только комплексное применение предлагаемых мер может способствовать решению социально-правовых проблем в современных вооруженных конфликтах.

Библиография

1. Белогруд, И.Н. Методологические основы мониторинга водоемов городских агломераций / И.Н. Белогруд, В.Ф. Будник, Л.И. Будник, Н.П. Кириллов, Ю.Б. Львов, Л.А. Розумная, Ю.М. Субботина // Депонированная рукопись № 958-B2007 12.10.2007.

2. Бондаренко, В.Ф. Социально-экологическое управление военной организацией: вопросы теории и практики / В.Ф. Бондаренко, Н.П. Кириллов // Социальная политика и социология. — 2012. — № 5 (83). — С. 13—27.

¹ Кириллов Н.П. Экопсихологический подход и модель образовательной среды // Актуальные проблемы техногенной и экологической безопасности : сборник научных трудов. М., 2010. С. 243—254.

² Капустин В.В. Модель измерения социальной адаптации личности к военно-профессиональной деятельности младшего командира подразделения Сухопутных войск Российской Федерации // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2011. № 3 (13). С. 4—5.

³ Кириллов Н.П. Теоретические предпосылки институционализации социально-экологического управления // Социальная политика и социология. 2013. № 2-1 (92). С. 228—250.

⁴ Корякин В.М., Певень Л.В. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 1. С. 2—11.

3. Капустин, В.В. Модель измерения социальной адаптации личности к военно-профессиональной деятельности младшего командира подразделения Сухопутных войск Российской Федерации / В.В. Капустин // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». — 2011. — № 3 (13). — С. 4—5.

4. Кириллов, Н.П. Экопсихологический подход и модель образовательной среды / Н.П. Кириллов // Актуальные проблемы техногенной и экологической безопасности : сборник научных трудов. — Москва, 2010. — С. 243—254.

5. Кириллов, Н.П. Теоретические предпосылки институционализации социально-

экологического управления / Н.П. Кириллов // Социальная политика и социология. — 2013. — № 2-1 (92). — С. 228-250.

6. Корякин, В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8 (289). — С. 2—10.

7. Корякин, В.М. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — путь к качественному изменению военно-гражданских отношений / В.М. Корякин, Л.В. Певень // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 1. — С. 2—11.

Пенсионное обеспечение лиц, участвовавших в специальной военной операции, и их семей

© Феоктистова Ольга Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета имени Александра Невского

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социальных гарантий и компенсаций для граждан, выполняющих задачи в специальной военной операции, реализации прав данных лиц и их семей на пенсию по инвалидности, по случаю потери кормильца, страховую пенсию и проблемы, связанные с пенсионным обеспечением.

Ключевые слова: военная служба; военнослужащие по контракту; лица, призванные по мобилизации; граждане, пребывающие в добровольческих формированиях; государственная пенсия по инвалидности; государственная пенсия по случаю потери кормильца; страховой стаж.

Pension provision for persons who participated in a special military operation and their families

© Feoktistova O.Yu.,

Candidate of Law, Associate Professor PhD in Law, Associate Professor of the Department of Labor Law, Civil and Arbitration Proceedings of the Alexander Nevsky Military University

Annotation. The article deals with the issues of social guarantees and compensations for citizens performing tasks in a special military operation, the realization of the rights of these persons and their families to a disability pension, a survivor's pension, an insurance pension and problems related to pension provision.

Keywords: military service; contract servicemen; persons called up for mobilization; citizens staying in volunteer formations; state disability pension; state survivor's pension; insurance experience.

Вопросы социального, в том числе пенсионного обеспечения нуждающихся в этом лиц, всегда остро воспринимаются обществом, изучаются и военными юристами¹, а в условиях проводимой специальной военной операции граждане, выполняющие свой государственный и общественный долг, каждый день встречающи-

ся со смертельной опасностью, должны быть уверены в своих гарантированных государством социальных правах. Эта тема поднимается во многих исследованиях, что подтверждает ее злободневность².

Законодательство о социальном и пенсионном обеспечении в Российской Федерации представляет собой огромное количество разрозненных нормативных правовых актов различной юридической силы, со сложными схемами подсчетов размеров социальной помощи, на которую могут рассчитывать лица, оказавшиеся в слож-

¹ См., например: Корякин В.М., Шикалова О.В. Справочник военного пенсионера. М.: За права военнослужащих. 2009; Фатеев К.В., Харитонов С.С. О проблемах пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 9 (159). С. 41—44; Савин И.Г. Пенсия за выслугу лет. Особенности пенсионного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 11. С. 22—31, и др.

² Кириченко Н.С. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12. С. 115—118.

ной жизненной ситуации, столкнувшиеся с ситуацией социального риска. И нынешнее положение, связанное с проведением специальной военной операции, проявляет накопившиеся пробелы, а также ставит новые задачи в кратчайшие сроки определить объемы, размеры, круг лиц, правила исчисления и оказания государственной социальной помощи, в том числе исходя из экономических возможностей государства.

Прежде всего, государство определяет, кто имеет право на оказание государственной поддержки и в каких случаях. Круг лиц, выполняющих различные задачи специальной военной операции на территориях России и Украины, неоднороден, также неоднороден объем их социальных гарантий. К ним относятся военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, лица, призванные по мобилизации, граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, волонтеры, лица, направленные (командированные) на территории ДНР и ЛНР.

Пункт 5.1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» в связи изменениями в законодательстве предоставляет социальные гарантии и компенсации наравне с военнослужащими гражданам-добровольцам, оказывающим содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, а также мобилизованным гражданам в случае участия в военных действиях. Но объем социальных прав и гарантий военнослужащих зависит, в том числе, от того, проходят ли они военную службу по призыву или по контракту.

Социальный статус граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации, согласно п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» определен и приравнен к статусу военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и, соответственно пенсионное обеспечение указанных лиц будет осуществляться по правилам, имеющим тридцатилетнюю практику правоприменения, установленным Зако-

ном Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей». В современных условиях ведения военных действий необходимо выделить новый вид комбатантов — добровольцев¹. Последние изменения законодательства детерминируют их социально-правовой статус путем попытки интеграции в состав Вооруженных Сил Российской Федерации, определяя им обособленное место в системе.

На какую же социальную защиту они вправе рассчитывать?

Обратимся к пенсионному законодательству. Анализ Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», который устанавливает порядок возникновения прав на государственную пенсию в случае инвалидности или по случаю потери кормильца, определяет пенсионный статус добровольцев наравне с военнослужащими, проходящими военную службу по призыву. Это подтверждается статьями 3, 4, 8, 15 этого закона. Размер пенсий по инвалидности и в случае потери кормильца связан с размерами социальной пенсии и выражается в процентном отношении к ней. Напомним, например, что размер пенсии по инвалидности в случае признания лица инвалидом 1 группы по причине военной травмы составляет 300 процентов размера социальной пенсии, что составляет 15 102 руб. 75 коп.; размер пенсии по случаю потери кормильца по причине военной травмы каждому нетрудоспособному иждивенцу начисляется 200 процентов размера соци-

¹ Сибилева О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2022. № 12. С. 57—62.

альной пенсии, что составляет 10 068 руб. 50 коп.

На размер государственной пенсии влияет причина инвалидности или смерти (гибели). Законодатель наряду с понятием военная травма и военное заболевание вводит новое основание наступления указанных неблагоприятных последствий «в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческих формированиях». Разница в пенсионном обеспечении в зависимости от причины инвалидности или смерти (гибели) существенна и составляет от 25 до 50 процентов. Правовое основание установления причины «военная травма» возможна при исполнении обязанностей военной службы, которые перечислены в ст. 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

А что относится к исполнению обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании? В законе о государственном пенсионном обеспечении однозначно не ставится знак равенства между понятием исполнение обязанностей военной службы и исполнение обязанностей по контракту в добровольческом формировании. В п. 6 ст. 22.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» закреплено, что типовая форма, порядок заключения контракта о пребывании в добровольческом формировании определяются Министерством обороны Российской Федерации. Из этого следует, что обязанности по контракту о пребывании в добровольческом формировании устанавливаются ведомственными нормативными актами Минобороны России. В ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлено, что условия контракта о прохождении военной службы определяются федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Лица, пребывающие в добровольческих формированиях, согласно той же статье, выделены в самостоятельную обособленную группу, и чтобы социальные гарантии и компенсации действительно им предоставлялись

наряду с военнослужащими, основная терминология должна закрепляться уровнем федерального закона, а не подзаконными нормативными актами. Отсутствие закрепленных законом обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании может привести к вольной трактовке данного понятия, к неоднозначной судебной практике и, как следствие, возможному нарушению пенсионных прав рассматриваемой категории граждан. Следовательно, на наш взгляд, полной интеграции добровольцев в состав Вооруженных Сил Российской Федерации и признания их социально-правового статуса равнозначным военнослужащим пока не произошло.

На объем пенсионных прав граждан огромное влияние оказывает и наличие страхового стажа, и количество индивидуальных пенсионных баллов, так как добровольцам, оказывающим содействие по выполнению задач Вооруженным Силам Российской Федерации, пенсия за выслугу лет не предусмотрена. Ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не предусматривает включение военной службы ни по призыву, ни по контракту в страховой стаж. Причиной этого является новый принцип построения реформированного пенсионного законодательства на страховых отчислениях, выплачиваемых застрахованным лицом согласно Федеральному закону от 15 января 2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». В связи с этим социальные гарантии в области пенсионного обеспечения данной категории граждан были значительно ущемлены, так как новый порядок образования страхового стажа влияет на формирование пенсионных прав в будущем.

Сформулированный новый вид стажа — страховой — не осуществил правопреемственность законодательства и не учитывает, как это было в общем трудовом стаже: один день военной службы по контракту за один день работы, а службу по призыву — за два дня работы, также не засчитывает военную службу в специальный льготный стаж. Реформация пенсионной сферы повлекла нарушение принципа со-

циальной справедливости соблюдения доступа к пенсионному обеспечению, построенного на основополагающих конституционных законоположениях Российской Федерации как социального и правового государства. Вследствие этого обозначилась непоследовательность и непрогнозируемость государственной пенсионной системы. Это влечет неуверенность сторон пенсионных отношений в стабильности их пенсионных прав, их правовой защите и государственной гарантированности. Исключив из специального льготного страхового стажа военную службу и засчитывая ее при формировании окончательной суммы пенсии в предельно низком размере индивидуально пенсионного коэффициента (1,8 ИПК), законодатель не осуществил шаги к постоянству социального статуса лиц, исполнивших свой государственный конституционный долг по защите Отечества¹.

Эти нормы закона неоднократно критиковались практиками и научным сообществом. Следствием работы по повышению социально-правовой защиты военнослужащих и членов их семей явилось дополнение в пенсионном законодательстве, где в качестве исключения периоды участия в специальной военной операции засчитываются в страховой стаж в двойном размере и включаются в специальный льготный страховой стаж, который дает право выхода на пенсию ранее достижения пенсионного возраста на 24 месяца, повышение размера индивидуального пенсионного коэффициента за этот же период в два раза, что составляет 3,6 ИПК согласно ч. 12.1 ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», но, на наш взгляд, это достаточно скромно в сравнении с тем, что максимальное количество индивидуальных пенсионных коэффициентов, которое можно заработать за год составляет 10.

Военнослужащие Вооруженных Сил и приравненные к ним лица выполняют свой долг и в других т.н. «горячих» точках. Но

исключение из общего правила в сторону увеличения коэффициента за нестраховой период указано только для лиц нынешней военной операции. Тем самым законодатель сохранил традицию подхода к дифференцированному правовому регулированию социальных отношений для каждого вида военных действий: «каждой войне, каждому вооруженному конфликту — своя нормативная база социальной защиты их участников»².

Период, связанный с исполнением обязанностей особого вида федеральной службы — военной лужбы, в любой период времени связан с повышенным риском и опасностью и заслуживает достойного признания государством, а последовательность, определенность, гарантированность государственной политики в области закрепления социально-правового статуса лиц, участвующих в специальной военной операции, и членов их семей содействует выполнению конституционно закрепленной обязанности социального обеспечения граждан.

Библиография

Кириченко, Н.С. Вопросы социальных гарантий военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12. — С.115—118.

Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 85—93.

Корякин, В.М. Справочник военного пенсионера / В.М. Корякин, О.В. Шикалова. — М.: За права военнослужащих, 2009. — 287 с.

Савин, И.Г. Пенсия за выслугу лет. Особенности пенсионного обеспечения военнослужащих / И.Г. Савин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 11. — С. 22—31.

Сибилева, О.П. Правовой статус добровольцев, участвующих в специальной военной операции на Украине / О.П. Сибилева // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12. — С. 57—62.

¹ Феоктистова О.Ю. Включение военной службы в льготный страховой стаж // Закон и право. 2022. № 10. С. 95.

² Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 90.

Фатеев, К.В. О проблемах пенсионного обеспечения граждан, уволенных с военной службы / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 9 (159). — С. 41—44.

Феоктистова, О.Ю. Включение военной службы в льготный страховой стаж / О.Ю. Феоктистова // Закон и право. — № 10. — 2022. — С. 92—95.

Судебная, прокурорская, правоохранительная деятельность

К вопросу о судопроизводстве при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста: практика военных судов

© Заказнова Алевтина Николаевна,
юрист

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлен анализ военно-судебной практики по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста.

Ключевые слова: военный суд, воинская дисциплина, грубый дисциплинарный проступок, дисциплинарный арест, гауптвахта

On the issue of legal proceedings when applying disciplinary arrest to military personnel: the practice of military courts

© Zakaznova A.N.,
lawyer,

© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article presents an analysis of military judicial practice based on materials on gross disciplinary offenses when applying disciplinary arrest to military personnel.

Keywords: military court, military discipline, gross disciplinary offense, disciplinary arrest, guardhouse

Наихудшим образом на дисциплинированность рядового состава действуют мельчайшие случаи недисциплинированного поведения начальствующих лиц

Михаил Фрунзе

Действующее административное законодательство определяет, что дисциплинарный арест является крайней мерой дисциплинарного воздействия и заключается в содержании военнослужащего в условиях изоляции на гауптвахте. Арест применяется к военнослужащему лишь в исключительных случаях и только за совершенный им грубый дисциплинарный проступок, единый перечень которых указан в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Российской

Федерации. Арест назначается на срок до 30 суток.¹

Дисциплинарный арест применяется ко всем военнослужащим и гражданам, призванным на военные сборы, за исключением офицеров, граждан, призванных на военные сборы в качестве офицеров, военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, не приведенных к Военной присяге (не принесших обязательство), а также

¹ Пункт 4 ст. 28⁴ Закона о статусе военнослужащих, Приложение № 7 к ДУ ВС РФ.

военнослужащих, не достигших возраста 18 лет, и военнослужащих женского пола¹.

Дисциплинарный арест назначается судьей гарнизонного военного суда в порядке, установленном Федеральным законом от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» (далее — Закон о судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках)².

Очевидно, что дисциплинарный арест является серьезным воспитательным средством для поддержания воинской дисциплины в подразделении.

В то же время анализ правоприменительной практики показывает, что есть проблемы организационного и юридического характера, которые не позволяют командирам активно применять это взыскание.

Первая из них касается проведения разбирательства по грубому дисциплинарному проступку. Обращение к судебной практике показывает, что по делам о дисциплинарном аресте большой процент материалов возвращаются командирам воинских частей из-за их неправильного оформления.

В соответствии с Законом о судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках судья возвращает материалы о грубом дисциплинарном проступке командиру в случае их неправильного оформления или неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена в ходе судебного рассмотрения (ст. 13, ч. 1, п. 3). По смыслу указанной нормы возвращаться командиру должны лишь те материалы, при оформлении которых допущены нарушения, которые не могут быть устранены при их рассмотрении судом.

Иногда в постановлениях судей содержатся надуманные основания для возвращения материалов.

Как правило, это касается медицинских документов как достоверных данных, позволяющими прийти к выводу, что военнослужащий находился в состоянии опьянения, хотя исполнение военнослужащим обязанностей в состоянии опьянения может быть установлено с использованием иных доказательств. Например, есть случаи возврата командирам материалов о грубом дисциплинарном проступке из-за того, что в суд представлен акт медицинского освидетельствования военнослужащего на состояние алкогольного опьянения, проведенного врачом части в присутствии других должностных лиц части, а не врачом-наркологом в специализированном кабинете наркологического диспансера. Хотя в соответствии с законом суд выносит свое решение, в том числе и о нахождении виновного в состоянии опьянения, на основании совокупности доказательств, предусмотренных ст. 28⁶ Закона о статусе военнослужащих (объяснений военнослужащих, заключений и пояснений специалистов и других), исследованных в ходе судебного рассмотрения материалов. Поэтому данный вопрос судья обязан исследовать в ходе судебного рассмотрения.

Другой случай. Судья гарнизонного военного суда вернул командиру материалы, поскольку на втором листе протокола отсутствует подпись военнослужащего, совершившего грубый дисциплинарный проступок. Но ведь этот недостаток мог быть устранен судом в ходе рассмотрения материалов. Этот недостаток носил формальный характер и не мог препятствовать рассмотрению дела и вынесению законного решения.

Как второе отметим, что в соответствии с абз. 3 п. 2 ст. 28³ Закона о статусе военнослужащих не допускается привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности повторно за один и тот же дисциплинарный проступок. В связи с этим суду при рассмотрении поступивших материалов необходимо выяснять, не применялось ли ранее к военнослужащему за данный дисциплинарный проступок другое дисциплинарное взыскание. При установлении указанных фактов производство

¹ Пункт 3 ст. 28⁴ Закона о статусе военнослужащих.

² Пункт 5 ст. 28⁴ Закона о статусе военнослужащих.

по материалам о грубом дисциплинарном проступке подлежит прекращению судом.

Военные суды должны применять к военнослужащим дисциплинарный арест в порядке, установленным Законом о судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках.

В-третьих, в соответствии со ст. 18 указанного Закона судья гарнизонного военного суда по результатам судебного рассмотрения материалов о грубом дисциплинарном проступке может принять решение об отказе в назначении дисциплинарного ареста и о возвращении материалов командиру воинской части, направившему в военный суд указанные материалы, для применения иной меры дисциплинарного воздействия, чем дисциплинарный арест, лишь в определенных законом случаях.

Однако при рассмотрении материалов о грубом дисциплинарном проступке суды, например, начинают учитывать состояние здоровья военнослужащего, который сразу «становится больным» с попыткой лечь в санчасть или госпиталь (видимо, пытаясь избежать наказания), считая, что нет основания для применения дисциплинарного взыскания, поскольку на момент рассмотрения материалов военнослужащий был болен. Однако если обстоятельства совершения грубого дисциплинарного проступка, форма вины, отрицательные данные о личности военнослужащего подтверждены, то в соответствии с положениями ст. 33 Закона судья может только отсрочить исполнение постановления о применении дисциплинарного ареста на срок до 30 суток при наличии обстоятельств, вследствие которых исполнение постановления в установленные сроки (ст. 20 Закона) невозможно.

В-четвертых, в соответствии со ст. 28² Закона о статусе военнослужащих военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, который не влечет уголовной или административной ответственности.

Изучение материалов, рассмотренных гарнизонными военными судами, показывает, что дисциплинарный арест в ряде случаев применяется к военнослужащим, в

отношении которых впоследствии в суд поступили дела, по которым они привлекались к уголовной ответственности за те же действия, в том числе за самовольное оставление части, оскорбление подчиненным начальника в связи с исполнением служебных обязанностей, и т.д.

Допускаются судами ошибки, связанные с неправильным разграничением дисциплинарного проступка и административного правонарушения. Как правило, это связано с оборотом или употреблением наркотических средств, что с одной стороны является административным проступком, предусмотренным ст. 6.8 или ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, с другой, — грубым дисциплинарным проступком, предусмотренным ч. 2 ст. 28⁵ Закона о статусе военнослужащих.

Пятая проблема не юридическая, а психологическая, поскольку подспудно любой подчиненный (командир взвода, роты, батальона) не хочет выносить сор из избы и «выходить» на уровень командира воинской части для принятия решения о направлении материалов в гарнизонный военный суд (ст. 81 ДУ ВС РФ).

Шестая — уменьшение военными судами по подавляющему большинству дел срока дисциплинарного ареста по сравнению с тем, который запрашивает командир. Хотя Законом о статусе военнослужащих предусмотрено применение дисциплинарного ареста лишь за грубые дисциплинарные проступки, граничащие с преступлениями. Поэтому и срок ареста за их совершение установлен до 30 суток. Из этого размера наказания следует исходить суду при определении наказания за грубые дисциплинарные проступки.

Однако изучение практики назначения наказаний за грубые дисциплинарные проступки, совершенные военнослужащими, показало, что в подавляющем большинстве случаев (более половины) военными судами назначается арест на срок до 10 суток. При этом необходимо отметить, что небольшие сроки ареста (до 10 суток) назначены за большинство таких опасных и распространенных дисциплинарных проступков, как нарушение уставных правил

взаимоотношений, самовольное оставление части, исполнение служебных обязанностей в состоянии опьянения.

И седьмая проблема: в ходе судопроизводства по материалам о грубых дисциплинарных проступках требуются значительные временные и материальные затраты, особенно если воинская часть дислоцирована далеко от гарнизонного военного суда.

В связи с участием наших войск в боевых действиях на территории Украины очевидны проблемы применения этого дисциплинарного взыскания для поддержания уставного порядка в подразделениях на линии боевого соприкосновения.

Дополнительно отметим, что значительная часть участников специальной военной операции — добровольцы. При этом, в соответствии с п. 10 ст. 22¹ Федерального закона «Об обороне» граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих. Следовательно, возникает вопрос о возможности назначения им дисциплинарного ареста за совершение грубых дисциплинарных проступков.

Представляется, что правоприменительная практика по двум последним обозначенным вопросам будет сформирована в этом году и может представлять серьезный интерес по итогам ее анализа.

Мы же покажем только один из последних по времени интересных и практикообразующих судебных решений, подтверждающий сказанное выше, дополнительно отметив, что указанные выше проблемы теоретического и прикладного характера находились и

находятся в той или иной мере в центре внимания военных юристов¹.

Так, например, причинами отмены окружным военным судом постановления суда первой инстанции о прекращении производства по материалам о грубом дисциплинарном проступке в отношении Ю. и возвращения материалов на новое рассмотрение явились существенные процессуальные нарушения, выразившиеся в следующем. Исходя из протокола о грубом дисциплинарном проступке, Ю. вменялось хранение при себе во время лечения в медицинском пункте на территории воинской части сотового телефона, относящегося к электронным изделиям, где могут храниться или которые позволяют с использованием

¹ См. подробнее: Зателепин О.К. Актуальные вопросы квалификации преступлений против военной службы, совершенных с применением насилия // Судья. 2019. № 2 (98). С. 49—53; Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Зарождение принципов уголовного правосудия // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 5—11; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 127—132; Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде ограничения по военной службе (научно-практический комментарий к главе 18 УИК РФ) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 10 (136). С. 2—12; Мананников Д.Ю. Дисциплинарный арест военнослужащих: проблемы применения и исполнения взыскания // Военно-юридический журнал. 2008. № 10. С. 20—25; Мозговой О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 188—193; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1. С. 188—193; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 51—65. Сотникова В.В., Тедеев Г.А. Оскорбление представителя власти: проблемы уголовной ответственности // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 207—211, и др.

«Интернет» распространять или предоставлять аудио-, фото-, видеоматериалы и данные геолокации. Эти действия Ю. квалифицированы как нарушение запретов, предусмотренных п. 1³ ст. 7 Закона о статусе военнослужащих (п. 2 ст. 28⁵ Закона о статусе военнослужащих). Принимая решение о прекращении производства по материалам о грубом дисциплинарном проступке в связи с наличием обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность, судья гарнизонного военного суда в своем постановлении указал, что нахождение Ю. на лечении в медицинском пункте воинской части не было обусловлено служебной необходимостью, а было связано с состоянием здоровья военнослужащего, которому рекомендовано стационарное лечение, предусматривающее круглосуточное нахождение больного в помещении медицинского пункта. При этом судьей сделан вывод о том, что действия Ю. к числу грубых дисциплинарных проступков не относятся. Вместе с тем, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 18 Закона о судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках решение о прекращении производства по указанным материалам принимается в двух случаях. Во-первых, если имеется одно из обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность военнослужащего. Во-вторых, при передаче указанных материалов руководителю военного следственного органа Следственного комитета России, если в действии (бездействии) военнослужащего содержится достаточно данных, указывающих на признаки преступления, и решение об освобождении военнослужащего от уголовной ответственности в установленном законодательством Российской Федерации порядке не принято. Обстоятельства, исключающие дисциплинарную ответственность, перечислены в ст. 28³ Закона о статусе военнослужащих. Этот перечень не содержит такого обстоятельства, на которое сослался судья

гарнизонного военного суда, а именно, — отсутствие в действиях военнослужащего признаков грубого дисциплинарного проступка. Таким образом, судьей не было приведено предусмотренных ст. 28³ Закона о статусе военнослужащих обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность. В том числе, постановление первой инстанции не содержало выводов об отсутствии события дисциплинарного проступка, о том, что действие (бездействие) Ю. не является противоправным или виновным¹.

В заключении отметим, что командирам не надо доказывать, что арест военнослужащего с содержанием на гауптвахте, условия нахождения в которой сейчас достаточно комфортны по сравнению с прошлыми, «советскими» годами, по-прежнему является действенной мерой воспитательного воздействия на военнослужащих, повышает управляемость войск, укрепляет дисциплину, правопорядок, единоначалие. Дело за малым, — сделать этот инструмент в руках командира еще более эффективным. И в этом им должны помогать военные суды.

Библиография

- Загорский, Г.И. Зарождение принципов уголовного правосудия / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2020. — № 2. — С. 5—11.
- Зателепин, О.К. Актуальные вопросы квалификации преступлений против военной службы, совершенных с применением насилия / О.К. Зателепин // Судья. — 2019. — № 2 (98). — С. 49—53.
- Корякин, В.М. Некоторые вопросы признания правовых актов недействующими (по материалам судебной практики) / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 6(64). — С. 127—132.
- Лобов, Я.В. Исполнение наказания в виде ограничения по военной службе (научно-практический комментарий к главе 18 УИК РФ) / Я.В. Лобов, С. Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2008. — № 10(136). — С. 2—12.

¹ См.: Обзор судебной практики 1-го Восточного окружного военного суда и подведомственных ему гарнизонных военных судов по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и материалам о грубых дисциплинарных проступках за первое полугодие 2021 года. URL: http://1vovs.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=4 (дата обращения 13.03.2023).

Мананников, Д.Ю. Дисциплинарный арест военнослужащих: проблемы применения и исполнения взыскания / Д.Ю. Мананников // Военно-юридический журнал. — 2008. — № 10. — С. 20—25.

Мозговой, О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования / О.А. Мозговой // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 188—193.

Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов //

Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

Раков, А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 188—193.

Смирнов, Д.В. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 51—65.

Сотникова, В.В. Оскорбление представителя власти: проблемы уголовной ответственности / В.В. Сотникова, Г.А. Тедеев // Военное право. — 2018. — № 2(48). — С. 207—211.

Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы

© Корякин Виктор Михайлович,

доктор юридических наук, профессор, ФГКВБОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России; ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. Раскрываются проблемные вопросы юридической ответственности военнослужащих в условиях специальных режимов — военное время, вооруженные конфликты, мобилизация, контртеррористические операции и др. Обосновывается вывод, что меры юридической ответственности на случай введения этих режимов должны закрепляться в военном законодательстве заблаговременно, еще в мирное время. На примере специальной военной операции, проводимой Вооруженными Силами России с 24 февраля 2022 г., показано, что в наибольшей степени к условиям специальных режимов адаптируется уголовная ответственность военнослужащих. Наиболее проблемным вопросом остается дисциплинарная ответственность военнослужащих, как с точки зрения видов ответственности, так и полномочий должностных лиц по их применению.

Ключевые слова: юридическая ответственность военнослужащих; специальные режимы деятельности Вооруженных Сил; специальная военная операция; уголовная ответственность военнослужащих; дисциплинарная ответственность военнослужащих.

Legal responsibility of military personnel under special regimes: problematic issues

© Koryakin V.M.,

Doctor of Law, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense; Russian University of Transport

Annotation. The problematic issues of the legal responsibility of military employees in the conditions of special regimes - wartime, armed conflicts, mobilization, counter-terrorism operations, etc. are revealed. The conclusion is substantiated that measures of legal responsibility in the event of the introduction of these regimes should be fixed in military legislation in advance, even in peacetime. Using the example of a special military operation conducted by the Armed Forces of Russia since February 24, 2022, it is shown that the criminal liability of military personnel is adapted to the conditions of special regimes to the greatest extent. The most problematic issue remains the disciplinary responsibility of military personnel, both in terms of the types of responsibility and the powers of officials to apply them.

Keywords: legal responsibility of military personnel; special modes of activity of the Armed Forces; special military operation; criminal liability of military personnel; disciplinary responsibility of military personnel.

Нормы действующего военного законодательства о юридической ответственности военнослужащих рассчитаны в подавляющем своем большинстве на их применение в мирное время, в условиях повседневной деятельности соединений и воинских частей. Вместе с тем, основным предназначением Вооруженных Сил Рос-

сийской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является, как это следует из норм Федерального закона «Об обороне», отражение агрессии, направленной против Российской Федерации, вооруженная защита целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также выполнение иных

задач в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации, в том числе — за пределами территории России.

В таких случаях Вооруженные Силы выполняют свои задачи в условиях особых государственно-правовых режимов, к числу которых относятся:

— *состояние войны*, которое объявляется федеральным законом в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации (ст. 18 Федерального закона «Об обороне»). Период нахождения страны в состоянии войны именуется военным временем;

— *военное положение* — особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии. Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 введено военное положение на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Данный режим введен с учетом того, что против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила;

— *период мобилизации* — осуществление комплекса мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени (п. 2 ст. 1 Федерального закона «О мобилизации и мобилизационной подготовке в Российской Федерации»). Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в

Российской Федерации введен режим частичной мобилизации;

— *контртеррористическая операция* — комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта (п. 5 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»). Такие операции могут проводиться как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами (например, участие Вооруженных Сил Российской Федерации в пресечении международной террористической деятельности на территории Сирийской Арабской Республики с 30 сентября 2015 г.);

— *миротворческая операция* — действия государств по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, предпринимаемые Советом Безопасности ООН, региональными международными организациями в рамках региональных соглашений либо на основании двусторонних и многосторонних международных договоров (например, в январе 2022 г. коллективными силами ОДКБ проведена миротворческая операция по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи казахстанской стороне в поддержании правопорядка; с ноября 2020 г. осуществляется миротворческая миссия России по разделению враждующих сторон в Нагорном Карабахе).

В законодательстве, регулирующем вопросы применения Вооруженных Сил по их предназначению, употребляются также термины:

— *вооруженный конфликт*, под которым понимается вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт) (подп. «д» п. 7 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президен-

том Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976);

— *военные действия* — противоборство сторон в войне. Составной частью военных действий противоборствующих сторон являются *боевые действия*, т.е. организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач¹.

Безусловно, сам характер задач, решаемых военнослужащими в условиях названных режимов, предъявляет повышенные требования к организованности, правопорядку и воинской дисциплине. Правонарушения военнослужащих в условиях ведения боевых действий влекут неизмеримо большую общественную опасность, нежели в мирных условиях. Соответственно, сама логика участия войск в перечисленных выше правовых режимах требует установления и применения повышенных мер юридической ответственности военнослужащих за правонарушения, совершенные в условиях вооруженного противоборства.

Уголовная ответственность в период вооруженного конфликта применяется в отношении военнослужащих на основе тех же общих принципов, что и в мирное время (законность; равенство граждан перед законом; принцип вины; справедливость; гуманизм (ст. 3—7 УК РФ)). Вместе с тем имеются существенные особенности ее применения, которые можно свести к трем основным положениям.

Во-первых, в соответствии с подп. «л» п. 1 ст. 63 УК РФ совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий является *отягчающим наказанием обстоятельством*. В уголовном праве под отягчающими обстоятельствами понимаются юридические факты и состояния, которые требуют назначить виновному более строгое наказание ввиду того, что они отрицательно характе-

ризуют его личность, либо увеличивают степень общественной опасности деяния.

Важно заметить, что данные нормы действуют в отношении не только т.н. «воинских» преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ, но всех составов преступных деяний, предусмотренных уголовным законом. Кроме того, следует иметь в виду, что указанное отягчающее обстоятельство действует в отношении не только военнослужащих, но всех, кто преступил закон в условиях действия особых режимов.

Во-вторых, в соответствии с гл. 33 УК РФ совершение преступлений в период военного положения, в военное время, в период мобилизации либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий образует квалифицированный состав² следующих преступлений против установленного порядка прохождения военной службы:

а) неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившее вред интересам службы, а равно отказ от участия в военных или боевых действиях (ст. 332 УК РФ);

б) сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения (ст. 333 УК РФ);

в) насильственные действия в отношении начальника, т.е. нанесение побоев или применение иного насилия в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей (ст. 334 УК РФ);

г) самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу (ст. 337 УК РФ);

д) дезертирство, то есть самовольное оставление части или места службы в це-

¹ Военная энциклопедия в 8 т. / Т. 1. М.: Воениздат, 1997; С. 594; Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 193.

² *Квалифицированный состав* — это состав преступления, имеющий не только признаки основного состава преступления, но и обстоятельства отягчающего характера.

лях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу (ст. 338 УК РФ);

е) уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, или причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), или подлога документов, или иного обмана (ст. 339 УК РФ);

ж) нарушение правил несения боевого дежурства (боевой службы) по своевременному обнаружению и отражению внезапного нападения на Российскую Федерацию либо по обеспечению ее безопасности, если это деяние повлекло причинение вреда интересам безопасности государства (ст. 340 УК РФ);

з) нарушение правил несения пограничной службы лицом, входящим в состав пограничного наряда или исполняющим иные обязанности пограничной службы, если это деяние повлекло причинение вреда интересам безопасности государства (ст. 341 УК РФ);

и) нарушение уставных правил караульной (вахтенной) службы лицом, входящим в состав караула (вахты), если это деяние повлекло причинение вреда охраняемым караулом (вахтой) объектам (ст. 342 УК РФ);

к) нарушение уставных правил патрулирования в гарнизоне лицом, входящим в состав патрульного наряда, если это деяние повлекло тяжкие последствия, в том числе утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо предметов военной техники, а равно иные тяжкие последствия (ст. 344 УК РФ);

л) умышленные уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов или предметов военной техники (ст. 346 УК РФ);

м) уничтожение или повреждение по неосторожности оружия, боеприпасов или предметов военной техники, повлекшие тяжкие последствия (ст. 347 УК РФ);

н) нарушение правил сбережения введенных для служебного пользования оружия, боеприпасов или предметов военной

техники, если это повлекло по неосторожности их утрату (ст. 347 УК РФ);

о) нарушение правил сбережения введенных для служебного пользования оружия, боеприпасов или предметов военной техники, если это повлекло по неосторожности их утрату (ст. 348 УК РФ).

Как видно из проведенного анализа, квалифицированные составы, т.е. повышенные меры уголовной ответственности в период военного положения, в военное время, в период мобилизации либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, предусмотрены по 13 из 20 составов преступлений против военной службы, указанных в гл. 33 УК РФ.

Третья особенность применения мер уголовной ответственности в отношении военнослужащих в период действия особых режимов заключается в том, что уголовным законодательством России предусмотрен ряд составов преступных деяний, которые в мирное время не применяются. Основания для их применения к военнослужащим возникают только в период военного времени, действия военного положения, в период мобилизации и (или) участия военнослужащих в вооруженном конфликте или в боевых действиях.

К числу таких преступлений относятся:

1) *добровольная сдача в плен* при отсутствии признаков преступления, именуемого государственной изменой (ст. 352.1 УК РФ);

2) *мародерство*, то есть совершенные с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий и не связанные с вынужденной необходимостью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в том числе имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения) (ст. 356.1 УК РФ);

3) *переход на сторону противника* как одна из форм государственной измены (ст. 275 УК РФ);

4) *участие в вооруженном конфликте*, военных действиях или иных действиях с

применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (при отсутствии признаков государственной измены) (ст. 208 УК РФ);

5) преступления против мира и безопасности человечества:

— *применение запрещенных средств и методов ведения войны*, выражающееся в жестоком обращении с военнопленными или гражданским населением, в депортации гражданского населения, в разграблении национального имущества на оккупированной территории, в применении в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, а также применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ст. 356 УК РФ);

— *геноцид*, т.е. действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы (ст. 357 УК РФ);

— *экоцид*, т.е. массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу (ст. 358 УК РФ);

— *наемничество*, т.е. в вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях; участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях (ст. 359 УК РФ).

Что касается иных видов юридической ответственности, то в отличие от уголовной ответственности военное законодательство не содержит явно выраженных специальных норм об особенностях привлечения военнослужащих к администра-

тивной, дисциплинарной, материальной ответственности в условиях действия специальных режимов (военное время, военное положение, мобилизация и др.). Имеются лишь отдельные нормы на этот счет.

Так, в ст. 9 ДУ ВС РФ указано, что в боевой обстановке командир (начальник) имеет право для восстановления порядка и воинской дисциплины применить оружие в случае открытого неповиновения или сопротивления подчиненного. В условиях мирного времени он может это сделать только в исключительных случаях, не терпящих отлагательства.

Применительно к материальной ответственности военнослужащих действует правило, установленное п. 3 ст. 12 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих, согласно которому не допускается денежное удержание для возмещения причиненного ущерба с денежных выплат, предусмотренных ч. 31, 31.1 и 31.2 ст. 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (речь идет о выплатах, которые получает семья военнослужащего, захваченного в плен или в качестве заложника, либо пропавшего без вести, а также о денежном довольствии погибшего (умершего) военнослужащего, не полученном им при жизни, которое подлежит выплате его семье.

Что касается административной ответственности, то в действующем КоАП РФ вообще отсутствуют нормы, определяющие особенности применения его норм в условиях действия специальных правовых режимов, связанных с военным положением, мобилизацией, вооруженными конфликтами. Это означает, что в этих условиях военнослужащие привлекаются к административной ответственности в том же порядке, что и в мирное время.

В связи с объявлением в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 частичной мобилизации сложилась парадоксальная ситуация с применением некоторых видов дисциплинарной ответственности.

Как известно, наиболее строгими дисциплинарными взысканиями, которые могут быть применены к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, является досрочное увольнение с военной службы в связи с несоблюдением ими условий контракта, а к курсантам военных вузов — отчисление из военной образовательной организации (п. 2 ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; ст. 54 ДУ ВС РФ). Кроме того, в соответствии со ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» к военнослужащим по контракту могут быть применены взыскания за коррупционные правонарушения в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с утратой доверия и в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы (подп. «д.1», «д.2» п. 1 и подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»)

Однако пунктом 5 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 установлено, что в период частичной мобилизации применяются только три основания увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации: а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе; б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими; в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

Получается, что за несоблюдение условий контракта и иные серьезные правонарушения в условиях режима мобилизации к военнослужащему неприменима

такая мера ответственности, как досрочное увольнение с военной службы. То есть вместо ужесточения дисциплинарной ответственности в особый период мы видим, наоборот, ее смягчение. Безусловно, данная ситуация требует оперативного принятия мер нормотворческого характера.

В целях совершенствования правового регулирования юридической ответственности военнослужащих в условиях вооруженных конфликтов может быть востребован опыт Великой Отечественной войны. Так, в указанный период применялись такие меры дисциплинарного воздействия на военнослужащих, как направление в штрафные воинские части как рядовых, так и офицеров; снижение в воинском звании применялось ко всем категориям военнослужащих, в том числе к высшим офицерам, а не только к солдатам и сержантам, как это установлено в настоящее время; существовал институт разжалования в рядовые; дисциплинарный арест применялся во внесудебном порядке ко всем категориям военнослужащих. Командиры (начальники) в условиях военных действий наделялись значительно более широким объемом дисциплинарной власти, чем в мирных условиях¹.

Данный опыт вполне востребован в современных условиях. Как представляется, имеется настоятельная потребность в дополнении Федерального закона «О статусе военнослужащих» специальной статьей, устанавливающей особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих в период военного времени, действия военного положения, в период мобилизации и (или) участия военнослужащих в вооруженном конфликте или в боевых действиях. Эти особенности должны предусматривать, в частности, внесудебный порядок применения дисциплинарного ареста решениями командиров (начальников) от командира роты и выше; применение к

¹ Бондаренко Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Тюрин А.И. Специфика юридической ответственности военнослужащих в военное время (на примере Великой Отечественной войны) // <http://www.voennopravo.ru/node/3346>

офицерам дисциплинарного ареста и снижения в воинском звании на одну ступень. Для этих целей следует предусмотреть оборудование гауптвахт в каждой воинской части, в том числе в полевых условиях.

Следует изучить возможность применения к военнослужащим системы денежных штрафов за нарушения воинской дис-

циплины, как это практикуется в армиях некоторых государств.

Библиография

1. Бондаренко, Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Бондаренко. — М., 2005.

2. Тюрин А.И. Специфика юридической ответственности военнослужащих в военное время (на примере Великой Отечественной войны) // <http://www.voennoepravo.ru/node/3346>

Особенности применения военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации и полицией МВД России физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств: сравнительно-правовой анализ

© Минтягов Станислав Андреевич,
начальник учебной части — заместитель
начальника военного учебного центра при
ВГУЮ (РПА Минюста России), майор юстиции

Аннотация. В данной статье раскрыта актуальность вопроса о правах и порядке применения военной полицией Вооруженных Сил Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, в том числе оружия нелетального действия. Выявлены пробелы в законодательстве в данной области, в частности, касающиеся условий, порядка и пределов применения огнестрельного оружия ограниченного поражения, состоящего на вооружении военной полиции Вооруженных Сил. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования данных положений в деятельности военной полиции и полиции МВД России. Окончательной целью работы является решение данной проблемы путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: полиция, военная полиция, физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие, оружие ограниченного поражения.

Features of the use of physical force, firearms and special means by the military police of the Armed Forces of the Russian Federation and the police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Fed- eration: comparative legal analysis

© Mintyagov S.A.,
Head of the Training Unit - Deputy Head of the Mil-
itary Training Center at the All-Russian State Uni-
versity of Justice (RLA of the Ministry of Justice of
Russia), major of Justice

Abstract. This article reveals the relevance of the issue of the rights and procedure for the use of physical force, special means and firearms, including non-lethal weapons, by the military police of the Armed Forces of the Russian Federation. Gaps in the legislation in this area are revealed, in particular concerning the conditions, procedure and limits of the use of firearms of limited destruction, which are in service with the military police of the Armed Forces of the Russian Federation. A comparative legal analysis of the legislative regulation of these provisions in the military police of the Armed Forces of the Russian Federation and the police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is carried out. The final goal of the work is to solve this problem by making appropriate changes to the current legislation.

Keywords: police, military police, physical force, special means, firearms, weapons of limited destruction.

Безопасность собственных граждан является приоритетной задачей любого правового государства. Жизнь и здоровье, права и свободы людей особо охраняются в России и находятся под защитой Конституции Российской Федерации. Одно из ведущих мест в системе обеспечения без-

опасности граждан занимают правоохранные органы, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации наделены особыми правами по применению административно-правовых средств.

Проблема применения военнослужащими военной полиции Вооруженных Сил физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия заключается в том, что при отсутствии четкого законодательного (правового) регулирования порядка и условий их применения может с одной стороны, повлечь нарушение прав субъектов-нарушителей, с другой стороны, не может гарантировать самим военным полицейским правовую безопасность и защиту.

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» определил основное предназначение военной полиции, в которое входит обеспечение законности, правопорядка, воинской дисциплины и противодействие преступности. Данным Федеральным законом военнослужащие военной полиции наделены правом применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, боевую и специальную технику.

Поскольку данное полномочие напрямую может затронуть основные права и свободы человека, указанные в ст. 2 Конституции Российской Федерации, а также ст. 22 рассматриваемого акта, где каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность, именно на уровне федерального закона были прописаны полномочия военной полиции по применению физической силы и оружия.

Однако более детальное правовое регулирование данного вопроса содержится в основном руководящем акте — Уставе военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ).

Так, в соответствии с п. 4 ст. 284 Устава военной полиции военнослужащие военной полиции наделены полномочиями применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, специальные средства, огнестрельное оружие, боевую и специальную технику в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами и приложением № 2 к Уставу военной полиции. В состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании военнослужащего Воору-

женных Сил, других войск, воинских формирований и органов или иного лица, совершившего преступление, военнослужащий военной полиции при отсутствии у него специальных средств или оружия вправе использовать любые подручные средства.

Физическая сила военнослужащего военной полиции, выступающая как средство противодействия и пресечения правонарушения представляет собой его способность преодолевать внешнее сопротивление или противостоять ему за счет мышечных усилий (напряжений). Разновидностью применения физической силы является применение боевых приемов борьбы, под которыми в специальной литературе понимаются «специально организованные движения, представляющие собой единый двигательный акт, выработанный в практике единоборств, самозащиты, силового задержания противника, с учетом анатомии человека и биомеханики его движений»¹.

Под современными специальными средствами специалисты МВД России предлагают понимать состоящие на вооружении полиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных законом, технические изделия (устройства, предметы, вещества), а также применяемых служебных животных, основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты². В полной мере данное определение относится и к специальным средствам, состоящим на вооружении военной полиции Вооруженных Сил.

Основным нормативным актом, регулирующим вопросы применения физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств полицейскими МВД России является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Так,

¹ Сафонов Д.Е. Формирование необходимых сотруднику базовых приемов борьбы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2. С. 28.

² Васильев Ф.П., Косиковский А.Р. Применение специальных средств сотрудниками полиции МВД России // Рос. следователь. 2012. № 4. С. 36.

гл. 5 вышеназванного закона «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» содержит отдельные статьи, дающие право сотрудникам полиции применять физическую силу, специальные средства и оружие, порядок его применения, запреты и ограничения, связанные с их применением, а также гарантии личной безопасности сотрудника полиции.

Правом применения физической силы, включая боевые приемы борьбы, специальных средств и оружия из числа военнослужащих военной полиции наделяются определенные категории, такие как: начальник патруля военной полиции (п. 9 ст. 76, ст. 83 УВП ВС РФ); инспектор дорожно-патрульной службы ВАИ (п. 10 ст. 131 УВП ВС РФ); начальник караула при гауптвахте (ст. 220 УВП ВС РФ); контролер на гауптвахте (п. 11 ст. 226 УВП ВС РФ); выводной на гауптвахте (ст. 234 УВП ВС РФ); начальник конвоя и конвойные (п. 13 ст. 253, ст. 256 УВП ВС РФ).

Кроме этого, Устав военной полиции обязывает военнослужащих военной полиции проходить специальную подготовку и периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, боевой и специальной техники, а также на умение оказывать первую помощь пострадавшим.

Право на применение световых и акустических специальных средств, а также средств разрушения преград имеет военнослужащий военной полиции, получивший в установленном порядке соответствующий допуск. Военнослужащий военной полиции, не прошедший проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и оружия, может быть отстранен от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, боевой и специальной техники.

В прил. № 2 к Уставу военной полиции довольно детально урегулированы условия и порядок применения военно-

служащими военной полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также боевой и специальной техники.

Вернемся к рассмотрению данного вопроса в Министерстве внутренних дел Российской Федерации.

Порядок применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств и оружия в правовом, тактическом аспекте неоднократно исследовался многими учеными¹. Считаем, что данный вопрос детально изучен, а правовое регулирование применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и оружия находится на высоком уровне по сравнению с аналогичными нормами для должностных лиц других силовых структур. Вместе с тем, имеется необходимость провести сравнительно-правовой анализ законодательства, регламентирующего применение физической силы, специальных средств и оружия военной полицией Вооруженных Сил и полицией МВД России в целях выявления несовершенства законодательства в данной области и путей решения таких проблем (см. табл.).

Проанализировав статьи 18—23 Федерального закона «О полиции» и приложение № 2 к Уставу военной полиции, можно прийти к выводу, что многие положения вышеназванных нормативных актов практически содержат одинаковые формулировки, в связи с чем можно сделать предположение о том, что некоторые правовые нормы, регламентирующие применение военной полицией физической силы, спе-

¹ Бараков А.Д. Правовые основы и проблемные вопросы применения специального средства «палка специальная» // Новый юридический вестник. 2020. № 2 (16). С. 34—37; Молянов А.Ю. Специальные средства полиции России: к вопросу об определении понятия: административно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 333—350; Парычев С.В., Афанасьев В.С. К вопросу применения огнестрельного оружия ограниченного поражения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 127—133; Грозан Е.Н., Дизер О.А., Филиппов О.Ю. Правовое обеспечение применения специальных средств сотрудниками полиции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2(57). С. 32—36.

циальных средств, оружия, боевой и специальной техники, были заимствованы из нормативных актов, регламентирующих данные вопросы в МВД России. В целом, как уже отмечалось, данные вопросы, по нашему мнению, довольно детально уре-

гулированы на законодательном и подзаконном уровнях. Вместе с тем, имеется некоторая пробельность, в частности, касающаяся применения военными служащими военной полиции служебного огнестрельного оружия ограниченного поражения.

Таблица

Перечень случаев, при которых должностные лица военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и полиции МВД России имеют право применять физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику

Полиция МВД России	Военная полиция Вооруженных Сил
Физическая сила	
ст. 20 ФЗ «О полиции»	п. 10—11 приложения № 2 к УВП ВС РФ
Специальные средства:	
ст. 21-22 ФЗ «О полиции»	п. 12—13 приложения № 2 к УВП ВС РФ
палки специальные	
пункты 1—5, 7, 8 и 11	подпункты 1—6, 8, 9 и 11
специальные газовые средства	
пункты 1—5, 7 и 8	подпункты 1, 3—6, 8 и 9
средства ограничения подвижности	
пункты 3, 4 и 6	подпункты 3, 4—6, 7 и 11
средства принудительной остановки транспорта	
пунктами 9 и 11	подпункты 2 и 10
электрошоковые и светошоковые устройства	
пункты 1—5, 7 и 8	подпункты 1—6, 8 и 9
Боевая и специальная техника:	
водометы	
пункты 7, 8 и 11	подпункты 2, 6, 8 и 9
бронемашины	
пункты 5, 7, 8 и 11	подпункты 2, 6, 8 и 9
Огнестрельное оружие	
ст. 23 ФЗ «О полиции»	п. 18—19 приложения № 2 УВП ВС РФ
служебное огнестрельное оружие ограниченного поражения	
части 1 и 3 ст. 23; пункты 3, 4, 7 и 8 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции»	Не урегулировано

В штате органов и подразделений военной полиции Вооруженных Сил находится оружие ограниченного поражения или, другими словами, травматическое оружие ПБ-4 «Оса». Следует отметить, что в данном образце огнестрельного оружия ограниченного поражения используется электрическая схема инициирования выстрела. В Уставе военной полиции, других руководящих документах отсутствуют какие-либо нормы, регулирующие применение военными служащими военной полиции травматического оружия.

Может ли это означать установленный запрет на их применение?

В целях более детального изучения данного вопроса исследуем понятие «огнестрельное оружие ограниченного поражения» и порядок его применения, для чего обратимся к соответствующему нормативному источнику.

Что же понимать под огнестрельным оружием? В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» в зависимости от целей использования соответствующими субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам оружие подразделяется на три группы: 1) гражданское; 2) служебное; 3) боевое ручное стрелковое и холодное.

То есть, под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

В свою очередь к служебному оружию относится также огнестрельное оружие ограниченного поражения с патронами травматического действия (ст. 4 Федерального закона «Об оружии»). В отличие от огнестрельного оружия, огнестрельное оружие ограниченного поражения, а также боеприпасы к нему не предназначены для причинения смерти человеку.

Таким образом, травматическое оружие или огнестрельное оружие ограниченного поражения является одним из видов огнестрельного оружия. Данное оружие может быть как гражданским, так и служебным.

Гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения (пистолет, револьвер, огнестрельное бесствольное устройство отечественного производства) с патронами травматического действия, патронами газового действия и патронами светозвукового действия относится к оружию самообороны (ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об оружии»).

Служебное огнестрельное оружие ограниченного поражения предназначено для использования должностными лицами государственных органов и работниками юридических лиц, которым законодательством Российской Федерации разрешено ношение, хранение и применение указанного оружия, в целях самообороны или для исполнения возложенных на них федеральным законом обязанностей по защите жизни и здоровья граждан, собственности, по охране природы и природных ресурсов, ценных и опасных грузов, специальной

корреспонденции (ст. 4 Федерального закона «Об оружии»).

Таким образом, военнослужащие военной полиции Вооруженных Сил и сотрудники полиции МВД России имеют право применять огнестрельное оружие ограниченного поражения на общегражданских основаниях, предусмотренных ст. 24 Федерального закона «Об оружии» только как оружие самообороны, а также при исполнении служебных (специальных) обязанностей, предусмотренных соответствующим законодательством.

Возвращаясь к вопросу правового регулирования применения военнослужащими военной полиции данного вида огнестрельного оружия, стоит ещё раз отметить, что данная норма (порядок, условия применения) в настоящее время в отличие от МВД России не урегулированы.

Так, например сотрудник полиции имеет право применить служебное огнестрельное оружие ограниченного поражения во всех случаях, предусмотренных частями 1 и 3 ст. 21, а также в случаях, предусмотренных пунктами 3, 4, 7 и 8 ч. 1 той же ст. 21 Федерального закона «О полиции», включая все случаи применения огнестрельного оружия, а также для: для пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции; для задержания лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться; для освобождения насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков; для пресечения массовых беспорядков и иных противоправных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций.

Пунктом 3 приложения № 2 к УВП ВС РФ военнослужащему военной полиции, как уже отмечалось ранее, предоставлено право в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании военнослужащего Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов или иного лица, совершившего преступление, при отсутствии специальных средств или оружия использовать любые подручные средства. Применяя данную формулировку, сложно будет

дать правовую оценку действиям военнослужащего военной полиции, равно как и ответить на вопрос: «Является ли в данном случае служебное огнестрельное оружие ограниченного поражения подручным средством?».

Сравнение двух правовых норм (Федерального закона «О полиции» и УВП ВС РФ) показало необходимость внесения дополнений в приложение № 2 к УВП ВС РФ для защиты охраняемых законом прав и свобод, жизни и здоровья военнослужащих и лиц гражданского персонала, других граждан, а также правовую защищенность самих военных полицейских. Это очевидное дополнение может повысить общественную безопасность и предупредить возможные негативные последствия.

Библиография

1. Бараков, А.Д. Правовые основы и проблемные вопросы применения специального средства «палка специальная» / А.Д. Бараков // Новый юри-

дический вестник. — 2020. — № 2 (16). — С. 34—37.

2. Васильев, Ф.П. Применение специальных средств сотрудниками полиции МВД России / Ф.П. Васильев, А.Р. Косиковский // Рос. следователь. — 2012. — № 4. — С. 36—41.

3. Грозан, Е.Н. Правовое обеспечение применения специальных средств сотрудниками полиции / Е.Н. Грозан, О.А. Дизер, О.Ю. Филиппов // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 2(57). — С. 32—36.

4. Молянов, А.Ю. Специальные средства полиции России: к вопросу об определении понятия: административно-правовой аспект / А.Ю. Молянов // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 4. — С. 333—350.

5. Парычев, С.В. К вопросу применения огнестрельного оружия ограниченного поражения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации / С.В. Парычев, В.С. Афанасьев // Академическая мысль. — 2020. — № 4 (13). — С. 127—133.

6. Сафонов, Д.Е. Формирование необходимых сотруднику базовых приемов борьбы / Д.Е. Сафонов // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2011. — № 2. — С. 28—30.

Особенности производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции в Вооруженных Сил Российской Федерации

© Сынков Николай Викторович,
преподаватель 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы применения процессуальных норм, установленных российским законодательством, в ходе дисциплинарного производства по фактам коррупционных правонарушений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, с учетом особенностей, связанных с субъектами дисциплинарной власти. Исследованы основания привлечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации к юридической ответственности за коррупционные правонарушения. Сформулированы понятие и принципы производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации. Рассмотрены полномочия командиров (начальников) по привлечению военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации к юридической ответственности за коррупционные правонарушения. Обозначены общие организационно-правовые проблемы привлечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации к юридической ответственности и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: дисциплинарное производство, процессуальные основания, юридическая (уголовная, административная, дисциплинарная) ответственность, законодательство о противодействии коррупции, коррупционные правонарушения, правовое регулирование, применение взысканий, процессуальные и материальные нормы права.

Peculiarities of procedural rules on cases of violations of anti-corruption legislation in the Armed Forces of the Russian Federation

© Synkov N.V.,
Lecturer of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article deals with problematic issues of the application of procedural rules established by Russian law in the course of proceedings on corruption offenses by military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation, taking into account the peculiarities associated with the individuals of disciplinary authority. The reasons for imposing legal liability on military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation for corruption offenses were investigated. The concept and principles of proceedings on cases of violations of anti-corruption legislation in the Armed Forces of the Russian Federation are formulated. The responsibilities of commanders (superiors) to impose legal liability on servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation for corruption offenses are reviewed. The general organizational and legal problems of bringing of military personnel of Armed Forces of the Russian Federation to legal responsibility are outlined and ways of their solution are proposed.

Keywords: disciplinary proceedings, procedural reasons, legal (criminal, administrative, disciplinary) liability, anti-corruption legislation, corruption offenses, legal regulation, application of penalties, procedural and substantive law.

В любой системе права взаимодействуют правовые нормы материального и процессуального права. Нормы материального права определяют содержание прав и обязанностей субъектов права и отвечают на вопрос, что надо сделать для реализации этих прав и обязанностей, а нормы процессуального права отвечают на вопрос как, каким образом, в каком порядке эти права и обязанности реализуются. При этом процессуальные нормы определяют компетенцию, предмет ведения, властные полномочия государственных органов, должностных лиц, являющихся субъектами юридического процесса.

Необходимо отметить, что совершение военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации дисциплинарного коррупционного проступка является недостаточным условием для реализации юридической ответственности. Чтобы реализовать ответственность военнослужащего, требуется деятельность специальных органов (должностных лиц), в процессе которой будут исследованы, установлены и конкретизированы факты и обстоятельства, послужившие основанием для привлечения к ответственности.

Процессуальные нормы, лежащие в основе деятельности компетентных органов по реализации юридической ответственности, получили название процессуальных оснований¹. Вопросы процессуальных оснований юридической ответственности военнослужащих за нарушения законодательства о противодействии коррупции в юридической литературе практически не исследовались.

Процессуальное основание — это наличие правоприменительного акта, который конкретизирует общие предписания охранительной нормы права, определяющий деятельность компетентных органов по установлению виновных лиц и привлечению их к соответствующему виду юридической ответственности.

¹ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 49.

В этой связи рассмотрим понятие, основные принципы и стадии административного порядка реализации юридической ответственности за дисциплинарные коррупционные правонарушения.

Административный процесс представляет собой урегулированный законом порядок разрешения определенных индивидуальных дел в сфере исполнительной власти в целях обеспечения законности и укрепления правопорядка. В качестве предмета правового регулирования в административном процессе рассматриваются правоотношения, связанные с управленческим (служебным) подчинением при решении споров и при применении мер государственного воздействия².

Производство по делам о дисциплинарных проступках рассматривается в литературе как одна из разновидностей административно-юрисдикционных производств наряду с такими, как производство по делам об административных правонарушениях, производство по жалобам, производство по применению мер административного принуждения, не являющихся мерами административной ответственности, а также исполнительное производство³.

При этом разными учеными-юристами приводятся различные определения понятия дисциплинарного производства, что обусловлено его различным пониманием.

Ю.С. Адушкин, анализируя дисциплинарное производство как правовой институт, определяет его как совокупность правовых норм, регламентирующих общественные отношения в связи с правоприменительной деятельностью в решении вопроса о применении дисциплинарной ответственности за совершенный (или предполагаемый) дисциплинарный проступок⁴.

² Овсянко Д.М. Административное право: учебное пособие. М.: Манускрипт, 1994. С. 58.

³ Панова И.В. Административно-процессуальное право России / 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. С. 134.

⁴ Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 42.

Н.П. Маюров и В.С. Бялт в качестве дисциплинарного производства указывают нормативно урегулированную деятельность уполномоченных субъектов по рассмотрению и разрешению дел о дисциплинарных проступках, состоящую в комплексе процессуальных действий по применению к подчиненным по службе мер дисциплинарной ответственности¹.

Перечисленные определения отражают общие черты и основные признаки дисциплинарного производства, соответственно в целом их можно использовать для определения понятия дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях военнослужащими в следующей формулировке: дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях — это установленная нормативными правовыми актами и осуществляемая в процессуальной форме деятельность уполномоченных субъектов дисциплинарной власти по назначению и проведению проверок, рассмотрению их результатов, а также применению дисциплинарных взысканий к военнослужащим, допустившим нарушения законодательства о противодействии коррупции.

Однако вышеизложенное определение не означает, что дисциплинарное производство по делам о нарушениях военнослужащими антикоррупционных норм не имеет процессуальных особенностей. Так, в п. 1 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» указано, что взыскания за коррупционные правонарушения применяются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения военной службы, с учетом особенностей, определенных указанной статьей. Данные особенности касаются таких существенных моментов, как обстоятельства, подлежащие установлению по делу, субъекты дисциплинарной проверки, сроки давности привлечения к

юридической ответственности. При этом указанные особенности не отражены в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ), что до настоящего времени не позволяет применять данные нормативные правовые акты в ходе производства по делам о нарушениях законодательства о противодействии коррупции.

Особенности дисциплинарного производства по делам о нарушениях военнослужащими законодательства о противодействии коррупции отражаются в его принципах.

В словарях под принципом понимается «основное, исходное положение какой-либо теории, учения и т.д.; руководящая идея, основное правило деятельности»².

Принципы имеют определяющее значение и для юридической науки. По словам А.В. Малько, принципы права «выражают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла»³.

К числу общеправовых принципов, характеризующих дисциплинарное производство, следует отнести: законность, справедливость, равенство граждан перед законом, гуманизм. Среди группы межотраслевых принципов, которые свойственны нескольким отраслям права, возможно перечислить следующие: гласность, обеспечение права на защиту, презумпция невиновности, неотвратимость ответственности, самостоятельность принятия решения, непосредственность, публичность. Отраслевыми принципами, преимущественно применяемыми в административном праве и его отдельных институтах, в том числе дисциплинарной ответственности, являются: оперативность и усмотрение субъекта дисциплинарной власти.

Вопросам изучения названных принципов уделено достаточно внимания в ра-

¹ Маюров Н.П., Бялт В.С. К вопросу о совершенствовании процедуры привлечения сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 3. С. 125.

² Словарь иностранных слов / 10-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1983. С. 400.

³ Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М.: Юристъ, 2001. С. 111.

ботах многих ученых-юристов, в том числе в трудах по административному процессу¹ и дисциплинарной ответственности². В этой связи, представляется необходимым рассмотреть только особенности реализации некоторых из них в дисциплинарном производстве по делам о нарушениях военнослужащими законодательства о противодействии коррупции.

В п. 4 ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» указано, что противодействие коррупции в Российской Федерации основывается, в том числе, на принципе неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений, реализация которого осуществляется путем введения в законодательство о военной службе норм о применении санкций за данного рода правонарушения.

Однако на сегодняшний день названный принцип не в полной мере согласовывается с принципом усмотрения субъекта дисциплинарной власти по применению взысканий.

Принцип неотвратимости ответственности рассматривается законодателем как один из основных принципов противодействия коррупции³.

Несмотря на желание законодателя установить принцип неотвратимости наказания как основополагающий, он все-таки

является декларативным, поскольку его реализация возможна в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы прохождения различных видов государственной службы, в том числе и военной. Однако положения Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусматривают применение к военнослужащим мер юридической ответственности за коррупционные правонарушения исключительно по усмотрению субъекта дисциплинарной власти.

В частности, как отмечено ранее, пунктом 1 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрено, что взыскания за коррупционные правонарушения применяются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения военной службы. Ст. 28.9 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определяет, что порядок и сроки рассмотрения командиром материалов о дисциплинарном проступке, а также виды решений, принимаемых командиром по результатам рассмотрения указанных материалов, определяются общевоинскими уставами.

Согласно положениям гл. 4 ДУ ВС РФ субъекты дисциплинарной власти имеют право применять к военнослужащим дисциплинарные взыскания.

Такое положение дел позволяет отдельным авторам утверждать, что свойства неотвратимости наказания у дисциплинарной ответственности фактически нет⁴.

По мнению В.К. Аулова и Ю.Н. Туганова, реализация носителями дисциплинарной власти дискреционных полномочий, позволяющих применять дисциплинарные взыскания в порядке усмотрения на основе собственных представлений о публичных интересах, представляет собой часть общей проблемы системного кризиса права. Рассматривая особенности дисциплинарной ответственности военнослужащих, названные авторы в качестве суще-

¹ Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 223—234; Махина С.Н. Административный процесс: Проблемы теории, перспективы правового регулирования. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 62—66, 161—167; Каплунова А.И. Административно-процессуальное право: Курс лекций. М.: ДКО. СПб МВД России, 2009. С. 23—28.

² Адушкин Ю.С. Указ. Соч. С. 58—66; Туганов Ю.Н. Проблемы производства по дисциплинарным проступкам военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Современное право, 2007. № 4. С. 90—92.

³ Калита И.А. Прокурорский надзор и противодействие коррупционным правонарушениям // Юрист ВУЗа, 2011. № 10. С. 55; Астанин В.В. Принципы противодействия коррупции в российском законодательстве // Юридический мир, 2009. № 2. С. 43; Векленко С.В., Панов С.Л. Принципы противодействия коррупции // Вестник Воронежского института МВД России, 2010. № 3. С. 20—21.

⁴ Сорочкин Р.А. Законодательные пробелы при реализации комплексного подхода в противодействии коррупции // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2012. № 4. С. 63.

ственного обстоятельства, влияющего на решение вопроса о применении мер юридической ответственности, указывают на наличие у субъекта дисциплинарной власти личного интереса в ходе ее реализации¹.

Заслуживает внимания мнение В.М. Манохина о том, что сфера усмотрения руководителя государственного органа слишком пространна², а наделение субъекта дисциплинарной власти по усмотрению принимать решения о привлечении к дисциплинарной ответственности фактически является коррупциогенным фактором. Дискреция, как отмечают ученые-юристы, — главное орудие коррупционера³, а отсутствие у публичного должностного лица дискреционной власти — основное условие ликвидации коррупции⁴.

А.В. Кудашкин и Т.Л. Козлов указывают, что «коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью — властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач, воинское должностное лицо и т. д.), имеющий полномочия и использующий их вопреки законным интересам общества и государства в своих личных интересах или в интересах иных лиц»⁵.

¹ Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Правовые изъяны законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 4. С. 7—8.

² Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Юристь, 1997. С. 166.

³ Павелкин А.В. Проблемы выявления (распознавания) коррупционных проявлений в воинских учреждениях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение, 2009. № 11. С. 7

⁴ Землин А.И. Актуальные вопросы совершенствования организационно-правовых основ противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы // Публичное и частное право, 2012. № 3. С. 82.

⁵ Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3—8.

С учетом изложенного и в целях обеспечения реализации рассматриваемого принципа противодействия коррупции необходимо на законодательном уровне лишить командира (начальника) возможности решать вопрос о привлечении к юридической ответственности подчиненного военнослужащего на основе собственного усмотрения. Представляется целесообразным не только обязать командира (начальника) соблюдать процессуальное законодательство при применении взыскания к военнослужащим за совершение дисциплинарных коррупционных проступков, но и определить ответственность за несоблюдение процессуальных норм. В качестве юридического средства обеспечения выполнения такой обязанности необходимо предусмотреть меру ответственности к самому командиру (начальнику) за непринятие решения о назначении и проведении проверки по аналогии с подп. «д.2» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»⁶.

Основной особенностью юридической ответственности военнослужащих за нарушения законодательства о противодействии коррупции является принципиально иной порядок применения взысканий.

Дисциплинарному производству, как и любому виду процессуальной деятельности, свойственна стадийность, при которой такая деятельность «осуществляется в определенной логической последовательности, при которой одни группы процедур, объединенные общим промежуточным результатом, сменяются другими»⁷.

Из-за слабой детализации дисциплинарного производства по сравнению с уголовным или административным производством его этапы четко не выделены, в связи с чем стадии дисциплинарного произ-

⁶ Костюк О.Н., Корякин В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия как следствие неурегулированного конфликта интересов на военной службе // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 2. С. 34—37.

⁷ Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 596.

водства рассматриваются учеными-юристами лишь условно, а их перечень является различным.

О.Э. Лейст полагал, что дисциплинарное производство включает такие стадии, как возбуждение дисциплинарного дела, проверка, подготовка решения, его вынесение, а также обжалование¹.

Ю.С. Адушкин к таковым относит возбуждение дисциплинарного производства, дисциплинарную проверку, рассмотрение и решение дисциплинарного дела, исполнение решения по дисциплинарному делу и его пересмотр (по жалобе и в порядке надзора)².

Применительно к военной службе А.В. Пчелинцев определял следующие стадии: назначение административного расследования, проведение административного расследования, рассмотрение и принятие решения по результатам расследования, обжалование и пересмотр решения, исполнение решения³.

Ю.Б. Носова предлагает на законодательном уровне в целях систематизации дисциплинарного производства установить его обязательные стадии (возбуждение дела о дисциплинарном проступке; служебное расследование; рассмотрение дисциплинарного дела и принятие решения; его исполнение) и факультативные (обжалование решения и досрочное снятие дисциплинарного взыскания)⁴.

Указанную систему стадий можно принять за основу и для дисциплинарного производства по делам о нарушениях военнослужащими законодательства о противодействии коррупции.

Учитывая, что содержание стадий дисциплинарного производства детально изложены в трудах ученых-юристов, в том числе уже названных, а законодатель все-таки ввел ряд существенных отличий в дисциплинарное производство по делам о коррупционных правонарушениях военнослужащих от общего порядка дисциплинарного производства, представляется необходимым рассмотреть более подробно особенности: а) связанные с субъектами дисциплинарной проверки; б) с обстоятельствами, которые должны быть учтены в ходе производства по делу; в) со сроками применения взысканий.

Так, одной из основных особенностей дисциплинарного производства о нарушениях военнослужащими законодательства о противодействии коррупции являются субъекты дисциплинарной проверки.

Также существует необходимость отметить терминологическое несоответствие понятий в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и «О воинской обязанности и военной службе», которое заключается в том, что в отношении общего порядка дисциплинарного производства законодатель использует термин «разбирательство», а в отношении производства по делам о дисциплинарных коррупционных проступках — «проверка». Можно полагать, что это действительно разные виды контрольной деятельности, поскольку их проводят разные субъекты, имеющие различные полномочия, а также есть различия в обстоятельствах, подлежащих установлению, и в сроках.

Согласно ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 81 ДУ ВС РФ по каждому факту совершения военнослужащим, дисциплинарного проступка, проводится разбирательство лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников) военнослужащего. При этом военнослужащий, назначенный для проведения разбирательства, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, а разбирательство, как правило, проводится без оформления письменных материалов.

¹ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 137.

² Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 82—114.

³ Пчелинцев А.В. Административное расследование в Советской Армии и Военно-Морском Флоте: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 17—18.

⁴ Носова Ю.Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: монография. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. С. 135—136.

В соответствии с п. 2 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» проведение проверки поручается подразделению кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а доклад о ее результатах в альтернативном порядке представляется командиру (начальнику) или направляется в аттестационную комиссию, что уже свидетельствует об оформлении материалов в письменном виде.

Надлежит обратить внимание на то, что существенно различаются и сроки проведения разбирательства и проверок соблюдения военными служащими законодательства о противодействии коррупции.

Пунктом 3 ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что срок разбирательства не должен превышать 30 суток с момента, когда командиру стало известно о совершении военнослужащим дисциплинарного проступка, в то время как срок проверки по факту совершения военнослужащим коррупционного правонарушения не должен превышать 60 дней со дня принятия решения о ее проведении и может быть продлен до 90 дней¹.

С учетом вышеизложенного, в целях исключения юридических коллизий, представляется необходимым положения статьи 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» отразить в гл. III Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Кроме того, еще одной особенностью является то, что должностные лица органов военного управления, уполномоченные для проведения проверок соблюдения военными служащими законодательства о противодействии коррупции, обладают

более широкими полномочиями², чем субъекты проверки по факту дисциплинарного проступка.

Также нужно отметить, что участниками дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях являются аттестационные комиссии, поскольку субъект дисциплинарной власти может по своему усмотрению принимать решение о направлении доклада о результатах проверки в указанную комиссию.

В.И. Штаненко указывал, что названные комиссии, являясь коллегиальным совещательным органом, состоящим из разноплановых специалистов и независимых членов, способны в ходе обсуждения и дискуссий достоверно установить наличие события и состава коррупционного правонарушения и профессионально определить меру ответственности военнослужащего, в отношении которого ведется дисциплинарное производство³.

Н.В. Новоселова говорит, что комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов создаются лишь формально и на практике бездействуют, в связи с чем полагает, что решения данных комиссий должны носить обязательный характер.

Изложенные мнения снова подтверждают высказанную автором позицию о необходимости ограничения дискреции командира (начальника) и возложении на него обязанности привлекать военнослужащих к дисциплинарной ответственности при наличии состава дисциплинарного

¹ Пункт 12 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 сент. 2009 г. № 1065.

² Абз. 2 п. 6 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».

³ Штаненко В.И. Значимость участия аттестационных комиссий воинских частей в процессе определения меры ответственности военнослужащих, совершивших коррупционные правонарушения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 8. С. 23—24.

коррупционного проступка, подтвержденного докладом о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений, и решением аттестационной комиссии.

Говоря об обстоятельствах, с учетом которых комиссия выносит решение о применении к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения, необходимо также отметить, что они имеют отличия от обстоятельств, учитываемых при проведении дисциплинарного производства по делам о дисциплинарных проступках.

Необходимо также отметить что в п. 3 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» отсутствует «вина» военнослужащего в совершении коррупционного правонарушения как факт, подлежащий установлению. Поэтому требование об установлении вины целесообразно включить в формулировку указанной нормы.

В п. 4 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в дисциплинарном производстве по коррупционным правонарушениям предусмотрены более длительные сроки применения взысканий и сроки давности: взыскания применяются не позднее 6 месяцев со дня поступления информации о совершении военнослужащим коррупционного правонарушения и не позднее 3 лет со дня его совершения; взыскания за иные дисциплинарные проступки могут быть применены в срок до 10 суток со дня, когда командиру (начальнику) стало известно о совершенном дисциплинарном проступке (не считая времени на проведение разбирательства, производство по уголовному делу или по делу об административном правонарушении, времени болезни военнослужащего, нахождения его в командировке или отпуске, а также времени выполнения им боевой задачи), но до истечения срока давности привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности — 1 года.

Установление законодателем срока давности привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные право-

нарушения (изменения вступили в силу с 3 августа 2018 г.) безусловно является верным, поскольку его отсутствие создавало период неопределенности положения виновного лица и субъекта дисциплинарной власти¹.

Подводя итоги, можно окончательно сформулировать то, что производство по делам о нарушениях военнослужащими законодательства о противодействии коррупции — это установленная нормативными правовыми актами и осуществляемая в процессуальной форме деятельность уполномоченных субъектов дисциплинарной власти по назначению и проведению проверок, рассмотрению их результатов, а также применению дисциплинарных взысканий к военнослужащим, допустившим нарушения законодательства о противодействии коррупции.

Вместе с тем производство по фактам коррупционных правонарушений военнослужащими необходимо осуществлять в общем порядке дисциплинарного производства с учетом особенностей, связанных с субъектами дисциплинарной власти, обстоятельствами, которые должны быть учтены в производстве по делу, и сроками давности привлечения к ответственности.

Библиография

1. Адушкин Ю.С. Дисциплинарное производство в СССР / Ю.С. Адушкин. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986.
2. Аулов, В.К. Правовые изъяны законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 4. — С. 7—8.
3. Аулов, В.К. Пресекательные сроки дисциплинарной ответственности судей как антикоррупционная предпосылка / В.К. Аулов, Ю.Н. Туганов // Российский судья. — 2010. — № 10.
4. Землин, А.И. Актуальные вопросы совершенствования организационно-правовых

¹ Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Пресекательные сроки дисциплинарной ответственности судей как антикоррупционная предпосылка // Российский судья, 2010. № 10. С. 26; Иванов Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения // Военное право, 2018. № 5. С. 117—120.

основ противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы / А.И. Землин // Публичное и частное право. — 2012. — № 3.

5. Иванов, Р.В. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к ответственности за коррупционные правонарушения / Р.В. Иванов // Военное право. — 2018. — № 5. — С. 117—120.

6. Калита, И.А. Прокурорский надзор и противодействие коррупционным правонарушениям / Т.А. Калита // Юрист ВУЗа. — 2011. — № 10.

7. Корякин, В.М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия как следствие неурегулированного конфликта интересов на военной службе / В.М. Корякин, О.Н. Костюк // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 2. — С. 34—37.

8. Кудашкин, А.В. Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. — 2010. — № 6. — С. 3—8.

9. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы / О.Э. Лейст. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

10. Малько А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Малько. — М.: Юристъ, 2001. С. 111.

11. Манохин, В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование / В.М. Манохин. — М.: Юристъ, 1997.

12. Маюров, Н.П. К вопросу о совершенствовании процедуры привлечения

сотрудников ОВД к дисциплинарной ответственности / Н.П. Маюров, В.С. Бялт // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2010. — № 3.

13. Носова, Ю.Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации : монография / Ю.Б. Носова. — Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011.

14. Общее административное право : учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007.

15. Овсянко, Д.М. Административное право: учебное пособие / Д.М. Овсянко. — М.: Манускрипт, 1994.

16. Павелкин, А.В. Проблемы выявления (распознавания) коррупционных проявлений в воинских учреждениях / А.В. Павелкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 11.

17. Панова, И.В. Административно-процессуальное право России. 2-е изд., пересмотр. и доп. / И.В. Панова. — М.: Норма, 2007.

18. Пчелинцев, А.В. Административное расследование в Советской Армии и Военно-Морском Флоте : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Пчелинцев. — М., 1987.

19. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Д. Сорокин. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008.

О соотношении административно-правовых статусов прокурора и военного прокурора

© Шнякина Татьяна Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент 25
кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
© Харченко Максим Олегович,
курсант, ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации*

Аннотация. В статье на основе анализа правовых основ организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, а также законодательства о военной службе в системе государственной службы Российской Федерации предпринята попытка сформировать системное представление об особенностях и специфике административно-правовых статусов прокурора и военного прокурора. Особое внимание уделено исполнению административных процедур в отношении прокуроров и военных прокуроров как должностных лиц, выполняющих государственно значимые функции.

Ключевые слова: административно-правовой статус, прокурор, военный прокурор, военная служба, статус военнослужащего, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, административное правонарушение, поступок, порочащий честь прокурорского работника.

On the correlation of the administrative and legal statuses of the prosecutor and military prosecutor

© Shnyakina T.S.,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Professor of the 25th Department of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation
© Kharchenko M.O.,
Cadet, Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian
Federation*

Abstract. Based on the analysis of the legal foundations of the organization and activities of the prosecutor's office of the Russian Federation, as well as the legislation on military service in the public service system of the Russian Federation, the article attempts to form a systematic understanding of the features and specifics of the administrative and legal status of the prosecutor and the military prosecutor. Particular attention is paid to the execution of administrative procedures in relation to prosecutors and military prosecutors as officials performing state-significant functions.

Keywords: administrative-legal status, prosecutor, military prosecutor, military service, status of a serviceman, administrative responsibility, disciplinary responsibility, administrative offense, deed defaming the honor of a prosecutor.

---

* Участие курсантов в подготовке научных статей осуществляется в рамках военно-научной работы обучающихся в соответствии с разделом V Приложения № 3 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2022 г. № 308 «Об организации образовательной деятельности в федеральных государственных организациях, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации».

В эпоху массовых информационных потоков, гибридных войн и жесткого противостояния традиционным ценностям Российской Федерации, навязываемых ей противоестественных претензий Запада становятся экзистенциально значимыми личный пример законопослушания должностных лиц, подкрепленность слов представителей государства делом, точная и своевременная реализация ими законодательства как при исполнении служебных полномочий, так и в повседневной жизнедеятельности. Перечисленное индуцирует административно-правовой статус должностных лиц, выполняющих государственно значимые функции.

Так, анализ законодательных актов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации позволяет говорить о том, что административно-правовой статус должностных лиц, выполняющих государственно значимые функции, определяется не только через объем закрепленных и гарантированных прав, свобод, обязанностей и установленной ответственности, как у обычного гражданина, но также посредством наделения этих должностных лиц полномочиями в соответствии с этими функциями, предметом ведения и задачами государственного представительства (через компетенцию).

Основой гарантированности реализации любым гражданином своего административно-правового статуса по факту, а не декларативно, выступает обеспечение законности и правопорядка совместными силами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в качестве единого и неделимого федеративного правового государства (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации) посредством различных контрольных или надзорных проверочных мероприятий.

При этом одно из ключевых мест среди применяемых способов обеспечения законности в государственном управлении занимает прокурорский надзор.

От имени Российской Федерации прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, осуществляет про-

куратура Российской Федерации через прокурорских работников.

Прокурорские работники являются федеральными государственными служащими, исполняющими обязанности по должности федеральной государственной службы с учетом требований Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 40).

В соответствии с п. 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» федеральный государственный служащий является гражданином, осуществляющим профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающим денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета.

При этом согласно п. 4 указанной статьи Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» правовое положение (статус) федерального государственного служащего, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы.

В ст. 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» установлена система государственной службы Российской Федерации, включающая в себя государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов.

Статья 40 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» дает название федеральной государственной службе иного вида, которую проходят работники прокуратуры, — служба в органах и организациях прокуратуры.

Одновременно статьей 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» к лицам, назначаемым на должности прокуроров, предъявляются специальные требования. Так, прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие по имеющим государственную аккредитацию образователь-

ным программам высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция», или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция», или высшее образование по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Юриспруденция», с присвоением квалификации «юрист», обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности.

Пунктом 2 цитируемой статьи установлен ряд запретов для принятия на службу в органы и организации прокуратуры и нахождения на указанной службе граждан Российской Федерации. К примеру, если лицо имеет гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; признано решением суда недееспособным или ограниченно дееспособным; имело или имеет судимость; имеет заболевание, препятствующее поступлению на службу в органы и организации прокуратуры и исполнению служебных обязанностей прокурорского работника; состоит в близком родстве или свойстве (родители, супруги, братья, сестры, дети, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с работником органа или организации прокуратуры, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому; имеет статус иностранного агента; и др.

Кроме запретов Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 40.2) предусмотрены ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах и учреждениях прокуратуры, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18, 20 и 20.1 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной

гражданской службе Российской Федерации» для государственных служащих.

Однако обратим внимание на тот факт, что пунктом 3 ст. 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривается заключение с лицом, принимаемым на службу в органы и организации прокуратуры, трудового договора на неопределенный срок или на срок не более пяти лет. В то время как, исходя из анализа Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» и Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», можно сделать вывод о том, что государственный служащий поступает на государственную службу на условиях контракта. А, в частности согласно п. 2 ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», порядок заключения контрактов, а также основания и порядок прекращения их действия устанавливаются в соответствии с федеральным законом о виде государственной службы.

Статьями 22, 27, 30 и 33 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предусматриваются полномочия прокурора при осуществлении возложенных на него функций, определяемых, в том числе, и предметом прокурорского надзора.

Так, в рамках реализации административно-правового статуса прокурор: по основаниям, установленным законом, возбуждает производство об административном правонарушении или незамедлительно передает сообщение о правонарушении и материалы проверки в орган или должностному лицу, которые полномочны рассматривать дела об административных правонарушениях; требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, предупреждает о недопустимости нарушения закона; освобождает своим постановлением лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию на основании решений несудебных органов; опротестовывает противоречащие закону правовые акты, обращается в суд или арбитражный суд с требованием о признании таких актов

недействительными; вносит представление об устранении нарушений закона; рассматривает и проверяет заявления, жалобы и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина; разъясняет пострадавшим порядок защиты их прав и свобод; и другие.

А согласно ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ для прокурора предусмотрены составы административных правонарушений, производство по которым возбуждает именно он. Но в этой же части следом сделана оговорка о том, что при осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, прокурор также вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации.

То есть прокуроры призваны обеспечивать законность в государственном управлении путем выполнения государственно значимой функции — осуществления прокурорского надзора, для чего наделены особыми полномочиями. И в силу этого призвания к ним как к гражданам, наделенным неординарной силой правового принуждения по отношению к другим гражданам и их организациям, самим государством предъявляются повышенные требования убеждать общество соблюдать закон силой личного примера законопослушания. В связи с чем законодательно устанавливается ответственность прокурора.

Так, в ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закреплено право руководителей органов и организаций прокуратуры налагать на прокуроров дисциплинарные взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих служебных обязанностей (по существу статуса федерального государственного служащего) и совершение проступков, порочащих честь прокурорского работника.

Кроме того, ст. 41.8 цитируемого Закона предусматривает взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегули-

ровании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а ст. 42 устанавливает порядок привлечения прокуроров к административной ответственности.

Пунктом 1 ст. 11 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотрено, что в систему прокуратуры Российской Федерации входят также военные прокуратуры, приравненные к прокуратурам субъектов Российской Федерации, а также другие военные прокуратуры. Разделом VI Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» они обозначены как органы военной прокуратуры и для них установлены особенности организации и обеспечения их деятельности.

Пунктом 3 ст. 46 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено, что органы военной прокуратуры возглавляет заместитель Генерального прокурора Российской Федерации — Главный военный прокурор, он обеспечивает подбор, расстановку и воспитание кадров, проводит аттестацию военных прокуроров, издает приказы и указания, обязательные для исполнения всеми военными прокуратурами.

Таким образом, в системе прокуратуры Российской Федерации помимо должности федерального государственного служащего — прокурора законодательно предусмотрена должность военного прокурора.

Пунктом 8 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено, что офицеры органов военной прокуратуры имеют статус военнослужащих, проходят военную службу в органах военной прокуратуры в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», обладают правами и социальными гарантиями, установленными Федеральным законом от 27 мая 1998 г. 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Предельный возраст нахождения на военной службе в органах военной прокуратуры регулируется Федеральным за-

коном «О воинской обязанности и военной службе».

Согласно ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военная служба — особый вид федеральной государственной службы, в том числе исполняемой гражданами в органах военной прокуратуры (п. 1). При этом прохождение военной службы в данном случае осуществляется в качестве (в статусе) военнослужащего по контракту и в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» (п. 2).

Статья же 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в числе прочего определяет, что контракт о прохождении военной службы заключается между гражданином и от имени Российской Федерации — федеральным государственным органом, в котором этим Федеральным законом предусмотрена военная служба, письменно по типовой форме в порядке, определяемом Положением о порядке прохождения военной службы.

А ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» также устанавливает, что граждане, имеющие статус военнослужащих — это военнослужащие проходящие военную службу по контракту или военную службу по призыву в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе». При этом к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, относятся офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту.

Пунктом 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих определяется как совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных этим Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Пунктом 2 ст. 1 Федерального закона

«О статусе военнослужащих» установлено, что военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными этим Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами.

На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни. В связи с особым характером обязанностей, возложенных на военнослужащих, им предоставляются социальные гарантии и компенсации.

Особенности статуса военнослужащих, проходящих военную службу в военное время, в период мобилизации, во время исполнения обязанностей военной службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах регулируются федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Главой II Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрен широкий спектр прав и свобод военнослужащих в политической, экономической, социальной, культурной сферах государственной деятельности.

Статьями 26 и 27 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрены общие обязанности — существо воинского долга (защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации), должностные обязанности (непосредственно связаны с занимаемой должностью), специальные обязанности (обусловлены нахождением на боевом дежурстве (боевой службе), в суточном и гарнизонном нарядах, привлечением для ликвидации последствий стихийных бедствий, а также при других чрезвычайных обстоятельствах; для их исполнения военнотру-

жащий наделяется дополнительными правами на применение оружия, физической силы, специальных средств, предъявление требований, обязательных для исполнения, подчинение строго определенным лицам и другими правами, которые определяются федеральными законами, общевоинскими уставами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации).

Статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлены ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы. Так, на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции», пунктом 10 ч. 1 ст. 15, статьями 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и частью 1 ст. 11 Федерального закона от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (у прокуроров ссылки на такой закон не было), за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации. Установление таких исключений и определение военнослужащих, в отношении которых применяются данные исключения, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

А согласно ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий в зависимости от характера и тяжести совершенного им правонарушения привлекается к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в соответствии с этим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Одновременно в п. 12 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской

Федерации» имеется оговорка о том, что военные прокуроры поощряются и несут дисциплинарную ответственность в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ). А право поощрения и наложения дисциплинарного взыскания на военных прокуроров имеют только вышестоящие военные прокуроры и Генеральный прокурор Российской Федерации, так как военные прокуроры обладают в пределах своей компетенции полномочиями, определенными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», и осуществляют их независимо от командования и органов военного управления в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Более того п. 9 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определено, что поступление граждан на военную службу в органы военной прокуратуры и их увольнение с военной службы производятся Генеральным прокурором Российской Федерации и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации — Главным военным прокурором. При этом перевод военнослужащего органов военной прокуратуры к новому месту военной службы осуществляется в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы¹ на общих основаниях с другими военнослужащими. А увольнение с военной службы высших офицеров производится Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации.

Абзацем 6 п. 10 ст. 48 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено соответствие воинских званий офицеров органов военной прокуратуры классным чинам прокурорских работников территориальных органов прокуратуры. И следующим абзацем 7 п. а 10 этой же статьи предусматривается, что при увольнении офицеров органов военной

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».

прокуратуры (до полковника включительно) с военной службы и поступлении на службу в территориальные или специализированные органы прокуратуры им присваиваются соответствующие их воинским званиям классные чины, а при определении на военную службу прокуроров, имеющих классные чины (до старшего советника юстиции включительно), им присваиваются соответствующие воинские звания.

Статьей 1.4 КоАП РФ установлен принцип, согласно которому лица, совершившие административные правонарушения, равны перед законом. Там же отмечается, что физические лица подлежат административной ответственности независимо от должностного положения, а также других обстоятельств. Однако уже в ч. 2 этой же статьи предусматривается установление Конституцией Российской Федерации и федеральными законами особых условий применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и иных лиц).

Более того уже в самом КоАП РФ устанавливаются особые условия привлечения к административной ответственности военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания.

Так, согласно ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 этой же статьи (за них наступает административная ответственность на общих основаниях), военнослужащие в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность. А согласно статьям 3.9 и 3.13 КоАП РФ к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, не могут применяться такие виды административного наказания как арест и обязательные рабо-

ты.

Исходя из анализа положений КоАП РФ можно предположить, что самим КоАП РФ устанавливаются особые условия привлечения к административной ответственности военных прокуроров (так как они обладают статусом военнослужащих), но для остальных прокуроров в КоАП РФ содержится только указание на возможность установления Конституцией Российской Федерации и федеральными законами особых условий применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности.

И уже в ст. 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливается особый порядок привлечения прокуроров (в том числе и военных прокуроров) к административной ответственности.

Так, проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. А пунктом 2 этой же статьи не допускаются задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц и задержания при совершении преступления.

В соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении считается возбужденным с момента составления первого протокола о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренных статьей 27.1 КоАП РФ.

То есть в отношении прокуроров законодательно установлены особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, фактически прописанные как запрет на их применение. Одновременно это не означает, что производство по делу об административном правонарушении, совершенном прокурором или военным прокурором, не будет возбуждено или подлежит прекращению.

Так, приказом Генеральной прокурату-

ры Российской Федерации от 18 апреля 2008 г. № 70 «О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» (далее — Приказ Генпрокуратуры России № 70) предписано первому заместителю и заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов, районов, другим территориальным, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур при получении сообщений о правонарушениях, совершенных прокурорами, строго руководствоваться положениями статьи 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» о том, что любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры.

Пунктом 2 Приказа Генпрокуратуры России № 70 установлено, что проверке подлежат обращения граждан, органов государственной власти и органов местного самоуправления, информация, поступившая из органов МВД России, ФСБ России, других правоохранительных органов и специальных служб, общественных организаций, сообщения средств массовой информации и иных источников о совершении прокурорскими работниками органов и организаций прокуратуры административных и иных правонарушений.

Так, например, Административный регламент исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664¹, пунктами 303 и 304 устанавливает

следующий порядок выполнения административных процедур (действий):

— в случае выявления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, совершенного прокурором, сотрудник составляет об этом рапорт, который с другими материалами незамедлительно передается руководителю подразделения ДПС (подразделения Госавтоинспекции территориального органа МВД России на районном уровне) для их последующего направления прокурору, вышестоящему прокурору;

— при наличии достаточных оснований полагать, что прокурор, управляя транспортным средством, находится в состоянии опьянения, сотрудник в целях обеспечения безопасности других лиц принимает меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства до устранения условий, препятствующих дальнейшему движению транспортного средства, о чем сообщает в дежурное отделение (группу) подразделения ДПС (дежурную часть территориального органа МВД России на районном уровне) для немедленного информирования органов прокуратуры.

Согласно п. 4 Приказа Генпрокуратуры России № 70 проверки в отношении военных прокуроров округов и флотов, приравненных к ним прокуроров, их заместителей, а также прокурорских работников Главной военной прокуратуры проводятся по указанию заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора.

Решение о проведении проверки в прокуратурах субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуратурах принимается руководителем прокуратуры, к компетенции которого относится назначение на занимаемую должность прокурорского работника, а в отношении прокуроров городов и районов, приравненных к

¹ Приложение № 1 к Приказу МВД России от 23 августа 2017 г. № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по

осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения».

ним прокуроров — прокурором субъекта Российской Федерации, приравненному к нему военному прокурору и прокурором иной специализированной прокуратуры.

Пунктом 12 Приказа Генпрокуратуры России № 70 вменено в обязанность прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур о каждом случае совершения прокурорским работником правонарушения, в суточный срок с момента получения соответствующей информации, направлять специальное донесение в Генеральную прокуратуру Российской Федерации и Главную военную прокуратуру с последующим представлением подробной информации о результатах проведенной проверки.

При этом срок проведения проверки составляет 30 дней, если законодательством не установлен иной срок. В случае необходимости и при наличии оснований срок проверки продлевается лицом, давшим указание о ее проведении (п. 5 Приказа Генпрокуратуры России № 70).

В этой связи встает вопрос о течении сроков давности привлечения к административной ответственности прокуроров, если в ходе проверки будут установлены фактические и юридические основания ее наступления. Так, по общему правилу, согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения, а судьей — по истечении трех месяцев. Тем более среди специальных сроков давности привлечения к административной ответственности в КоАП РФ нет случаев, предусматривающих приостановление или иное течение сроков давности привлечения к ответственности прокурорских работников.

Пунктом 14 Приказа Генпрокуратуры России № 70 предусмотрено, что в случае возбуждения за проступок, порочащий честь прокурорского работника, административного производства подлинник постановления и материалы проверки направляются в суд по месту совершения

правонарушения для решения вопроса о применении мер административного воздействия.

Другими словами, в отношении прокурора на основании подтвердившегося в результате прокурорской проверки повода к возбуждению дела об административном правонарушении выносится прокурором постановление о возбуждении дела об административном правонарушении в соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ. А само такое дело рассматривается исключительно судом в порядке гл. 29 КоАП РФ.

Вместе с тем пунктом 14 Приказа Генпрокуратуры России № 70 установлено, что Генеральный прокурор Российской Федерации, его первый заместитель и заместители, прокуроры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур в пределах своей компетенции вправе привлечь к дисциплинарной ответственности виновного прокурорского работника за совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника.

При этом в ст. 41.7 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлены сроки привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности, отличные от сроков привлечения к административной ответственности. Дисциплинарное взыскание налагается непосредственно после обнаружения проступка, но не позднее одного месяца со дня его обнаружения, не считая времени болезни прокурора или пребывания его в отпуске. И оно не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии или проверки финансово-хозяйственной деятельности — двух лет со дня его совершения. Также прокурор, совершивший проступок, может быть временно (но не более чем на один месяц) до решения вопроса о наложении дисциплинарного взыскания отстранен от должности с сохранением денежного содержания. Отстранение от должности производится по распоряжению руководителя органа или организации прокуратуры, имеющего право назначать прокурора на соответствующую должность.

Кроме того, пунктом 12 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предусмотрено применение мер обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке (доставление; задержание; личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при военнослужащем или гражданине, призванном на военные сборы, досмотр транспортного средства; изъятие вещей и документов; временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей; отстранение от управления транспортным средством; медицинское освидетельствование) к военнослужащим органов военной прокуратуры с учетом особенностей, установленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

А приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114¹ утверждены и введены в действие Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации.

Так, согласно п. 5.1 Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации за нарушение положений этого Кодекса руководителем органа прокуратуры лично или при необходимости в присутствии трудового коллектива к прокурорскому работнику могут быть применены меры воздействия: устное замечание; предупреждение о недопустимости неэтичного поведения; требование о публичном извинении, что не является согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» дисциплинарным взысканием.

Одновременно пунктом 2 названного приказа предписано руководителям органов и учреждений прокуратуры исходить из того, что нарушение прокурорским работником норм Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации учитывается при решении вопроса о при-

влечении его к дисциплинарной ответственности, а в случае, когда данное нарушение выразилось в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, влечет наложение дисциплинарного взыскания.

Таким образом, квалификация противоправного действия (бездействия) прокурорского работника в качестве административного правонарушения, дисциплинарного проступка или же нарушения положений Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации полностью находится в ведении прокуратуры Российской Федерации. Отмеченное обстоятельство носит двойственный характер. С одной стороны, законодательно обеспечивается независимость реального правового положения прокурора по отношению к другим государственным силам и средствам в целях надлежащей реализации прокурором государственно значимых функций обеспечения законности и исключения воздействия на него извне, что безусловно необходимо. С другой стороны — замкнутость правозащитной системы в решении вопросов о применении мер юридического воздействия по отношению к себе самой, так называемое самоизлечение, может вносить недопустимую для прокуратуры Российской Федерации латентность правонарушений.

Итак, подводя итог изложенному, представляются обоснованными следующие выводы.

Во-первых, согласно действующему законодательству административно-правовой статус прокурора прокуратуры Российской Федерации включает в себя следующие элементы:

- трудовой договор органа прокуратуры Российской Федерации с прокурорским работником;
- обязательства, правила служебного поведения в органах и организациях прокуратуры;
- обязанности по должности федеральной государственной службы — службы в органах и организациях прокуратуры с присвоением классного чина;
- полномочия прокурора при осуществлении возложенных на него функ-

¹ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации».

ций, определяемых в том числе и предметом прокурорского надзора;

— запрет принятия на службу в органы и организации прокуратуры и нахождения на указанной службе лица, установленный Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»;

— ограничения, запреты и обязанности, связанные с работой в органах и учреждениях прокуратуры, установленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральным законом «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18, 20 и 20.1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» для государственных служащих;

— ответственность: административная, а также иная по административному праву — в форме дисциплинарной в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», в том числе за коррупционные правонарушения, и в форме мер воздействия за поступки, порочащие честь прокурорского работника, согласно Кодексу этики прокурорского работника Российской Федерации, не являющихся ни дисциплинарными взысканиями, ни административными наказаниями;

— гарантии статуса прокурора: как социальные, так и независимости при исполнении полномочий. Например, статьей 1.4 КоАП РФ предусмотрено исключение для прокуроров из принципа равенства всех перед законом об административной ответственности в форме возможности установления федеральным законом особых условий применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности прокуроров. Статьей 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» установлено проведение прокурорских проверок и административных процедур в отношении всех прокуроров, давших повод полагать, что ими совершено административное правонарушение, вместо применения к ним мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении по общему правилу. Порядок про-

ведения таких проверок закреплен приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18 апреля 2008 г. № 70, а также административными регламентами и другими нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти (последнее не совсем соответствует ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ).

Во-вторых, если прокурор наделен специальным административно-правовым статусом, то военный прокурор обладает особым административно-правовым статусом, который включает в себя почти все перечисленные элементы административно-правового статуса прокурора, но со следующими специфическими особенностями, предусмотренными разделом VI Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»:

— контракт о прохождении военной службы, вместо трудового договора;

— дополнительные полномочия военного прокурора (ст. 47 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»);

— воинское звание офицера органа военной прокуратуры, вместо классного чина;

— выполнение обязанностей по должности федеральной государственной службы — военной службы в органах военной прокуратуры (что по факту не является тождественным ни военной службе, ни службе в органах и организациях прокуратуры);

— статус военнослужащего, включающий совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также общих (существо воинского долга), должностных и специальных обязанностей особого рода (по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни) и ответственности, установленных Федеральным законом «О статусе военнослужащих», федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

— обязанность проходить военную

службу в органах военной прокуратуры в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»;

— права и социальные гарантии, установленные Федеральным законом «О статусе военнослужащих», Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации;

— ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы (если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента России и постановлениями Правительства России) и установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции», пунктом 10 ч. 1 ст. 15, статьями 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и частью 1 ст. 11 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (за исключением случаев, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации);

— ответственность: в силу наличия у военных прокуроров статуса военнослужащего статьями 2.5, 3.9 и 3.13 КоАП РФ установлены особые условия привлечения (наряду с изъятиями, предусмотренными к

ответственности прокуроров статьей 42 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») к административной ответственности — только за административные составы, предусмотренные ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, при условии, что их санкции не устанавливают только административный арест и обязательные работы. За большинство же административных правонарушений наступает дисциплинарная ответственность не только в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», но и в соответствии с ДУ ВС РФ. Кроме того, могут применяться и иные меры воздействия, не являющиеся ни дисциплинарными, ни административными, что предусмотрено и ДУ ВС РФ, и Кодексом этики прокурорского работника Российской Федерации;

— гарантии статуса военного прокурора: к примеру, независимость от органов военного управления, в том числе поощрение и привлечение военного прокурора к дисциплинарной ответственности только руководителем органа прокуратуры, в компетенции которого является поощрение или привлечение к дисциплинарной ответственности военного прокурора, и только по результатам проверки сообщения о совершении им правонарушения, проведенной органами прокуратуры Российской Федерации.

Правовые основания уголовной ответственности за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением (ст. 356 УК РФ)

© **Абдрахманова Дарья Амангельдыевна**, аспирант Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации, старший следователь следственного отдела по Центральному административному округу г. Тюмень следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области

Аннотация. Статья посвящена проблеме уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны, в частности проблемам квалификации действий, расцениваемых как жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением. Анализируется как уголовное законодательство Российской Федерации, так и международные конвенции и акты международного гуманитарного права о недопустимых действиях в военное время. Раскрывается понятие жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением и производится вывод о детализации статьи 356 УК РФ для возможности однозначной квалификации указанных действий.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, средства и методы ведения войны, преступления против мира и безопасности, жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, международные договоры Российской Федерации, Женевские конвенции, Римский статут, Международный уголовный суд, захват заложников.

Legal basic of criminal responsibility of ill-treatment of prisoners of war or civilians

© **Abdrakhmanova D.A.**, first-year post-graduate student of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the problem of criminal liability for the use of prohibited means and methods of warfare, in particular for the characterization of acts deemed to be cruel treatment of prisoners of war and civilians. The criminal legislation of the Russian Federation, as well as special legislation, international conventions and acts of International humanitarian law on impermissible acts in wartime, are analyzed. The concept of ill-treatment of prisoners of war or civilians is revealed and a conclusion is made about the details of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation for the possibility of unambiguous qualification of these actions.

Keywords: International humanitarian law, means and methods of warfare, crimes against peace and security, ill-treatment of prisoners of war and civilians, international treatments of the Russian Federation, Geneva Conventions, Rome Statute, International Criminal Court, hostage-taking.

Тема уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны актуализируется сегодня все более массовыми нарушениями

норм и принципов международного гуманитарного права, в частности, в связи с выявленными его нарушениями при проведении Российской Федерацией специ-

альной военной операции на территории Украины, Луганской и Донецкой народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Так, с 2014 г. органами Следственного комитета Российской Федерации возбуждено 2 406 уголовных дел, из них 1 752 — по фактам обстрелов территорий ДНР и ЛНР. В результате преступных действий со стороны Украины за прошедшие 8 лет пострадало не менее 13,7 тыс. жителей Донбасса, из которых 4,9 тыс. убитых и 8,8 тыс. получили ранения. По расследуемым делам признаны потерпевшими больше 120 тыс. мирных жителей, в отношении 665 лиц осуществляется уголовное преследование, в отношении 390 лиц вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых, из них очно обвинение предъявлено 178 фигурантам, среди которых 115 лиц из числа командиров и руководства ВСУ и минобороны Украины. Заочные решения о заключении под стражу приняты в отношении 132 обвиняемых. По 138 уголовным делам о применении военнослужащими вооруженных формирований Украины запрещенных средств и методов ведения войны, а также жестоком обращении с гражданским населением и военнопленными расследование завершено¹.

В Российском уголовном законодательстве преступления против мира и безопасности человечества выделены в отдельную главу с одноименным названием. В том числе данная глава включает в себя ст. 356 УК РФ, которая устанавливает ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны.

УК РФ не содержит определений каждого из перечисленных признаков объективной стороны ч. 1 и ч. 2 ст. 356 УК РФ, которые включает в себя 5 альтернативных действий: жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения, раз-

грабление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации (ч. 1 т. 356 УК РФ), и применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 356 УК РФ).

На основании анализа содержания ст. 356 УК РФ стоит отметить ключевую проблему: нормативное изложение перечисленных в ст. 356 УК РФ действий не в полной мере раскрывает их содержание. Кроме того, в настоящий момент отсутствуют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, а также актуальные теоретические источники в уголовном праве, которые бы в полной мере и единообразно излагали содержание объективной стороны указанного состава преступления.

Квалификация действий субъектов данного преступления вызывает многочисленные вопросы в связи с тем, что ст. 356 УК РФ содержит неполный перечень возможных преступных деяний в период вооруженного конфликта. По своей сути, данная норма направляет правоприменителя к нормам международного гуманитарного права, а также к положениям международных договоров, которые в свою очередь (для их обоснованного применения) должны быть ратифицированы Российской Федерацией.

При изучении вопроса об уголовной ответственности по ст. 356 УК РФ необходимо дать определение каждому из перечисленных в норме деяний и привести в соответствие с международными договорами. В настоящей публикации нам бы хотелось рассмотреть и попытаться дать определение таким действиям, предусмотренным ст. 356 УК РФ, как жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением.

Основополагающими международными документами, к которым необходимо обратиться при квалификации деяний по ст. 356 УК РФ, являются следующие: IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года с приложением

¹ Козлова Н. Александр Бастрыкин — о раскрытии краж военного снаряжения, о призыве в армию новых граждан России и о полной конфискации имущества коррупционеров // Рос. газета. 2023. 13 января.

«Положение о законах и обычаях сухопутной войны»; I Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г.; II Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г.; III Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г.; IV Женевская Конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 1977 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) 1977 г.; а также Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.¹

Последний из названных документов ратифицирован Российской Федерацией 13 сентября 2000 г., однако 16 ноября 2016 г. было заявлено о намерении выйти из состава участников данного соглашения². Обращение к Римскому статуту в настоящей статье возможно с точки зрения теории права, как к международному документу, конкретизирующему и разграничивающему деяния, которые возможно квалифицировать по ст. 356 УК РФ, и, при создании которого Российская Федерация принимала прямое непосредственное участие.

При анализе положений указанных выше конвенций и дополнительных протоколов к ним, можно сделать выводы о том, что под жестоким обращением, указанном

¹ Холиков, И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. С. 294—307.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221.

в диспозиции ст. 356 УК РФ, можно понимать, как действия, так и бездействие, в том числе:

— посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, что подразумевает под собой всякие виды убийства, пытки и истязания, истребление военнопленных и гражданского населения, проведение биологических опытов, преднамеренное оставление без медицинской помощи или ухода, предумышленное создание условия для заражения, причинение тяжелых страданий или серьезных увечий, нанесение ущерба здоровью;

— взятие заложников;

— посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;

— осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями;

— принуждение покровительствуемого конвенциями лица служить в вооруженных силах неприятельской державы³.

Кроме того, согласно ст. 8 Римского статута международного уголовного суда, к жестокому обращению приравнивается изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также являющиеся грубым нарушением Женевских конвенций.

Обращаясь к толкованию ст. 356 УК РФ, необходимо отметить позицию, обозначенную в постатейном Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией В.М. Лебедева, где представлен открытый перечень действий, которые мы можем квалифицировать как жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением. Такие дей-

³ Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II : Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

ствия включают: «преднамеренное убийство, пытки, истязания и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, причинение тяжелых страданий, нанесение увечья, серьезного ущерба здоровью, взятие гражданского населения в заложники и т.д.»¹.

По мнению Р.А. Адельханяна «жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением в ходе вооруженного конфликта международного и немеждународного характера подразумевает совершение любого насильственного и угрожающего действия против прав, указанных лиц, в первую очередь право на жизнь, здоровье, гуманное обращение, сексуальную свободу, личную свободу, честь и достоинство. В связи с этим под жестоким обращением с военнопленными и гражданским населением следует понимать любое насильственное действие в отношении указанных лиц, предусмотренное в нормах международного уголовного права и нарушающее законные права и интересы военнопленных и гражданских лиц, либо содержащее угрозу физическому или личностному статусу указанных лиц»².

Как отмечают Д.А. Дорогин и М.О. Ноженко «... понятие «жестокое обращение» (cruel treatment) ни на национальном, ни на международном уровне нормативно не определено. В основных актах в области международного гуманитарного права либо содержится простое указание на жестокое обращение (подп. «а» п. 1 ст. 3 общей для всех Женевских конвенций), либо перечисляются деяния, признаваемые таковыми (подп. «а» п. 2 ст. 4 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных во-

оруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 г.). В практике международных судебных органов жестокое обращение раскрывается исходя из анализа положений международного гуманитарного права, а также в связи с другим понятием — «бесчеловечное обращение» (inhuman(-e) treatment). Как указывается в одном из решений Международного трибунала по бывшей Югославии, жестокое обращение представляет собой умышленное действие или бездействие, причиняющее серьезные психические или физические страдания или травмы либо представляющее собой серьезное посягательство на человеческое достоинство (§ 552)»³.

Следует отметить, что при определении жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением в условиях вооруженного конфликта ссылка на международные правовые акты в диспозиции ст. 356 УК РФ, с нашей точки зрения, не будет являться ошибочной, но и не отразит законодательное закрепление в национальном праве данного понятия.

Соответственно диспозиция ст. 356 УК РФ должна содержать сведения о том, какие именно действия следует относить к жестокому обращению с военнопленными и гражданским населением.

Так, исходя из изложенного, под жестоким обращением с военнопленными или гражданским населением, предусмотренным ст. 356 УК РФ, следует понимать насильственные действия, а также бездействие в отношении военнопленных и гражданских лиц, которые направлены на причинение смерти, вреда здоровью любой тяжести, насильственные действия сексуального характера, истязания, лишение и ограничение свободы, в том числе захват заложника.

При этом жестокость может выражаться, в частности, в глумлении и издевательствах над потерпевшим лицом, причи-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы 10—12 / [Г.Н. Борзенков и др.] ; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. С. 907.

² Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве: монография. М., 2006. С. 204; Холиков И.В., Кирица О.С. Возвращаясь к напечатанному: снова к проблеме имплементации норм международного права в области военного плена в российское законодательство // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12(305). С. 68—73.

³ Дорогин Д.А., Ноженко М.О. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 10. С. 82—87.

нении ему особых физических и психических страданий в процессе совершения противоправных действий в отношении него, а равно в присутствии его близких, либо совершение действий указанного характера в отношении близких потерпевшего лица или иных лиц.

Также здесь будет уместно обратиться к Общевоинским уставам Вооруженных Сил Российской Федерации и рассмотреть обязанности и ответственность военнослужащих с точки зрения допустимого поведения при несении службы и нахождения в плену.

За нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, связанное с унижением чести и достоинства, издевательством или сопряженное с насилием, а также за оскорбление одним военнослужащим другого виновные привлекаются к дисциплинарной ответственности, а при установлении в их действиях состава преступления — к уголовной ответственности.

Военнослужащий, захваченный противником в плен, при допросе имеет право сообщить только свои фамилию, имя, отчество, воинское звание, дату рождения и личный номер. Он обязан сохранять честь и достоинство, не разглашать государственную тайну, проявлять стойкость и мужество, помогать другим военнослужащим, находящимся в плену, удерживать их от пособничества противнику, отвергать попытки противника использовать военнослужащего для нанесения ущерба Российской Федерации и ее Вооруженным Силам.

Хотелось бы отметить, что согласно рассмотренным конвенциям под жестоким обращением понимается также «принуждение служить в вооруженных силах неприятельской державы», которое не имеет аналогичных по своему содержанию норм в УК РФ, однако расценивается как жестокое обращение, поскольку заключается в принуждении военнослужащего к указанным противоправным действиям. Данное действие схоже с преступлением, предусмотренным ст. 275 УК РФ, объективная сторона которого может выражаться в переходе на сторону противника, однако предполагает добровольный переход и

умышленные действия, направленные против безопасности Российской Федерации. Поэтому предусмотренное конвенциями жестокое обращение, выраженное в таких действиях, будет исключать ответственность военнослужащего по ст. 275 УК РФ, при этом принуждение к службе в вооруженных силах неприятельской державы будет являться жестоким обращением в связи с посягательством на воинский долг военнопленного согласно нормам Общевоинских уставов.

Каждое из перечисленных действий, входящих в объективную сторону жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением, соотносится с нормами российского уголовного законодательства, а именно со ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 131, 132, 136, 206 УК РФ, как общая и специальная нормы. Квалификация действий лица в качестве жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением предполагает наличие ряда признаков, которые не охватываются указанными составами преступлений. В частности, изложенное понятие жестокого обращения с военнопленными или гражданским населением, поглощает действия, предусмотренные ст. 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 136, 206 УК РФ, и применяется как специальная норма. В случаях с убийством, причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилованием и иными действиями сексуального характера, с нашей точки зрения необходима дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РФ, исходя из наступивших последствий.

Таким образом, совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, а именно жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, возможно при определенных условиях:

1. Основным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, направленные на сохранение мира и безопасности. Дополнительным объектом ст. 356 УК РФ являются общественные отношения по охране жизни, здоровья, половой свободы, а также по охране конституционных прав граждан на свободу, честь и достоинство личности,

равенства прав и свобод, и по охране общественной безопасности и общественного порядка.

2. Лицо, в отношении которого совершается данное преступление, должно обладать статусом военнопленного, либо быть гражданином государства — участника вооруженного конфликта, не участвующим в нем и не состоящем на службе в войсках противника.

3. Объективная сторона должна выражаться в действиях или бездействии, которые направлены на причинение смерти, вреда здоровью любой тяжести, а также насильственные действия сексуального характера, истязание, лишение или ограничение свободы, захват заложника, выражающиеся в том числе в глумлении и издевательствах над потерпевшим лицом, причинении ему особых физических и психических страданий в процессе совершения противоправных действий в отношении него, а равно в присутствии его близких.

4. Наличие вооруженного конфликта, как условие совершения преступления.

5. Наличие специального субъекта — лицо, являющееся участником вооруженного конфликта, а также нарушившее положения соответствующих международных актов.

Библиография

1. Адельханян, Р.А. Военные преступления в современном праве: моногр. / Р.А. Адельханян. — М.: Научная книга, 2006. — 320 с.

2. Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.

3. Дамаскин, О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2(42). — С. 214—221.

4. Дорогин, Д.А. Изъятие органов или тканей у лиц, лишенных свободы в условиях вооруженного конфликта, как вид жестокого обращения с военнопленными (статья 356 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Д.А. Дорогин, М.О. Ноженко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 10. — С. 82—87.

5. Холиков, И. В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. — Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2014. — С. 294—307.

6. Холиков, И.В. Возвращаясь к напечатанному: снова к проблеме имплементации норм международного права в области военного плена в российское законодательство / И.В. Холиков, О.С. Кирица // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12(305). — С. 68—73.

Проблемы, практика применения и возможности совершенствования положений об ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ

© **Борисов Андрей Викторович**,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право,
уголовный процесс и правоохранительная
деятельность», Юридический институт ФГАОУ
ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступных деяний, уголовная ответственность за которые установлена ст. 207.3 УК РФ (публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности), проблемные вопросы возможного совершенствования уголовно-правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за преступное деяние, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ. Раскрываются особенности применения на практике данной статьи и выявляются проблемы ее применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность; заведомо ложная информация; дискредитация Вооруженных Сил; публичное распространение ложной информации.

Problems, practice of application and possibilities of improving the provisions on responsibility for the commission of a crime under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

© **Borisov A.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the
Department of Criminal Law, Criminal Procedure
and Law Enforcement Activity of the Law Institute
of the Russian University of Transport

Annotation. The article deals with problematic issues of qualification of criminal acts, criminal liability for which is established by Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (public dissemination under the guise of reliable reports of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the interests of the Russian Federation and its citizens, the maintenance of international peace and security), problematic issues of possible improvement of the criminal law norm establishing criminal liability for a criminal act provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The peculiarities of the practical application of this article are revealed and the problems of its application are revealed.

Keywords: criminal liability; knowingly false information; discrediting of the Armed Forces; public dissemination of false information.

Из введенных в 2022 г. статей об ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации ст. 207.3 УК РФ является самой тяжкой, поскольку во второй ее части предусматривается наказание до 10 лет лишения свободы, а в третьей части — до 15 лет лишения

свободы. Это позволяет относить подобное преступление к числу особо тяжких.

Одним из первых по данной статье УК РФ было возбуждено уголовное дело в отношении Изабеллы Евлоевой, журналистки ингушского СМИ. Уголовное дело было возбуждено в момент, когда она находи-

лась по работе за границей. Журналистка много писала о протестах в Республике Ингушетия в своих социальных сетях, став едва ли не единственным источником информации о митингах против передачи земель Чечне. После начала спецоперации в Украине стала освещать соответствующие события, публиковать списки убитых и пр. В материалах уголовных дел она фигурировала как участница преступного сообщества. Редакция, в которой работала Евлоева, была заблокирована Роскомнадзором, так как материалы не содержали ссылок на официальные источники.

Изначально сообщалось, что поводом для первого уголовного дела стала публикация от 23 марта 2022 г., в которой Евлоева называет символ Z «синонимом агрессии, смертей, боли и бессовестных манипуляций». Однако, речь идет о статьях, опубликованных с 5 по 9 марта того же года. В этот период Евлоева дважды писала о жителях Ингушетии, плененных украинскими войсками, дважды размещала сводки о потерях, а также публиковала авторскую заметку о погибших на войне ингушах и информацию об открытом письме с рассуждениями о ситуации в Украине, которое приписывают сотруднику ФСБ.

Второе дело возбудили спустя месяц. На этот раз поводом стало воспроизведение фотографий из Бучи с комментарием: «Российская армия насилует женщин и девочек в Украине, убивает мирных людей, грабит и мародерствует. Я смотрю новости и меня захлестывают флешбеки. Ничего не изменилось со времен Чеченской войны. Все то же самое»¹.

Другой пример. Судом был вынесен приговор в отношении Петра Мыльникова. Он распространил в чате в Вайбере два документа, информация в которых оказалась ложной, — в одном из них говорилось, что на войну в Украине будут отправлять юнармейцев по достижении ими совершеннолетия, а во втором — что трупы по-

гибших будут сжигать. Сам Мыльников признал вину, хотя не стал отрицать, что не поддерживает войну. Ему было назначено наказание в виде штрафа в один миллион рублей².

Второй приговор был вынесен Ялтинским судом в отношении сотрудника МЧС России Андрея Самодурова. 14 марта он ходил по квартирам жителей Ялты и общал об экстренной эвакуации, рассказывая, что «США уже направили ракеты и самолеты» из-за войны на территории Украины³.

Приговор вынесен за одно заседание, что говорит о том, что они рассматривались в особом порядке, то есть в случае признания вины обвиняемым. На практике следственные органы при первом же допросе или опросе лица по делу о распространении ложной информации стараются убедить его в необходимости признать авторство высказывания. После этого оформляется явка с повинной, что означает и признание лицом факта заведомости и ложности данной информации. Формально человек внезапно прозревает и решает самостоятельно явиться в полицию. Очень часто дискредитацию Вооруженных Сил путают с умышленным распространением ложной информации о Вооруженных Силах. Суды в своих решениях указывают на заведомость, однако часто квалифицируют деяние как дискредитацию Вооруженных Сил, то есть как административное правонарушение. Поэтому можно сделать вывод об отсутствии четкой границы между ст. 207.3 УК РФ и соответствующим административным правонарушением (ст. 20.3.3 КоАП РФ).

Основная проблема исследуемой статьи УК РФ заключается в весьма расплывчатых формулировках. Формулировки, используемые в тексте статьи, слишком широкие. Логика статьи о ложной информа-

¹ «Заведомая ложность». В России три месяца действует статья о «фейках» про армию. Как и против кого ее применяют // <https://archive.md/2022.11.09-121553/https://ovdinfo.org/articles/2022/06/15/zavedomaya-lozhnost-v-rossii-tri-mesyaca-deystvuet-statya-ofeykah-pro-armiyu> (Дата обращения: 20.02.2023)

² Забайкальца первым в стране осудили за ложь о ВС РФ // <https://info.sibnet.ru/article/618169> (Дата обращения: 20.02.2023)

³ В Ялте вынесли приговор по делу о «фейках» про российскую армию // <https://ovd.news/express-news/2022/06/03/v-yalte-vynesli-prigovor-po-delu-ofeykah-pro-rossiyskuyu-armiyu> (Дата обращения: 20.02.2023)

ции и статьи о дискредитации армии в том, что первая наказывает за распространение фактов, а вторая — за мнение.

Проблема привлечения к ответственности за ложную информацию о Вооруженных Силах состоит в том, что сейчас отсутствуют методики расследования таких дел, а на практике уголовных дел не так уж много, чтобы сотрудники правоохранительных органов могли набраться достаточно опыта.

Чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности по рассматриваемой статье требуется доказать:

- публичность распространения сведений;
- заведомую ложность распространенных сведений;
- распространение ложных сведений под видом достоверных.

Иначе говоря, следствие должно доказать, что лицо знало наверняка, что распространяемые сведения ложны и что оно распространило их публично как достоверные с определенной целью.

Достаточно показательным в этой связи следует считать приговор в отношении Петра Мыльниковца депутата Красносельского района г. Москвы Алексея Горинова. Приговор вынес Басманный районный суд г. Москвы¹.

Дело было возбуждено в связи с тем, что депутат в ходе состоявшегося заседания депутатов высказался, что в настоящее время неуместно проводить конкурс детского рисунка. Запись мероприятия была опубликована в сети YouTube. На депутата и его соратницу Котеночкину поступило заявление в правоохранительные органы, в котором было сказано, что, обсуждая планы досуга москвичей в майские праздники, они позволили недопустимые высказывания.

Высказывания депутатов изначально были квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, то есть как совершенные по мотивам политической, идеологической,

национальной или расовой ненависти или вражды, ненависти или вражды к отдельной социальной группе, впоследствии к обвинению добавились п. «а» — совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, также п. «б» — совершение преступления с использованием служебного положения. Горинов первым получил реальный срок лишения свободы по ст. 207.3 УК РФ — 7 лет².

Ст. 207.3 УК РФ является в определенном роде «копией» статей, по которым люди привлекались к ответственности за распространение информации о коронавирусе, которая не соответствует позиции Роспотребнадзора. Они построены аналогичным образом. Однако, статью об «армейских фейках» стали применять очень активно.

Следует отметить, что по делам о распространении ложной информации о коронавирусной инфекции Верховный Суд Российской Федерации издал Обзор судебной практики³. В этом обзоре Верховный Суд дал разъяснения по квалифицирующим признакам этих преступлений: что считать заведомо ложной информацией и что понимается под ее распространением. Эти же квалифицирующие признаки имеют место и в диспозиции ст. 270.3 УК РФ.

Чтобы квалифицировать распространяемые сведения как заведомо ложные, требуется, чтобы в тексте эта информация была представлена в форме утверждений о фактах, а не собственного мнения.

Во всех делах данной категории под использованием Вооруженных Сил Российской Федерации имеется в виду вполне определенное мероприятие — специальная военная операция в Украине. Если человек

¹ Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 года по делу № 1-719/2022 // <https://www.advo24.ru/upload/docs/prigovor.pdf> (Дата обращения: 20.02.2023)

² Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 8 июля 2022 г. по делу № 1-719/2022 // <https://www.advo24.ru/upload/docs/prigovor.pdf> (Дата обращения: 20.02.2023)

³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1" (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.2020) // <https://vsrf.ru> (Дата обращения: 20.12.2022).

осознает, что распространяемые им сведения могут нанести вред государству, умалять его авторитет и привести к иным негативным последствиям, и желает этого, — только в этом случае и следует говорить о заведомой ложности распространяемой информации и наличии у лица умысла причинить определенный вред путем ее распространения. При этом наказуемым будет именно использование ложной информации о Вооруженных Силах для достижения каких-либо целей, то есть все действия должны являться осознанными и целенаправленными¹.

Таким образом, ст. 207.3 УК РФ следует признать требующей доработки. В данной статье очень тонкая грань между распространением заведомо ложной информации и высказыванием собственного мнения.

В настоящее время имеется необходимость разъяснений Верховного Суда Российской Федерации относительно правил и особенностей квалификации преступления по ст. 207.3 УК РФ. В обществе пока отсутствует полное понимание особенностей привлечения к ответственности за рассматриваемое преступление. Зачастую не понимают этого и сотрудники правоохранительных органов. Частично данную проблему решает обзор судебной практики о ложной информации про коронавирус, но только частично и без учета особенностей исследуемого преступления.

Сложность применения данной статьи заключается в том, что для привлечения к ответственности требуется доказать заведомость распространения информации. Во многих случаях сделать это невозможно, особенно если такая информация распространяется в социальных сетях, где большинство постов люди репостят просто «автоматически». Также сложно доказывать тот факт, что лицо изначально знало, что информация ложная.

Однако в настоящее время для следователей не существует каких-либо методи-

чек по расследованию рассматриваемого преступления. Следователи в большей части сами не понимают, какие сведения следует считать ложной информацией, как нужно доказывать заведомость их распространения. Представляется, что в подобных методических рекомендациях должны быть отражены:

— особенности проверки сообщений о совершении преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ;

— особенности возбуждения уголовного дела;

— определены виды экспертиз и особенности их назначения по уголовным делам данной категории;

— разъяснения о видах следственных действий, которые должны быть проведены по таким делам и особенностях их подготовки и проведения;

— положения о специфике доказывания факта заведомости, публичности распространения информации.

В особенности для практики важно, чтобы имелись разъяснения относительно следственных действий и экспертиз. Требуется разъяснения о том, как следователь должен доказывать групповое совершение преступления, в особенности если информация распространена через сеть Интернет. Это обуславливается тем, что большая часть ложной информации о Вооруженных Силах и российских государственных органах, да вообще любой информации распространяется в сети «Интернет». Это требует от сотрудника правоохранительных органов соответствующих знаний и навыков, которых зачастую они не имеют.

Самое сложное, если следовать праву, будет доказать причинно-следственную связь между публикацией «заведомой» лжи и последствиями, тем более если они «тяжкие». Прямую связь на практике выявить практически невозможно.

В литературе существует мнение, что положения новых статей (207.1, 207.2 и 207.3) можно было бы сформулировать в одной статье, не загружая действующий УК РФ. Получилась бы достаточно полная норма, в которой бы предусматривалась ответственность за распространение заведомо ложной информации, если она угро-

¹ Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных сил РФ. Как применять новую норму УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 66.

жает безопасности общества и государства. Данное предложение заслуживает внимания, так как действительно объединение указанных статей позволило бы упростить уголовное законодательство и практику его применения. По сути, они все предусматривают уголовную ответственность за распространение недостоверной информации, у них схожие составы и пр.

Если объединить данные статьи, то можно предположить, что ст. 207.1 могла бы выглядеть следующим образом:

Статья 207.1. Публичное распространение заведомо ложной информации

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, — наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, — наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и без-

опасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, — наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до полутора миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяния, указанные в ч. 1—3 настоящей статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с искусственным созданием доказательств обвинения;

г) из корыстных побуждений;

д) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, —

наказываются штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

5. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия, — наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

В результате получится единая и достаточно емкая статья, которая будет уста-

навливать ответственность за распространение ложной информации. Приведенная выше норма является примерной и потребует доработки с учетом сложившейся судебной практики и разъяснений Верховного Суда, которые будут даны по делам данной категории, в особенности касаясь ст. 207.3 УК РФ.

Также верным представляется для целей привлечения к уголовной ответственности предусмотреть в качестве обязательного условия для привлечения лица к уголовной ответственности наличие решения суда или иного уполномоченного государственного органа о привлечении этого лица к административной ответственности по соответствующим статьям. Возможно, привлечение лица к административной ответственности повлияет на него положительным образом, и он перестанет распространять ложную информацию. В этом случае цели наказания будут достигнуты и не потребуются привлекать его к ответственности уголовной. В противном случае применение мер уголовной ответственности будет оправдано, тем более, что законодатель за совершение рассматриваемого преступления предусматривает очень жесткую ответственность.

Таким образом можно сделать вывод, что ст. 207.3 УК РФ еще требует доработки. Однако изменения и дополнения следует произвести уже тогда, когда будет достаточное количество правоприменительной практики, чтобы можно было выделить реальные проблемы и сделать попытку борьбы с ними.

Библиография

1. Бугера, Н.Н. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона / Н.Н. Бугера, А.А. Лихолетов, Е.А. Лихолетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2022. — № 2 (61).
2. Граблина, К.В. Перспективы правоприменительной практики в отношении новых статей Уголовного кодекса Российской Федерации (207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 284.2 УК РФ) / К.В. Граблина // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. — Симферополь, 2022.
3. Кибальник, А.Г. Уголовная ответственность за распространение фейков об использовании Вооруженных сил РФ. Как применять новую норму УК / А.Г. Кибальник // Уголовный процесс. — 2022. — № 5.

Противодействие украинскими военнослужащими расследованию совершенных ими военных преступлений

© **Бычков Василий Васильевич,**

кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

© **Гирько Сергей Иванович,**

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор ФГБУН «Центр исследования проблем безопасности» Российской академии наук

© **Харченко Сергей Владимирович,**

доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции, заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

© **Шурухнов Владимир Александрович,**

кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, старший преподаватель кафедры предварительного расследования Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены виды и способы противодействия при производстве вербальных следственных действий в ходе расследования военных преступлений, совершенных украинскими военнослужащими в период специальной военной операции на территориях России и Украины. Сформулированы меры преодоления следователями противодействия расследованию указанных общественно опасных деяний.

Ключевые слова: специальная военная операция, украинские военнослужащие, украинские националисты, военные преступления, расследование, противодействие.

Counteraction by Ukrainian servicemen to the investigation of war crimes committed by them

© **Bychkov V.V.,**

dean of the faculty of advanced training of the Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation candidate of legal sciences associate professor colonel of justice

© **Girko S.I.,**

Director of the FSBI Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

© **Kharchenko S.V.**,

head of the department of criminalistics of the Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation, doctor of law, associate professor

© **Shurukhnov V.A.**

senior lecturer of the department of preliminary investigation of the Moscow academy of the Investigative committee of the Russian Federation candidate of law science associate professor colonel of justice.

The article deals with the types and methods of counteraction in the production of verbal investigative actions during the investigation of war crimes committed by Ukrainian servicemen during the Special military operation in the territories of Russia and Ukraine. Measures have been formulated to overcome the counteraction of the investigation of these socially dangerous acts by investigators.

Key words: Special military operation, Ukrainian servicemen, Ukrainian nationalists, war crimes, investigation, counteraction.

На территории Украины и вошедших в состав России Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей продолжается специальная военная операция (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины. Необходимость СВО подтверждается многочисленными преступлениями, совершаемыми не только украинскими нацистами, но и военнослужащими украинской армии, а также наемниками из других стран, воюющими против российской армии. Причем диапазон преступлений весьма широк — против личности, собственности, общественной безопасности, государственной власти¹, мира и безопасности человечества. От применения украинскими военными преступниками снарядов и ракет по российским населенным пунктам гибнут гражданские люди, уничтожается инфраструктура. Украинские нацисты пытаются и калечат военнопленных, насилуют, избивают и убивают мирных граждан на захваченных ими территориях. Причем свои

преступления они снимают и выкладывают в Интернет. По всем преступлениям украинских военнослужащих Следственным комитетом Российской Федерации возбуждаются уголовные дела. Идет тщательный сбор доказательств их преступной деятельности, проводится необходимый комплекс процессуальных, в том числе, следственных действий².

Наиболее сложными следственными действиями, с точки зрения выбора эффективной тактики, позволяющей достичь желаемого результата, являются вербальные следственные действия³. При их производстве следователь находится в равных условиях с лицом, в отношении которого они проводятся. Обусловлено это характером следственного действия, а также самим процессом, в ходе которого такое лицо имеет достаточные возможности выбора активных средств противодействия. При

¹ Бычков В.В. Объективные признаки дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации при их использовании для защиты интересов Российской Федерации и ее граждан в Украине (ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ) // Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности: сборник статей научно-практической конференции (15.04.2022), в 2-х т., Т. 1. М., 2022. С. 44—48.

² Бычков В.В., Харченко С.В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 55—59.

³ Бычков В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский следователь. 2013. № 10. С. 11—14; Он же. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании фашизма // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности : мат. междунар. науч.-практ. конф. (24.11.2016). М., 2016. С. 67—78.

этом они могут быть как законные, так и незаконные. Обозначенные возможности характеризуются тем, что уже в процессе реализации преступной деятельности преступники уделяют значительное внимание средствам противодействия в случае возможного вовлечения их в процесс расследования. В целях активного противодействия преступниками создаются специальные условия, которые могут быть разработаны и реализованы на различных этапах преступной деятельности.

Это в полной мере имеет отношение и к военным преступлениям. Специфика военных действий, в ходе которых совершаются различные преступления, предусматривает создание условий их сокрытия¹, а в последующем, активного противодействия в ходе расследования. Характерной особенностью усиления активности в части противодействия по делам о военных преступлениях, является изменение тактической обстановки на полях ведения боевых действий, особенно, когда контроль территорий боевых действий переходит «из рук в руки».

В случаях появления явной угрозы попадания в плен противника и, как следствие, вовлечения военнопленных в орбиту расследования совершенных ими преступлений, у них возникает необходимость экстренного создания эффективной модели противодействия или форсирование существующих элементов противодействия расследованию.

Анализ судебно-следственной практики позволяет констатировать, что указанная активная деятельность начинается задолго до начала расследования в период боевых действий, а также на разных этапах его реализации. Следует отметить, что противодействие, наряду с разработанной системой, может возникать и внезапно, без подготовки, в зависимости от складывающейся следственной ситуации. При этом на подсознательном уровне преступники

продолжают надеяться, что смогут избежать плена и, соответственно, уголовного преследования.

Тем самым, противодействие (создание условий его реализации), в том числе в ходе производства вербальных следственных действий по делам о военных преступлениях, можно разделить на три основных вида:

- до задержания лиц, в период активных военных действий;
- после задержания и начала производства расследования;
- в ходе проведения конкретного следственного действия.

В период ведения активных военных действий, с приходом осознания возможного пленения, могут осуществляться действия, направленные на уничтожение следов, которые могут быть использованы в качестве доказательств, при производстве вербальных следственных действий, в частности: допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, проверки показаний на месте, следственных экспериментов. В данном случае речь идет о материальных следах, которые можно обнаружить в документах армейского командования, отражающих средства и методы решения военных задач, а также роль интересующего следствия участника военных действий. Указанные материалы могут быть захвачены в ходе проведения военных действий. Основной задачей следователя в целях получения ориентирующей информации для производства вербальных следственных действий является ознакомление с ними перед производством вербальных следственных действий.

С целью сокрытия преступной деятельности и ее результатов (например, геноцида, пыток пленных, убийства гражданских лиц) в виде конкретных материальных следов, эти доказательства подвергаются активному уничтожению. Преступниками осуществляются действия, направленные на физическое уничтожение (в частности, подрыв, засыпание грунтом, сжигание) объектов, которые могут содержать различные следы, свидетельствующие об их противоправной деятельности.

¹ Гаврилин Ю.В., Шурухнов В.А. О правовых предпосылках применения отдельных способов сокрытия преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Академическая мысль. 2017. № 1(1). С. 39—43.

В период боевых действий ведется психологическая обработка участвующих в них лиц. Как правило, такая работа активно проводится среди мобилизованных, не имеющих необходимого националистического воспитания и не поддерживающих ультраправые идеи. Кроме этого, в процессе ведения активных боевых действий для подавления воли ее участников активно используются наркотические средства и психотропные вещества, а также алкогольные напитки, которые позволяют на определенный период «отключать» память преступника, что значительно повышает эффективность создания условий противодействия при производстве следственных действий и особенно вербальных.

Анализ следственной практики позволяет сделать вывод, что командирами подразделений, которые воюют против российских войск, назначаются наиболее националистически настроенные офицеры, не просто поддерживающие идеи нацизма и ненависти к русскоязычным, но и пропагандирующие их среди подчиненных, что также обеспечивает создание благоприятных условий активного противодействия в случае попадания в плен.

Физическому уничтожению подвергается и мирное население, которое обладает сведениями о преступной деятельности военных преступников. В целях сокрытия преступной деятельности исчезновение мирных жителей может маскироваться под несчастные случаи, безвестное исчезновение или гибель от действий российских военных.

В целях организации сокрытия и дальнейшего противодействия в ходе расследования военных преступлений могут осуществляться и иные действия, направленные на недопущение возможности использования как ориентирующей, так и доказательственной информации в ходе подготовки и проведения вербальных следственных действий¹.

В процессе расследования военных преступлений для противодействия преступниками осуществляются различные способы и применяются разнообразные меры. Следует отметить, что на их выбор влияют различные факторы.

Во-первых, значительно способствует противодействию территориальное расположение задержанных. При этом значение имеет как дислокация учреждения, которая, как правило, располагается на территории государства, уроженцами которого являются задержанные, так и расстояние от ведения активных военных действий. Обычно места временного содержания военных преступников находятся недалеко от таких мест.

Во-вторых, количественный состав задержанных. Обстоятельства ведения боевых действий и система построения учреждений, организованных для содержания задержанных не позволяет создать условия для эффективной изоляции большого количества задержанных внутри учреждения. Это позволяет им активно обмениваться информацией о ходе расследования, его результатах, а также результатах производства следственных действий и лиц, их осуществляющих. В случаях установления обстоятельств содействия правоохранительным органам отдельными лицами, к ним могут применяться меры воздействия со стороны задержанных.

В-третьих, осознание возможности уклонения от уголовной ответственности ввиду отсутствия доказательственной базы у следователей, позволяет более активно осуществлять противодействие в ходе производства следственных действий. Лояльное отношение сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарной системы к задержанным, а также международный ажиотаж вокруг проведения военных действий, также негативно влияют на процесс установления психологического контакта в ходе производства вербальных следственных действий, что в свою очередь, способствует активному противодей-

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. Понятие и формы использования специальных знаний при выявлении противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика,

опыт: сборник научных трудов. Ч. 2. Тула, 2020. С. 9—14.

ствию в ходе их производства со стороны указанных лиц.

Значительно отличается система противодействия в ходе производства следственного действия. Обусловлено это тем, что, во-первых, в данной ситуации исключается фактор коллективного характера его реализации, за исключением случаев производства очной ставки, в условиях, когда оба участника имеют предварительный сговор. Следует отметить, что подобных вариантов в ходе исследования нами выявлено не было, однако, создание таких условий не следует исключать в процессе производства указанного следственного действия при расследовании военных преступлений.

Во-вторых, при производстве вербального следственного действия лицо, в отношении которого оно проводится, может рассчитывать только на собственные силы и возможности, которые обусловлены характером предварительной деятельности, которая предполагает использование заранее подготовленных средств и методов противодействия. Отдельно следует отметить наличие навыков и знаний, полученных ранее в ходе общения с правоохранительными органами до участия в военных действиях. Анализ следственной практики позволяет констатировать, что значительное количество активных участников националистических военных формирований ранее привлекались к различным видам ответственности, в том числе к уголовной. Однако здесь следует учитывать то обстоятельство, что процесс расследования осуществлялся органами другого государства, а средства и методы расследования, а также нейтрализации и преодоления противодействия могут значительно отличаться от средств, используемых и применяемых, в деятельности российских следователей и правоохранительных органов в целом. Кроме этого, учитывая статус лица как ультра националиста, в отношении которого проводилось расследование в Украине, можно предполагать, что оно осуществлялось формально, а отношение к нему было как к герою, пострадавшему от произвола правоохранительных органов.

В-третьих, согласие на производство отдельных вербальных следственных действий, сопряженных с выездом из места временного содержания (проверка показаний на месте, следственный эксперимент и т.п.), может быть обусловлено попыткой совершения побега. Такой вариант может быть осуществлен как самим задержанным, так и посредством использования помощи извне, причем сопряженной с нападением на участников следственного действия.

В-четвертых, особенности отечественного уголовно процесса позволяют подозреваемому (обвиняемому) защищать себя всеми возможными законными методами, в частности, отказываться от дачи показаний.

Учитывая длительность проведения военных действий в рамках специальной операции, количества лиц, задержанных за военные преступления, а также особенности расследования по делам данной категории, сегодня сформировались специфические особенности создания условий противодействия производству вербальных следственных действий и расследованию в целом лицами, совершающими военные преступления со стороны как украинских военнослужащих, так и наемников из других государств. Одним из условий формирования таких особенностей является активная пропаганда, которая распространяется в средствах массовой информации. Все это активно способствует созданию условий активного противодействия расследованию в целом и в ходе производства вербальных следственных действий.

Существенными условиями нейтрализации и преодоления противодействия в ходе производства вербальных следственных действия являются значительный опыт следователя, его профессиональная подготовка, широкий спектр знаний в области юриспруденции, особенностях ведения боевых действий, их тактики, особенностях политической обстановки и устройства государства, на территории которого ведутся военные действия, особенности распространения в Украине идеологии нацизма и ненависти к «русскому миру». Кроме этого, значительно способствуют

созданию эффективных условий нейтрализации и преодоления противодействия научные знания следователя об особенностях организации и применения видов и форм противодействия в ходе производства следственных действий в частности, так и расследования в целом.

Существенную роль в подготовке к производству вербальных следственных действий с участием военных преступников, в целях преодоления противодействия с их стороны, является установление и изъятие всех видов доказательств в виде материальных и цифровых следов, которые сегодня являются наиболее содержательными и устойчивыми. Данная информация может содержаться в средствах мобильной телефонии и компьютерных устройствах. Кроме того, необходимая информация может содержаться в Интернете¹.

Существенным источником информации о причастности конкретных лиц к совершению военных преступлений, которая должна использоваться в процессе нейтрализации и преодоления противодействия в ходе проведения вербальных следственных действий, являются сведения, получаемые от очевидцев военных преступлений. Ими могут быть сослуживцы преступников, которые готовы содействовать следствию, а также лица, которые подверглись воздействию со стороны преступников. Следует учитывать, что к указанным лицам, в период ведения военных действий могли применяться средства физического и психического воздействия.

Таким образом, знание следователем теоретических вопросов противодействия расследованию при производстве вербальных следственных действий, позволяет ему прогнозировать возможные варианты его реализации. Знание возможных способов противодействия, позволит следователю пресечь попытки подозреваемого оказать негативное влияние не только на проводимое следственное действие, но и на

расследование в целом. Проведению вербального следственного действия должна предшествовать тщательная подготовка, учитывающая не только традиционный набор информации и выработки тактики хода его производства, но и обстоятельств, связанных с нейтрализацией и преодолением прогнозируемого или установленно-го противодействия со стороны лиц, участвующих в проведении следственного действия, и их возможных пособников.

Библиография

1. Бычков, В.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Военное право. — 2020. — № 6(64). — С. 175—182.
2. Бычков, В.В. Особенности производства отдельных следственных действий при расследовании фашизма / В.В. Бычков // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности : материалы международной научно-практической конференции (24.11.2016). — М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. — С. 67—78.
3. Бычков, В.В. Понятие и формы использования специальных знаний при выявлении противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сборник научных трудов. Ч. 2. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2020. — С. 9—14.
4. Бычков, В.В. Противодействие расследованию преступлений экстремистской направленности и меры по его преодолению / В.В. Бычков, С.В. Харченко // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 55—59.
5. Бычков, В.В. Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве / В.В. Бычков // Российский следователь. — 2013. — № 10. — С. 11—14.
6. Гаврилин Ю.В., Шурухнов В.А. О правовых предпосылках применения отдельных способов сокрытия преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / Ю.В. Гаврилин, В.А. Шурухнов // Академическая мысль. — 2017. — № 1(1). — С. 39—43.

¹ Бычков В.В., Харченко С.В. Актуальные вопросы организации расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет // Военное право. 2020. № 6(64). С. 175—182.

О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами

© Власов Сергей Юрьевич,

юрист

© Харитонов Станислав Станиславович,

кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на примерах из судебной практики военных судов показана важность правовой обоснованности, эффективности и справедливости уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовные наказания; военнослужащие; военно-судебная практика.

On some aspects of the practice of applying criminal punishment by military courts

© Vlasov S.Yu.,

lawyer

© Kharitonov S.S.,

candidate of legal sciences, professor

Resume. Using examples from the judicial practice of military courts, the article shows the importance of legal validity, effectiveness and fairness of criminal penalties.

Key words: criminal penalties; military personnel; military judicial practice.

*Безнаказанность — величайшее поощрение
преступления*

Марк Туллий Цицерон

В России наблюдается некоторое снижение зарегистрированных преступлений и возможно предположение, что одной причин этого является правильная реализация судами общих начал, принципов назначения наказания, учет обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание¹.

Отметим, что научные исследования в сфере назначения уголовного наказания проводят не только «гражданские», но и военные юристы², при этом уделяя внима-

Зателепин О.К. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в судебной практике // Уголовный процесс. 2021. № 7 (199). С. 74—83; Емельянов В.А., Мозговой О.А. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в вооруженных силах Российской Федерации // Актуальные проблемы военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи). Москва, 25 марта 2020 г. М.: Военный университет, 2020. С. 55—59; Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С. 43—49; Раков, А. В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : специальность 12.00.08 : автореферат

¹ См. портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 08.02.2023).

² См., например: Власов С.Ю., Харитонов С.С. Применение правил назначения уголовного наказания (по материалам военно-судебной практики) // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 186—193; Воробьев А.Г., Заказнова А.Н. // Военное право. 2015. № 3 (35). С. 275—297; Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А. Зарождение принципов уголовного правосудия // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 5—11;

ние проблемам назначения и исполнения наказания применительно к специальному субъекту, — военнослужащему. Если говорить о судебной практике военных судов, то ошибки в назначении наказания (как правило, вследствие неправильно применения уголовного закона) лицам, признанным виновными в совершении как воинских, так и «общеуголовных» преступлений, как представляется, снижают уровень борьбы с преступностью.

Ошибки, допускаемые военными судами при назначении наказания, вызваны зачастую, как представляется, попыткой найти «золотую середину» между формализацией назначения наказания, определенного законом, и свободой судейского усмотрения¹.

Следующие примеры из обзоров окружных (флотских) военных судов подтверждают высказанную гипотезу.

Суду не требовалась при постановлении приговора ссылка на применение ст. 64 УК РФ. По приговору гарнизонного военного суда Р. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (покушение на незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств), с применением ст. 64 УК РФ, к лишению свободы на срок семь лет шесть месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Изменяя приговор в апелляционном порядке, окружной военный суд указал в своем определении, что при назначении Р. наказания ниже низшего предела, преду-

смотренного ч. 4 ст. 228¹ УК РФ, помимо ст. 62, 66 УК РФ гарнизонный военный суд применил также ст. 64 УК РФ. Вместе с тем в соответствии с п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58, если в результате применения ст. 66 и 62 УК РФ срок или размер наказания, который может быть назначен осужденному, окажется менее строгим, чем низший предел наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, то наказание назначается ниже низшего предела без ссылки на ст. 64 УК РФ. В таких случаях верхний предел назначаемого наказания не должен превышать срок или размер наказания, который может быть назначен с учетом положений указанных статей. Таким же образом разрешается вопрос назначения наказания в случае совпадения верхнего предела наказания, которое может быть назначено осужденному в результате применения указанных норм, с нижним пределом наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Кроме того, вопреки требованиям ч. 7 ст. 302 УПК РФ, постановляя обвинительный приговор с назначением наказания в виде реального лишения свободы, гарнизонный военный суд не определил и не указал в приговоре начало исчисления срока его отбывания. В связи с изложенным в приговор были внесены соответствующие изменения².

Если в санкции статьи установлено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью, то его неприменение судом допускается при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ. Л. наряду с другими преступлениями признан виновным в получении взятки и осужден

диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Раков Андрей Владимирович. М., 2004; Сотникова В.В., Гороховский А.А. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 270—274; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 18 апреля 2019 г. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424, и др.

¹ См. подробнее: Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики : диссертация ... доктора юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2010.

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 08.02.2023).

гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 290 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 100 000 руб. Рассмотрев уголовное дело по представлению государственного обвинителя, окружной военный суд приговор изменил в части назначенного наказания по следующим основаниям.

Санкция ч. 1 ст. 290 УК РФ предусматривает в качестве обязательного дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В соответствии с п. 59 Постановления Пленума ВС РФ № 58 если закон, по которому квалифицировано совершенное преступление, предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания, то его неприменение судом допускается либо при наличии условий, предусмотренных ст. 64 УК РФ, либо в силу положений Общей части УК РФ о неприменении соответствующего вида наказания. Принятое решение должно быть мотивировано в описательно-мотивировочной части приговора.

Как видно из приговора при назначении Л. наказания по ч. 1 ст. 290 УК РФ положения ст. 64 УК РФ судом не применялись, предусмотренных законом препятствий для назначения данного наказания не имелось. При таких обстоятельствах апелляционное представление государственного обвинителя судом апелляционной инстанции было удовлетворено, и Л. назначено дополнительное наказание¹.

При частичном сложении наказаний по совокупности преступлений окончательное наказание должно быть строже наиболее строгого из наказаний, назначенных за входящие в совокупность преступления. По приговору гарнизонного военного суда Ё. осужден по совокупности четырех различных преступлений к окончательному наказанию, назначенному путем частичного сложения назначенных

наказаний. При этом за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 135 (развратные действия) и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста), наряду с основным наказанием в виде лишения свободы суд назначил Ё. дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с работой с несовершеннолетними, на срок 5 и 15 лет соответственно, а по совокупности преступлений окончательное дополнительное наказание этого вида назначил также на срок 15 лет.

Вместе с тем, в соответствии с требованиями ст. 69 УК РФ и разъяснениями, изложенными в п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58, к числу общих правил назначения наказания по совокупности преступлений относится принцип, согласно которому окончательное наказание, назначаемое путем частичного или полного сложения, должно быть строже (больше по сроку или размеру) наиболее строгого из наказаний, назначенных за входящие в совокупность преступления. Таким образом, суд первой инстанции не учел того, что размер окончательного дополнительного наказания, назначенного путем частичного сложения назначенных наказаний, должен составлять более 15 лет. Ввиду изложенного, рассмотрев дело по апелляционному представлению прокурора, окружной военный суд приговор изменил, усилив окончательное дополнительное наказание путем увеличения его срока до 16 лет².

Отсутствие в приговоре решений о виде исправительного учреждения, в котором осужденному надлежит отбывать наказание, и о зачете в срок отбывания наказания времени фактического

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2023 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15.07.2022 г. № 13. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=312 (дата обращения 11.02.2023)

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=222 (дата обращения 10.02.2023).

задержания лица повлекло изменение приговора. Приговором гарнизонного военного суда, назначив Г. по совокупности преступлений окончательное наказание в виде лишения свободы, суд вопреки требованиям ст. 58 УК РФ не определил вид исправительного учреждения, в котором осужденному надлежит отбывать наказание.

Ввиду неправильного применения уголовного закона в апелляционном порядке приговор изменен. Поскольку Г. впервые осужден к лишению свободы в том числе за совершение тяжкого преступления, в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ ему назначено отбывание указанного наказания в исправительной колонии общего режима.

Кроме того, как следует из материалов дела и ничем не опровергнутых утверждений осужденного в заседании суда апелляционной инстанции, хотя протокол о задержании Г. составлен 2 сентября 2021 г., фактически он задержан 29 августа того же года и вплоть до избрания ему 3 сентября 2021 г. меры пресечения в виде заключения под стражу содержался в отделе полиции и военной комендатуре. Однако суд первой инстанции в приговоре в нарушение требований ч. 3¹ ст. 72 УК РФ указанное время в срок отбывания основного наказания не зачел, что также устранено окружным военным судом при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке¹.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести прошло два года. По приговору гарнизонного военного суда П. был признан виновным в совершении семи преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ (мошенни-

чество), за каждое из которых ему назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб., и одного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество), за которое ему назначено наказание в виде штрафа в размере 90 000 руб. В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ, окончательное наказание ему назначено путем частичного сложения назначенных наказаний, в виде штрафа в размере 170 000 руб.

Рассмотрев данное дело по апелляционной жалобе осужденного и его защитника, флотский военный суд изменил данный приговор по следующим основаниям.

Согласно п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести прошло два года. Сроки давности исчисляются со дня совершения преступления до момента вступления приговора в законную силу. Вместе с тем, из материалов уголовного дела следует, что преступление в отношении Э., предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ, отнесенное ч. 2 ст. 15 УК РФ к категории преступлений небольшой тяжести, совершено П. 31 декабря 2019 г. Таким образом, двухлетний срок давности привлечения П. по нему к уголовной ответственности истек 31 декабря 2021 г., то есть спустя более месяца после постановления приговора судом первой инстанции, но до рассмотрения данного дела судом апелляционной инстанции и вступления приговора в законную силу. Данных о приостановлении течения срока давности материалы дела не содержат. Исходя из изложенного, суд апелляционной инстанции отменил приговор в данной части и освободил П. от наказания, назначенного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ в отношении Э.

Поскольку окончательное наказание П. судом первой инстанции было назначено в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ путём частичного сложения назначенных наказаний за совершение 8 преступлений, суд апелляционной инстанции счёл необходимым снизить П. наказание в виде штрафа до 150 000 руб. (Обзор судебной практики по уголовным делам

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за первое полугодие 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=222 (дата обращения 12.02.2023).

(материалам), рассмотренным гарнизонными военными судами, подведомственными Балтийскому флотскому военному суду, в I полугодии 2022 г. (извлечение). URL: http://baltovs.kln.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=121 (дата обращения 09.02.2023)).

В заключении считаем возможным отметить, что поскольку назначение уголовного наказания есть кульминация правосудия, то карательная функция наказания должна приниматься не только обществом, но и самим осужденным, поскольку он правомерно ограничивается в фундаментальных правах, – на жизнь и свободу. Поэтому при назначении судом наказания учитывается обоснованность, эффективность и справедливость его применения.

Библиография

- Власов, С.Ю. Применение правил назначения уголовного наказания (по материалам военно-судебной практики) / С.Ю. Власов, С.С. Харитонов // *Военное право*. — 2022. — № 5 (75). — С. 186—193.
- Воробьев, А.Г. Исправительные учреждения Военно-морских сил США / А.Г. Воробьев, А.Н. Заказнова // *Военное право*. — 2015. — № 3 (35). — С. 275—297.
- Загорский, Г.И. Зарождение принципов уголовного правосудия / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // *Российское правосудие*. — 2020. — № 2. — С. 5—11.
- Зателепин, О.К. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в судебной практике / О.К. Зателепин // *Уголовный процесс*. — 2021. — № 7 (199). — С. 74—83.
- Емельянов, В.А. Криминологическая характеристика коррупционной преступности в вооруженных силах Российской Федерации / В.А. Емельянов, О.А. Мозговой // Актуальные проблемы военного права и правоприменительной деятельности на современном этапе : Сборник материалов межведомственной научно-практической конференции (выступления, тезисы, статьи). Москва, 25 марта 2020 года. — М.: Военный университет, 2020. — С. 55—59.
- Лобов, Я.В. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) / Я.В. Лобов, С.Н. Шарапов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2011. — № 3(165). — С. 108—116.
- Моргуленко, Е.А. Стоящие на повестке дня проблемы военно-судебной практики назначения уголовного наказания / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2022. — № 9 (302). — С. 43—49.
- Раков, А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Раков Андрей Владимирович. — М., 2004. — 26 с.
- Сотникова, В.В. Влияние социальных сетей Интернета на преступность в Российской Федерации / В.В. Сотникова, А.А. Гороховский // *Военное право*. — 2018. — № 6 (52). — С. 270—274.
- Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В.С. Харитонов // *Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г.* / Отв. редактор О.И. Александрова. — М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.

Об уголовной ответственности за деяния, связанные с диверсионной деятельностью: краткий правовой анализ с учетом условий специальной военной операции

© Кириченко Николай Сергеевич,

кандидат юридических наук, юрист

© Александрова Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. В статье изложен краткий обзор изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации, заключающихся в дополнении его положениями, предусматривающими уголовную ответственность за совершение таких преступных деяний, как содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1), прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (ст. 281.2), организация диверсионного сообщества и участие в нем (ст. 281.3). Такие изменения обусловлены активизацией диверсионной деятельности лиц из числа вооруженных сил Украины и их сторонников, а также деятельностью, связанной с подготовкой такой преступной деятельности. В условиях проведения специальной военной операции, на наш взгляд, такие приобрели наибольшую актуальность.

Ключевые слова: военная служба, уголовный кодекс, специальная военная операция, диверсия, оборона, безопасность.

On criminal liability for acts related to subversive activities: a brief legal analysis taking into account the conditions of a special military operation

© Kirichenko N. S.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N.G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Abstract. The article provides a brief overview of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation, which consist in supplementing it with provisions providing for criminal liability for committing such criminal acts as facilitating sabotage activities (Article 281.1), undergoing training in order to carry out sabotage activities (Article 281.2), organizing a sabotage community and participating in it (Article 281.3). Such changes are caused by the intensification of sabotage activities of persons from among the armed forces of Ukraine and their supporters, as well as activities related to the preparation of such criminal activities. In the conditions of a special military operation, in our opinion, such have become most relevant.

Keywords: military service, criminal Code, special military operation, sabotage, defense, security

---

24 февраля 2022 г. Российская Федерация начала проведение специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в целях демилитаризации и денацификации Украины.

Исследование правоотношений, складывающихся в связи с проведением указанной специальной военной операции, в целях повышения безопасности государства, показало наличие необходимости внесения изменений в законодательные и иные

нормативные правовые акты Российской Федерации, в том числе в Уголовный кодекс Российской Федерации, что также было предметом рассмотрения в других научных работах российских ученых в области военного права¹.

В настоящее время поведение лиц из числа вооруженных сил Украины и их сторонников, на наш взгляд, все более похоже на деятельность террористических организаций. Все чаще такими лицами совершаются различные диверсии на территории Российской Федерации. Кроме того, в целях подготовки к совершению таких преступных действий указанными лицами проводится соответствующая подготовка. В этой связи Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УК РФ были внесены соответствующие изменения в виде дополнения его положениями, предусматривающими уголовную ответственность за следующие преступные действия:

1. *Содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1).*

Данное деяние заключается в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, во-

оружие или подготовка лица в целях совершения указанных преступлений, а равно финансирование диверсии.

Следует отметить, что в свою очередь, диверсия (ст. 281) представляет собой преступные действия в виде совершения взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Часть 2 ст. 281.1 предусматривает деяния, предусмотренные ч. 1, совершенные лицом с использованием своего служебного положения. Часть 3 ст. 281.1 предусматривает ответственность за пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ. Часть 4 ст. 281.1 – организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, или руководство их совершением, а равно организация финансирования диверсии.

Согласно примечанию к ст. 281.1 УК РФ под финансированием диверсии в УК РФ понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

Кроме того, под пособничеством в указанной статье понимается умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступ-

¹ См. напр.: Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022; Военно-административное право (военная администрация): учебник [Баранников М.М., Безбабнов О.Г., Гаврюшенко П.И. и др.]. М., 2022. С. 67; Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 30—34; Харитонов С.С., Воробьев А.Г. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 61—77; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183—187.

ления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

При этом лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

2. Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности (статья 281.2).

Деяния, предусмотренные указанной статьей, заключаются в прохождении лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления диверсионной деятельности либо совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Согласно примечанию, лицо, совершившее преступление, предусмотренное рассматриваемой статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления диверсионной деятельности либо совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, способствовало раскрытию совершенного преступления или выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение, а также мест его проведения и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

3. Организация диверсионного сообщества и участие в нем (статья 281.3).

Уголовная ответственность согласно данной статье наступает в случае создания диверсионного сообщества, то есть устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии, а равно руководство таким диверсионным сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями.

Участие в диверсионном сообществе также предусматривает уголовную ответственность (ч. 2 ст. 281.3).

Примечанием к статье предусмотрено, что лицо, добровольно прекратившее участие в диверсионном сообществе и сообщившее о его существовании, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не может признаваться добровольным прекращение участия в диверсионном сообществе в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий.

Согласно примечанию применительно к ст. 281.3 и п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ понимаются:

— под поддержкой диверсии — оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению диверсионной деятельности;

— под оправданием диверсии — публичное заявление о признании целей и практики диверсионной деятельности правильными, нуждающимися в поддержке и подражании;

— под пропагандой диверсии — деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности.

Важно отметить, что согласно п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФотягчающими обстоятельствами признается совершение пре-

ступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Исходя из санкций, наступающих за совершение действий, предусмотренных ст. 281.1—281.3, согласно ст. 15 УК РФ указанные преступления относятся к категориям тяжких и особо тяжких.

Уголовная ответственность за совершение указанных преступлений наступает с 16 лет.

При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (конфискация имущества) предусмотрено принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 281, 282.1—282.3, то есть конфискация имущества.

Перечисленные преступления относятся к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства.

Верное установление виновных лиц, а главное – неотвратимость уголовного наказания за совершенное преступление, — это важный критерий соблюдения законности в современном обществе.

В заключение можно сделать вывод о том, что, без сомнения, внесение указанных изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации положительным образом по-

влияет на уровень безопасности нашего государства.

Библиография

1. Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II : Современное состояние военного права (институты военного права). — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.
2. Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
3. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. — 449 с.
4. Ермолович, Я.Н. К вопросу о проблеме преступлений против обороны Российской Федерации / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 68—74.
5. Кириченко, Н.С. Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 183—187.
6. Харитонов, С.С. Практические аспекты квалификации преступлений по материалам практики военных судов / С.С. Харитонов, А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 3 (296). — С. 61—77.

Закономерности и криминогенная детерминация мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат

© Назаров Александр Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права
Военного университета имени князя Александра
Невского Министерства обороны Российской
Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности и криминогенная детерминация мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество при получении выплат, военнослужащие.

Patterns and criminogenic determination of fraud committed by military personnel when receiving payments

© Nazarov A.A.,
Lecturer of the Department of Criminal Law of the
Prince Alexander Nevsky Military University of the
Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article discusses the patterns and criminogenic determination of fraud committed by military personnel when receiving payments.

Key words: fraud, fraud in receiving payments, military personnel.

Исследование закономерностей и криминогенной детерминации преступности является центральной и, пожалуй, самой сложной из всех криминологических проблем. Ясно, что именно определив причины преступности, специалисты могут на научной основе разрабатывать и осуществлять эффективные меры предупреждения преступлений¹. Мошенничество в этом процессе не исключение. В нем, наряду с собственно уголовно-правовыми и криминологическими закономерностями, соединены и переплетены *экономические* (экономика родовой объект преступного посягательства) и *социально-психологические* нюансы общественных отношений (обман и злоупотребление доверием как способы совершения мошенничества сопряжены с психологическим воздействием на потерпевшего). Отсюда вполне обоснованным следует рассматри-

вать закономерности мошенничества и его детерминации с учетом многих достижений в различных областях гуманитарного знания, определяющих в своей совокупности закономерности человеческого поведения, включая, преступное. Все это, безусловно, работает на подготовку эффективных мер предупреждения совершения преступных деяний, предусмотренных ст. 159² УК РФ, в том числе, совершаемых военнослужащими, объектами которых являются государственная и муниципальная собственность, сфера социального обеспечения и, конечно же, сфера военной службы.

Следует также учитывать, что преступления, совершаемые военнослужащими, одновременно оцениваются как деяния, посягающие на интересы военной службы, подрывающие военную и оборонную мощь России, снижающие ее потенциал. При этом они, безусловно, посягают на ту часть государственного бюджета страны, которая определяет ее военную

¹ См.: Кузнецов Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М.: МГУ, 1984. С. 3.

безопасность — материальное обеспечение военнослужащих и членов их семей, а также тех лиц, которые в результате подобных мошеннических действий неправомерно лишаются законных социальных выплат¹.

То есть, мошенничество, совершаемое военнослужащим при получении выплат, фактически посягает и на государственную собственность, и на сферу социального обеспечения, и на установленный порядок прохождения военной службы.

Кстати, такого подхода, по сути, придерживаются и ряд ученых, специализирующихся на тематике военной преступности. Как указывает Е.В. Лягина, необходимость снижения уровня воинской преступности — одно из важнейших условий эффективности реформ российских Вооруженных Сил, вызванных как внутренними, так и внешними факторами, в том числе такими, как наличие угроз национальной безопасности Российской Федерации и особенностями ее геополитического положения. Автором справедливо отмечается, что общественная опасность преступных посягательств против военной службы заключается в причинении либо создании угрозы причинения ущерба военной безопасности государства. При этом обоснованно делается акцент на таком обстоятельстве, что общественную опасность, прежде всего, представляют вредные последствия нарушения установленного порядка прохождения военной службы.

Е.В. Лягиной в качестве подтверждения приводится позиция бывшего руководителя Главного военного следственного управления А.С. Сорочкина, согласно ко-

торой «... возросло количество зарегистрированных преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, против порядка несения специальных видов военной службы, в том числе нарушение правил несения пограничной службы и уставных правил караульной службы. На 13 % увеличилось число краж, на 12 % — мошенничества. ... Военные следователи расследовали целый ряд преступлений, вызвавших большой общественный резонанс. Здесь и уголовные дела в отношении должностных лиц военного ведомства и лиц, выполнявших управленческие функции в акционерных обществах «Оборонсервис», «Славянка», дело по заключению и исполнению госконтракта по перемещению фондов Центрального военно-морского музея Минобороны России»².

Лидерство преступлений против собственности было отмечено А.С. Сорочкиным в 2019 г.³

Как видим, посягательства корыстной направленности занимают немалое место в преступности военнослужащих.

В.А. Коцуба и С.Б. Зайцев также включают в преступность военнослужащих, помимо преступлений против военной службы, общеуголовные преступления против личности, собственности и др. При этом отмечается важная и криминологически значимая особенность армейской преступности, заключающаяся в ее особой общественной опасности, связанной с ослаблением военной дисциплины, нарушением порядка прохождения военной службы, т.е. с важнейшими условиями боеготовности воинских соединений и частей. В связи с этим воинскую преступ-

¹ См. подробнее: Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 4 (285). С. 51—65; Харитонов С.С. Мошенничество при получении выплат, совершаемое военнослужащими: вопросы квалификации деяния в контексте прокурорского надзора за расследованием преступлений указанной категории // Вестник военного права. 2019. № 1. С. 33—39, и др.

² См.: Лягина Е.В. Анализ воинской преступности в Российской Армии и ее предупреждение // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10 (89). С. 215—216.

³ См: Моргуленко Е.А. Преступность военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации в условиях глобализации (состояние, тенденции, прогнозы) // Уголовная политика и проблемы правоприменения в условиях глобализации и цифровизации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 19 мая 2021 г. М.: Международный юридический институт, 2022. С. 46.

ность следует отнести к опасному дестабилизирующему фактору, крайне негативно воздействующему не только на Вооруженные Силы, но и на государство в целом, поскольку положение дел в армии — один из индикаторов, на основании которого общество оценивает состояние своей безопасности¹.

Особую опасность преступности в силовом институте государства — Вооруженных Силах, подчеркивает А.С. Паршаков, поскольку именно боеготовность и боеспособность армии являются в современном мире основными сдерживающими факторами, способными реально предотвращать военные конфликты и войны. Что же касается характера преступности среди российских военнослужащих, то она обладает такими же общими свойствами и тенденциями, что и преступность в стране в целом. При этом воинская преступность (как и российская преступность в целом) ощущает на себе многие происходящие в стране социально-экономические и политические процессы. Здесь А.С. Паршаков обосновано приводит позицию Ф. Листа, согласно которой лучшей уголовной политикой является политика социальная². Очевидно, что проводимые в последние годы мероприятия по реформированию армии, нацеленные, в том числе, на улучшение условий службы и быта военнослужащих, укрепление дисциплины, стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в стране, способствовали не только уменьшению количества воинских преступлений, но и существенному сокращению всей преступности.

А.С. Паршаков отмечает, что охваченные рамками гл. 33 УК РФ преступления против военной службы составляют лишь треть всех совершаемых военнослужащими преступлений, имея в целом тенденции к снижению. Доминируют же посягательства общеуголовного характера (более 65 %), прежде всего, против собственности

— мошенничества (28%), вымогательства (24 %), кражи (21 %). Немалое место занимают корыстные преступления коррупционной направленности и должностные преступления³.

Как справедливо отмечает И.В. Ильин развитие экономики, обострение социально-экономической обстановки, рост экономического мошенничества, а также его постоянное видоизменение в качественном виде максимально актуализирует вопрос об изучении причин и условий экономического мошенничества⁴. Это имеет прямое отношение к познанию криминогенной детерминации мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат.

И.В. Ильин при исследовании причин и условий экономического мошенничества, исходит из следующих базовых положений:

— процесс детерминации экономического мошенничества заключается в сложном взаимодействии различных форм связей — причинных, функциональных, статистических и пр;

— причины и условия экономического мошенничества необходимо анализировать в соответствии с классификацией по сферам деятельности⁵.

Это подтверждают исследования Д.А. Шестакова и Ф.Ю. Сафина, которыми отмечается, что при «сферном» подходе к причинам преступности возможно выделить криминологически значимые для конкретного исторического момента социальные противоречия⁶. К слову, относительно мошенничеств при получении вы-

³ См.: Паршаков А.С. Противодействие преступности среди военнослужащих: история, современность, перспективы развития // Военная мысль. 2018. № 9. С. 85—94.

⁴ См.: Ильин И.В. Особенности причинного комплекса мошенничества, совершаемого в экономической сфере // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 4. С. 51.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ См.: Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 112—113; Сафин Ф.Ю. Теоретические и методологические проблемы предупреждения корыстной преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 82.

¹ См.: Коцуба В.А., Зайцев С.Б. О современном состоянии преступности военнослужащих // Национальная ассоциация ученых (НАУ) #VIII (13). 2015. С. 68.

² См.: Лист Ф. Уголовное право. Общая часть; пер. с нем. М., 1903. С. 76.

плат, совершаемых военнослужащими, как нами было отмечено выше, следует отметить сразу три сферы — экономика, социальное обеспечение и военная служба.

Ясно, что цель исследования причинного комплекса экономического мошенничества — последующая эффективная организация предупредительного воздействия. Отсюда важно учитывать выделяемые И.В. Ильиным обстоятельства, имеющие отношение к определению причинного комплекса анализируемых преступлений, а именно:

— *во-первых*, экономическое мошенничество выступает в качестве симбиоза корыстной и экономической преступности;

— *во-вторых*, экономическое мошенничество, являясь криминальным общественным явлением, в свою очередь подразделяется на отдельные виды, имеющие собственные детерминирующие особенности. То есть у отдельных видов мошенничества может существовать специфика в отношении собственных причин и условий¹. К примеру, когда речь идет о мошенничествах при получении выплат, совершаемых военнослужащими, следует отметить их «сферные» отличия от иных видов мошенничества, а также причины, связанные с определенной исторически-психологической установкой на мотивационную оправданность совершения подобных преступлений тяготами армейской службы («власть обо мне не печется, так почему бы мне самому не позаботиться о себе?»);

— *в-третьих*, присущий экономическому мошенничеству причинный комплекс характеризуется высоким динамизмом, соответственно, требует по отношению к себе постоянных научных изысканий;

— *в-четвертых*, экономическому мошенничеству присуща высокая степень самодетерминации.

Нельзя не согласиться с выводом В.В. Лунеева, согласно которому основные причины воинских преступлений не обладают существенными отличиями от общих причин преступности в стране. При этом

отмечается, что есть особенности, заключающиеся в специфических условиях жизни, быта и деятельности военнослужащих, а также присутствуют конкретные обстоятельства, способствующие совершению воинских преступлений. В связи с этим детерминанты, порождающие армейскую преступность, содержатся в:

— общих причинах преступности, реализующихся через конкретные условия жизни, воспитания, учебы, работы преступников до их поступления (призыва) на военную службу;

— общих причинах преступности, специфично преломляющихся через условия жизни, быта и деятельности в армии;

— сугубо воинских причинах и условиях, способствующих совершению военнослужащими преступлений.

В.В. Лунеев справедливо отмечает отрицательное воздействие неблагоприятных условий морально-нравственного формирования личности военнослужащего до поступления на службу, которые не только остаются в их сознании как «груз» пережитого, а продолжают оказывать криминальное влияние и при прохождении военной службы. Демилитаризация общества и государства привела к разрушению многих позитивных элементов подготовки молодежи к военной службе, распаду системы героико-патриотического воспитания молодежи, умалению ценностей военной службы. Данную группу причин, прямо участвующих в генезисе преступности военнослужащих, невозможно устранить силами армейских должностных лиц, а можно лишь частично заблокировать, компенсировать или нейтрализовать организационными, воспитательными или дисциплинарными мерами.

Что касается второй группы причин воинской преступности, связанных с условиями прохождения военной службы, то В.В. Лунеевым выделены факторы, среди которых:

— система воинского, правового и нравственного воспитания;

— армейская организация условий жизни, быта, досуга и деятельности;

— уставной контроль за деятельностью и поведением;

¹ Ильин И.В. Указ. Соч. С. 53—54.

— обеспеченность всем необходимым в армейских условиях и пр.

Отмечаются и такие особенности военной службы, которые приводят к усилению действия общих причин преступности:

— преобладание молодежи в возрасте 18—25 лет, которой свойственна более высокая преступная активность;

— подавляющее большинство военнослужащих — мужчины, у которых коэффициент поражаемости преступностью в 6—8 раз выше, чем у женщин;

— предоставление отсрочки от военной службы студентам приводит к существенному снижению среднестатистического образовательного, а часто и нравственно-правового уровня военнослужащих относительно аналогичного уровня в гражданском обществе, что следует отнести к криминогенному обстоятельству;

— экстерриториальное комплектование войск отрывает военнослужащих-призывников от близких, привычных условий жизни, труда, отдыха, что часто приводит к возникновению социально-психологической основы криминальных мотиваций;

— максимальная регламентация поведения военнослужащих, их жизни, быта и отдыха приводит к внутренней напряженности, зачастую снимаемой через совершение противоправных действий;

— в армии сфера действия уголовного права намного шире, поскольку включает ответственность военнослужащих не только за общеуголовные, но и за воинские преступления.

Третья группа детерминантов заключается в конкретных недостатках в управленческой, организационной, дисциплинарной и воспитательной деятельности командиров и начальников.

В.В. Лунеев останавливается на социально-экономических условиях жизни, которые существенно влияют на мотивацию, отмечая рост безработицы среди молодежи и перевод армии на контрактную основу, когда «контрактники» нуждаются в соот-

ветствующих материальных и жилищных условиях¹.

Следует еще раз подчеркнуть комплексный характер преступности в целом, и воинской — в отдельности. При этом, автор соглашается с мнением Е.В. Лягиной, которая применительно к воинской преступности отмечает ее неизбежный характер, порождаемость комплексом внешних и внутренних факторов негативного плана, сгенерированных обществом, в котором вынужденно или же сознательно находился и находится военнослужащий в различные периоды своей жизни.

В качестве условий, способствующих возникновению и развитию криминальных проявлений в армейской среде, специалистами отмечается достаточно высокий уровень их латентности, характерный для таких режимных объектов, как места дислокации воинских формирований. Многие командиры не решаются выносить «сор из избы», понимая, что за ненадлежащее поведение подчиненных придется отвечать и им².

В завершение краткого анализа криминогенной детерминации мошенничеств, совершаемых военнослужащими при получении выплат, еще раз подчеркнем обусловленность основных причин, порождающих воинскую преступность, экономическими и политическими издержками развития России в современный ее период, а также фактическим отсутствием идеологического воспитания подрастающего поколения российских граждан. Вместе с тем не стоит забывать, что воинская преступность имеет также предпосылки психологического и бытового характера³.

Библиография

1. Ильин, И.В. Особенности причинного комплекса мошенничества, совершаемого в экономической сфере / И.В. Ильин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2010. — № 4. — С. 51—56.
2. Коцуба, В.А. О современном состоянии преступности военнослужащих / В.А. Коцуба,

¹ См.: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. Т. II. Особенная часть : учебник для вузов М.: Юрайт, 2015. С. 832—836.

² См.: Коцуба В.А., Зайцев С.Б. Указ. соч. С. 69.

³ См.: Лягина Е.В. Указ. соч. С. 216—217.

С.Б. Зайцев // Национальная ассоциация ученых (НАУ) #VIII (13). — 2015. — С. 68—69.

3. Кузнецов, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н.Ф. Кузнецов. — М.: МГУ, — 1984. — С. 3—4.

4. Лист, Ф. Уголовное право. Общая часть; пер. с нем. / Ф. Лист. — М., 1903.

5. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии в 2 т. Т. II. Особенная часть : учебник для вузов / В.В. Лунеев. — М.: Юрайт, 2015. — 872 с.

6. Лягина, Е. В. Анализ воинской преступности в Российской Армии и ее предупреждение / Е.В. Лягина // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 10 (89). — С. 215—216.

7. Моргуленко, Е.А. Преступность военнослужащих вооружённых сил Российской Федерации в условиях глобализации (состояние, тенденции, прогнозы) / Е.А. Моргуленко // Уголовная политика и проблемы правоприменения в условиях глобализации и цифровизации : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 мая 2021 г. — М.: Международный юридический институт, 2022. — С. 42—51.

8. Паршаков, А.С. Противодействие преступности среди военнослужащих: история, современ-

ность, перспективы развития / А.С. Паршаков // Военная мысль. — 2018. — № 9. — С. 85—94.

9. Раков, А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 188—193.

10. Сафин, Ф.Ю. Теоретические и методологические проблемы предупреждения корыстной преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2003.

11. Смирнов, Д.В. Об некоторых спорных вопросах военно-судебной практики по уголовным делам / Д.В. Смирнов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4 (285). — С. 51—65.

12. Харитонов, С.С. Мошенничество при получении выплат, совершаемое военнослужащими: вопросы квалификации деяния в контексте прокурорского надзора за расследованием преступлений указанной категории / С. С. Харитонов // Вестник военного права. — 2019. — № 1. — С. 33—39.

13. Шестаков, Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества / Д.А. Шестаков. — СПб.: СПбГУ, 2001.

Правомерное причинение вреда при противодействии преступности

© Попов Константин Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), член Российской Академии Юридических Наук, член Ассоциации юристов России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу института правомерного причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при противодействии преступности как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а также рассмотрению условий правомерности причинения такого вреда.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; сотрудники правоохранительных органов; преступность; обстоятельство, исключающее преступность деяния; правомерное причинение вреда.

Lawful infliction of harm in countering crime

© Popov K.I.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement" of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), member of the Russian Academy of Legal Sciences, member of the Russian Bar Association, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the analysis of the institution of lawful infliction of harm by law enforcement officers in the fight against crime as a circumstance excluding the crime of an act, as well as consideration of the conditions for the legality of causing such harm.

Keywords: law enforcement; law enforcement officers; crime; a circumstance precluding the criminality of the act; legitimate harm.

Особое место среди государственных функций занимает правоохранительная функция, понимаемая как публично-властная деятельность по нейтрализации угроз общественным отношениям в целях сохранения достигнутого уровня социального развития. По мнению Т.Н. Радько, государственно-правовая охрана общественных отношений необходима всегда, поскольку идея беспреступного общества

остаётся не более чем мечтой отдельных романтиков¹.

Правоохранительная функция — это деятельность государства по обеспечению точного и полного выполнения своих предписаний всеми гражданами, организациями, государственными органами. Она

---

¹ См.: Радько Т.Н. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: Проспект, 2016. С. 203.

включает также обеспечение общественного и правового порядка, защиту и охрану прав и интересов граждан и организаций, защиту конституционного строя и государства от противоправных посягательств. Для реализации этих функций государство создает специализированные органы, наделенные властными полномочиями¹. Для выполнения этой функции применяются различные методы, в том числе и принудительные, связанные с причинением вреда охраняемым законом интересам.

При осуществлении своих служебных полномочий при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное правомерное причинение вреда правоохраняемым интересам должностными лицами правоохранительных органов, а также лицами, оказывающими им содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанными лицами своего служебного или общественного долга. Такое полномочие закреплено в статье 16 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Глава 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» регламентирует применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Статья 14 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» предоставляет военнослужащим ФСБ России право на применение боевой техники, оружия, специальных средств и физической силы.

В состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудники правоохранительных органов при отсутствии у них необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также применять

иное не состоящее на вооружении этих органов оружие при противодействии преступности.

Согласно ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которая называется «Правомерное причинение вреда», лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными².

Кроме того, сотрудники правоохранительных органов не несут ответственности за моральный, материальный и физический вред, причиненный правонарушителю применением в предусмотренных законом случаях физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, если причиненный вред соразмерен силе оказываемого противодействия.

В указанных случаях закон подчеркивает, с одной стороны, исключительность полномочий должностных лиц правоохранительных органов, а с другой — возможность неординарных ситуаций при исполнении профессионального и служебного долга, когда обстановка требует активных, чрезвычайных, нетипичных решений и действий при противодействии преступности.

Таким образом, при противодействии преступности сотрудники полиции, а также других правоохранительных органов могут вынужденно причинять вред охраняемым законом интересам по основаниям, в пределах и порядке, установленных законом, с соблюдением определенных ограничений.

Обязательным условием эффективного применения положений законодательства,

¹ См.: Загорский Г.И., Попов К.И. Судебные и правоохранительные органы: Курс лекций: в 2 т. / Т. 1. Судостроительство. М.: Проспект, 2020. С. 17—18.

² Подробнее см.: Попов К.И. Правомерное причинение вреда при противодействии терроризму // Право и государство: теория и практика. 2010. № 2 (62). С. 98—101.

признающим причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов при противодействии преступности правомерным и исключаяющим преступность деяния, является строгое соблюдение всех необходимых условий правомерности, среди которых, прежде всего, следует подчеркнуть вынужденный, исключительный, экстраординарный характер причинения вреда и рассматривать его только как крайнюю меру, когда другими способами пресечь преступную деятельность на транспорте либо задержать правонарушителя не представляется возможным.

Вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам при выполнении сотрудниками правоохранительных органов своих служебных обязанностей при противодействии преступности представляется допустимым, если оно совершается при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Законодательно не конкретизированы случаи такой допустимости, достаточно лишь того, чтобы действия должностных лиц правоохранительных органов, либо лиц, оказывающих им содействие, были правомерными, вынужденными и направленными на защиту указанных в законе ценностей.

При применении института допустимости причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при противодействии преступности следует иметь в виду, что правоохранительная деятельность является одной из важнейших внутренних функций государства, она законодательно определена и санкционирована государством.

Правоохранительная деятельность имеет законодательно определенное целевое назначение — защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Следовательно, правомерные действия сотрудников правоохранительных органов, связанные с причинением вреда охраняемым законом интересам, не только теряют признаки, присущие пре-

ступлению, — общественную опасность, противоправность и виновность (поэтому и не могут быть наказуемы), но и являются законодательно допустимыми и социально оправданными.

Вынужденным и правомерным должно признаваться причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов, когда иными средствами достижение целей и решение задач правоохраны при противодействии преступности в конкретных условиях осуществить не представлялось возможным. Вопрос о том, является ли причинение того или иного вреда вынужденным, — это вопрос факта. Он должен решаться в каждом конкретном случае, исходя из конкретных обстоятельств.

Следовательно, вред, который причиняется в ходе осуществления противодействия преступности, должен быть оправданным применительно к конкретной обстановке. Вред может считаться вынужденным и правомерным, когда он причиняется как ответная мера либо как превентивная мера, направленная на пресечение противоправных действий, предотвращение их общественно опасных последствий.

Вынужденным и правомерным может считаться также и вред, причиняемый сотрудниками правоохранительных органов в случаях реальной угрозы совершения противоправных действий, которые могут причинить ущерб охраняемым интересам личности, общества и государства, когда объективные обстоятельства ставят должностных лиц правоохранительных органов в такие условия, при которых они причиняют вред с целью предотвращения более тяжелых последствий, когда иными мерами (действиями) его предотвратить при конкретных обстоятельствах не представлялось возможным либо было крайне затруднительно¹.

Следует иметь в виду, что в целом правоохранительная деятельность сама по себе является вынужденной необходимостью, обусловленной характером и опас-

¹ Подробнее см.: Попов К.И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2013. № 1 (34). С. 23—29.

ностью противоправного поведения, в связи с чем вынужденность причинения вреда может определяться не явной, а лишь гипотетически возможной угрозой наступления общественно опасных последствий. На основании изложенного представляется, что вынужденное причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов лицу, совершившему криминальное посягательство, является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния (обстоятельством правомерного причинения вреда).

Вместе с тем правомерность положения о вынужденном причинении вреда сотрудниками правоохранительных органов не нашла отражения в действующем уголовном законодательстве. Представляется, что допустимость причинения вреда характеризует обстоятельства, в которых эта деятельность осуществляется, и подчеркивает особенность субъективной стороны деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Выполняя действия, объективно причиняющие определенный вред общественным отношениям, охраняемым законом, сотрудники правоохранительных органов руководствуются мотивами и целями, прямо противоположными тем, из которых исходят преступники.

Вследствие этого, в соответствии с принципом субъективного вменения правовая оценка действий одних и других должна быть различной. Положительная мотивация и преследование общественно полезных целей сотрудниками правоохранительных органов, как представляется, исключают субъективную сторону преступления.

Представляется также, что обязательным условием допустимости причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов являются взаимосвязь действий, причиняющих вред, с выполнением лицом

своего служебного или профессионального долга.

На основании изложенного представляется необходимым дополнить гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» статьей 38.1 «Правомерное причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов», включающей в себя новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, и изложить ее в следующей редакции:

«Правомерным признается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам личности, общества или государства сотрудниками правоохранительных органов при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации».

Полагаем, что названная норма будет способствовать правовой защите должностных лиц правоохранительных органов, с одной стороны, и служить дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов граждан, с другой стороны, а также унификации правоохранительного и уголовного законодательства.

Библиография

1. Загорский, Г.И. Судебные и правоохранительные органы : Курс лекций : в 2 т. — Т. 1. Судостроительство / Г.И. Загорский, К.И. Попов. — Москва: Проспект, 2020.
2. Попов, К.И. Правомерное причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / К.И. Попов // Оперативник (сыщик). — 2013. — № 1 (34). — С. 23—29.
3. Попов, К.И. Правомерное причинение вреда при противодействии терроризму / К.И. Попов // Право и государство: теория и практика. — 2010. — № 2 (62). — С. 98—101.
4. Радько, Т.Н. Теория государства и права : учебник для вузов / Т.Н. Радько. — Москва: Проспект, 2016.

Следственные ситуации, возникающие при расследовании организованных преступлений

© Суденко Владимир Егорович,
кандидат юридических наук, доцент, Почётный
работник сферы образования Российской
Федерации

Аннотация. Любое деяние человека всегда реализуется и протекает в той или иной ситуации, сложившейся на момент начала деяния, его продолжения и окончания. Подобное относится и к расследованию преступлений, в том числе организованных. Такие ситуации носят как объективный характер, то есть не зависимый от органов раскрытия и расследования преступлений, так и субъективный, когда те или иные элементы сложившейся ситуации формируются заинтересованными лицами: следователем, оперативным работником, членами организованных преступных групп или преступных сообществ. Следственные ситуации могут относиться к общему направлению расследования либо иметь частный характер, то есть характеризовать те или иные этапы процесса расследования. Следственные ситуации могут иметь искусственное происхождение, формироваться криминалитетом.

Ключевые слова: организованная преступность; следственные ситуации; контролируемые следственные ситуации; неконтролируемые ситуации.

Investigative situations arising in the investigation of organized crimes

© Sudenko V.E.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian
Federation

Annotation. Any act of a person is always realized and takes place in one or another situation that has developed at the time of the beginning of the act, its continuation and termination. The same applies to the investigation of crimes, including organized ones. Such situations are both objective in nature, that is, independent of the bodies of disclosure and investigation of crimes, and subjective, when certain elements of the current situation are formed by interested persons: an investigator, an operative, members of organized criminal groups or criminal communities. Investigative situations may relate to the general direction of the investigation or have a private character, that is, characterize certain stages of the investigation process. Investigative situations may have an artificial origin, be formed by the authorities.

Keywords: organized crime; investigative situations; controlled investigative situations; uncontrolled situations.

Расследование преступлений, которые совершены организованными преступными группами и сообществами¹, может происходить в условиях самых разнообразных следственных, оперативно-розыскных и криминалистических ситуаций. Их умелая оценка и использование имеет важное значение для чёткого и верного направления

расследования, когда следователь может принять наиболее правильные и эффективные решения процессуального характера, что, в свою очередь, позволяет выбрать необходимые оперативно-розыскные и криминалистические методы, средства и пути достижения основной и промежуточных целей расследования.

Теоретические исследования и анализ практической деятельности по борьбе с организованной преступностью свидетельствуют о наличии особенностей в рассле-

¹ Организованные преступные группы и преступные сообщества впредь по тексту будут именоваться преступными формированиями.

довании организованных преступлений, не имеющих места при расследовании преступных деяний, не относящихся к организованной преступности.

Возникающие при этом ситуации могут в отдельных случаях управляться преступными формированиями с использованием имеющихся у них коррумпированных связей в органах исполнительной власти, в том числе в правоохранительных органах. Коррумпированные чиновники, обладающие информацией о расследовании уголовных дел, о материалах на лидеров и других представителей преступного формирования в виде следственных сведений и оперативно-розыскных данных, позволяют себе в определённой степени контролировать ход расследования и складывающиеся ситуации, определять намерения следствия по их разоблачению и препятствовать этому.

При этом вряд ли справедливо утверждать, что организованная преступность может с помощью коррумпированных представителей соответствующих органов знать абсолютно всё по расследуемому делу. Многие аспекты следственной ситуации, основывающиеся на следственных и оперативно-розыскных данных и связанных с личностью проводящего расследование следователя, его помощников, вряд ли станут достоянием преступников даже при содействии этому коррумпированных лиц из следственных и оперативно-розыскных органов. Однако имея некоторую информацию о сложившейся следственной ситуации, они комментируют её в соответствии со своими интересами и, предугадывая возможные направления деятельности следствия, используют её для воспрепятствования расследованию.

Информационная основа первоначальных следственных ситуаций, как правило, базируется в основном на оперативно-розыскных сведениях ориентирующего характера и намного меньше — на процессуальных, что усложняет расследование, поскольку такие материалы необходимо постоянно изучать, анализировать и оценивать их значимость для принятия тактически обоснованных решений.

В то же время, даже при наличии приведённых затруднений, вызванных противодействием расследованию, информационная база криминалистических ситуаций по делам об организованной преступности представляет собой многоаспектное явление, поскольку при расследовании такая база формируется из большого комплекса сведений, добытых в ходе оперативно-розыскных мероприятий, тактических криминалистических операций, из показаний потерпевших, свидетелей и иных лиц. А многообразие информационных сведений провоцирует появление в ходе расследования различных ситуаций не только проблемного характера, но и тактических рисков, для разрешения которых требуется высокопрофессиональный подход.

Необходимо отметить, что для правильной оценки криминалистических ситуаций требуется строго учитывать не только степень коррумпированности правоохранительных и других властных органов, но и социальную и экономическую специфику соответствующего региона.

Говоря о возникающих при совершении преступлений организованными преступными формированиями криминалистических ситуациях, отметим, что они сопровождают не только процесс расследования, но и доследственный, и постследственный периоды и носят частнопрактический характер.

Рассмотрим доследственный период, когда оперативно-розыскные мероприятия являются основными действиями, существенно формирующими следственные ситуации первоначального этапа расследования. Такие ситуации обусловлены следующими факторами: объёмом наличия оперативно-розыскной и иной информации о данном преступном формировании; наличием контроля за формированием со стороны оперативно-розыскных служб; задержаниями его членов и их ролью в преступном формировании — рядовые члены, руководители среднего или высшего преступного звена; удалась ли попытка склонить кого-либо из них к сотрудничеству со следствием; на каком уровне находится процесс доказывания их вины.

Постследственные ситуации складываются по завершению предварительного и судебного следствия. Их формирование напрямую зависит от результатов всей работы по изобличению деятельности преступного формирования, в том числе, все ли его члены выявлены и осуждены, осуждён ли кто из его руководителей, удалось ли разрушить данное преступное формирование или часть его членов осталась на свободе. Если часть членов преступного формирования остаётся на свободе, то не исключено, что они приступят к пополнению своих рядов и продолжению преступной деятельности, чаще всего после некоего затишья.

Следует отметить, что осуждённые к лишению свободы и содержащиеся в исправительных учреждениях ФСИН России участники преступного формирования для поддержания своего статуса могут рассказывать окружающим о некоторых преступных акциях их «соратников» по преступлениям, о лидерах и других участниках данного преступного формирования. Для целей дальнейшего выявления остающихся на свободе членов преступного формирования и пресечению их деятельности по восстановлению потенциала данной преступной структуры, необходимо совместно с оперативными службами ФСИН России осуществлять оперативную работу с отбывающими наказание участниками. Такая работа должна проводиться и в целях установления мест и способов хранения денежных средств и иного имущества, полученных ранее в ходе совершения преступлений. Всё это должно быть направлено на полный и окончательный развал конкретного преступного формирования.

В процессе расследования организованных преступлений появляются ситуации, группируемые по различным основаниям, относящиеся как к отдельным следственным действиям по делу, так и в целом ко всему расследованию. Возможно появление тех или иных ситуаций по этапам расследования, по тактическому и стратегическому направлению. Это отличает их от складывающихся ситуаций расследования не организованных преступлений

Частные и промежуточные этапы характеризуются возникающими криминалистическими ситуациями этапного направления, затрудняющие либо облегчающие задачи расследования.

Ситуации тактического направления больше всех наполнены разными тактическими приёмами практического характера, нацеленными на решение всех задач расследования, в том числе стратегических (полное изобличение организованного преступного формирования в совершённых его членами преступлениях и их нейтрализация путём привлечения к уголовной ответственности и осуждения), в число которых входят главные промежуточные задачи расследования. При этом следователю и оперативным работникам необходимо приложить максимум усилий для выявления из числа задержанных лиц, готовых пойти на сотрудничество со следствием. Это значительно облегчит решение некоторых задач предварительного расследования уголовного дела, особенно в случаях, когда в результате недостаточно продуманных мероприятий не удалось задержать основных исполнителей преступления и лидеров преступного формирования, что осложняет доведение уголовного дела до суда и его судебную перспективу.

Ситуации стратегического направления складываются в процессе расследования и формируются факторами, в том числе, независимыми от следствия. Нередко это облегчает полное раскрытие организованного преступления либо, наоборот, затрудняет его, вплоть до невозможности его раскрыть. Подобные факторы, порождаемые правовыми, политическими, международными, коррупционными и иными обстоятельствами, влияющими на борьбу с организованной преступностью в целом и с конкретными организованными преступными формированиями, в частности, негативно воздействуют на процесс расследования, ставя следователей и оперативных работников в заложники межнациональной и политической борьбы. К их причинам можно отнести пробелы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, отказ от отмены депутатского иммунитета в отношении подозреваемых в коррупции

онных связях с организованной преступностью депутатов и сенаторов¹, а также неравноправное положение сотрудников правоохранительных и судебных органов. Определённую роль в возникновении подобных ситуаций играет игнорирование или недостаточное реагирование зарубежных правоохранительных органов на официальные запросы о задержании или выдаче участников преступных организованных групп и преступных сообществ, совершивших преступления в Российской Федерации. Всё это значительно осложняет раскрытие и расследование организованной преступной деятельности, а иногда вообще лишают смысла работы по конкретным преступлениям.

Складывающиеся ситуации можно поделить на контролируемые следователем и оперативными работниками, частично ими контролируемые и неконтролируемые.

К полностью контролируемым ситуациям можно относить ситуации, возникающие при проведении оперативными работниками сбора и накопления информации о преступной деятельности определённого преступного формирования, что реализуется до возбуждения уголовного дела. Указанные ситуации находятся под полным контролем оперативно-розыскных служб, использующих для этого самые разнообразные, но, прежде всего, наиболее эффективные и необходимые для контроля оперативно-розыскные силы, средства и методы (оперативно-розыскные мероприятия). С момента начала расследования указанные ситуации продолжают контролироваться ещё и уголовно-процессуальными средствами. Как правило, рассматриваемые ситуации относятся к типовым, то есть они присущи всем преступлениям.

Говоря о частично контролируемых ситуациях, отметим, что они регулируются оперативно-розыскными, криминалистическими, психологическими и иными средствами не в полной мере, а только ча-

стично. Как правило, подобные ситуации возникают при типичных признаках, присущих сложившейся на данное время обстановке. В то же время, они могут быть и при наличии нетипичных признаков, которые для данной обстановки, как правило, не присущи. Разрешение подобной ситуации намного сложнее по сравнению с полностью контролируемой ситуацией. Это вынуждает оперативных работников и следователя подходить к их разрешению строго индивидуально, на высоком профессиональном уровне. Средствами реагирования оперативных работников и следователя в подобных ситуациях должны быть приёмы и методы воздействия, соответствующие имеющимся нетипичным признакам, с целью выбора направлений их регулирования приёмами и методами как следствия, так оперативно-розыскных подразделений различных ведомств (МВД России, ФСБ России и др.).

Это в дальнейшем позволит взять противоправную деятельность преступного формирования под оперативный контроль. Подобная деятельность оперативно-розыскных служб и следствия особенно эффективна при разоблачении и расследовании деятельности организованной преступности экономической направленности, когда контрольно-ревизионная работа соответствующих служб и органов, являющаяся обычной их повседневной практикой, не вызывает настороженности преступного формирования, но представляет интерес для оперативно-розыскного контроля за его криминальной деятельностью.

В некоторых случаях, после обсуждения следователем и оперативными работниками имеющихся официальных и оперативных материалов, эффективным средством может быть тщательно продуманная и строго контролируемая «утечка» информации, тревожной для преступной организации информации, через проверенные СМИ, в том числе через негласных либо внедрённых в разрабатываемое преступное формирование источники. Подобная «утечка» вполне способна побудить руководство организованного преступного формирования к совершению действий, выгодных для органов раскрытия и рассле-

¹ Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М., 1996. С. 335; Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. С. 172.

дования с точки зрения получения необходимой информации о конкретных криминальных деяниях. Подобные мероприятия, применяемые для разоблачения организованных преступных групп и преступных сообществ, получили название рефлексивного управления¹.

Раскроем ситуации, не контролируемые оперативно-розыскными службами и следствием, которые могут возникнуть и, к сожалению, возникают в процессе расследования, хотя они существуют непродолжительное время. Это объясняется тем, что в ходе расследования должен обеспечиваться постоянный контроль за развитием следственных ситуаций, а при необходимости применяются соответствующие средства и методы по их урегулированию в интересах следствия. Неконтролируемые ситуации могут возникнуть в связи с неудачными оперативно-розыскными или следственными мероприятиями либо вследствие утраты по какой-либо причине контроля за проводимыми операциями. Наиболее опасным в подобных случаях являются «предательство» сотрудника оперативно-розыскной службы, работающего на преступное формирование, либо действия сотрудников органов внутренних дел или иной оперативной службы, «крышующих» данное формирование.

В связи с тем, что подобные ситуации самым негативным образом сказываются на расследовании и вполне способны привести к полной утрате возможностей разоблачения криминальной деятельности преступного формирования, их необходимо разрешать в кратчайшее время, в противном случае вряд ли можно будет установить истину по делу и обеспечить соблюдение принципа справедливости как в уголовном судопроизводстве, так и в целом².

Рассмотренные следственные ситуации чаще всего имеют теоретический ин-

терес, но, тем не менее, их изучение нацелено на получение информации о необходимости разработок и совершенствования научно-методического потенциала расследования отдельных видов организованной преступности. Наиболее часто подобные ситуации возникают при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами и преступными сообществами экономической направленности.

Противодействие расследованию представляет умышленное конфликтное поведение участников уголовного судопроизводства и (или) лиц, не имеющих никакого процессуального статуса в отношении деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию преступлений с целью воспрепятствования решению правоохранительными органами задач уголовного судопроизводства, осуществляемое различными способами сокрытия преступлений, а также иными действиями, связанными с воздействием на доказательственную информацию о данном преступлении.

Противоборство со стороны участников организованной преступности её обнаружению, раскрытию и расследованию, а также со стороны лиц, прикосновенных к этому виду криминальной деятельности, является одним из важнейших факторов, весьма осложняющих борьбу с этим видом наиболее опасной для общества, государства и граждан преступной деятельности. При этом способы противоборства могут быть самыми различными, но они почти всегда особенно тщательно продумываются, а потому довольно изощрены, что требует от следователя высочайшего мастерства по его преодолению. В то же время, недостаточная квалификация оперативных работников и следователей не всегда позволяет контролировать пути противодействия расследованию для его преодоления, что нередко влечёт особые затруднения процесса расследования, а иногда и невозможность в полном объёме раскрыть преступление. На опасность противодействия расследованию в своё время указывал профессор В.Н. Карагодин говоря, что

¹ Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в приложении к практике // Правовая кибернетика. М., 1970. С. 186.

² Суденко В.Е. Принцип справедливости в уголовном законодательстве // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 1. С. 75—82.

успешное противодействие даже по многим делам приводит к безнаказанности тысяч совершивших преступления лиц. Если к этому прибавить не выявленные преступления, то это будет баснословное число¹. О непрофессионализме следователей в деле преодоления противодействия со стороны преступных формирований при расследовании совершаемых ими преступлений указывается во многих работах².

Формирование организованной преступности в современный период жизни общества, её масштабное развитие с проникновением почти во все сферы жизни, чрезвычайно осложняют борьбу с противодействием расследованию преступлений, прежде всего со стороны преступных формирований, поскольку оно (противодействие) приобретает особенно отрицательный характер, превращаясь в опасное социальное явление. Противодействие организованной преступности расследованию направлено против деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе с организованной. Масштабы и широкий спектр эффективного противодействия организованной преступности расследованию предоставляет ей возможность поддерживать ведущую роль в криминальном мире, осложняя тем самым криминогенную обстановку в стране.

В нынешней практике расследования деятельности преступных формирований встречаются тщательно продуманные, изощрённые способы и приёмы противодействия не только со стороны преступников, но и со стороны их коррумпированных пособников и покровителей. Можно сказать, что в настоящее время противо-

действие раскрытию и расследованию преступных действий криминальных групп и сообществ — это не какие-то одиночные эпизоды их деятельности, а важнейший элемент обеспечения их безопасного существования, являющийся «жизненно-важной» закономерностью организованной преступности. Противодействие демонстрирует высокую степень организованности вместе с согласованностью действий широкого круга лиц — подозреваемых, обвиняемых, лидеров и руководителей, и иных членов преступных формирований, различающихся по социальному, профессиональному, должностному положению.

Противостояние правоохранительным органам, проявляющееся в психическом и физическом влиянии, направляется прежде всего на участников уголовного судопроизводства, а также на сокрытие и уничтожение объективных следов преступления. При этом ядром противодействия выступают организаторы или лидеры организованных преступных групп и преступных сообществ.

Противодействие расследованию возможно как в активной, так и в пассивной форме, по характеру и виду используемых средств может быть простым и сложным, по продолжительности — долговременным и кратковременным. В то же время, противодействие расследованию возможно и в корпоративной форме, основанной на коллективных интересах взаимосвязанных организованных преступных формирований, либо индивидуальное, базирующееся на групповых интересах участников одного преступного формирования, их родственников, адвокатов и иных связанных с ними лиц³.

¹ Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992. С. 6.

² Белкин Р.С. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию // Курс криминалистики. Т. 3. М., 1997; Николайчук И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию. М., 2000; Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013 и др.

³ Вольтский А.Ф., Лавров В.П. Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф., 29—30 окт. 1996. Руза. М., 1997; Гриб В.Г. Противодействие организованной преступности : Учебное пособие для вузов / Под ред. А.И. Гурова, В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2001; Климов А.Ф., Синилов Г.К. Противодействие криминальной среде как объект и предмет исследования теории ОРД // Организованное противодействие раскрытию и расследова-

Противодействие может быть направлено на решение стратегических для преступного формирования задач, направленных не просто на прекращение уголовного дела о его преступной деятельности, а на торпедирование любых других действий правоохранительных органов, чтобы они впредь не препятствовали преступному формированию осуществлять свою преступную деятельность. Тактические задачи противодействия включают решение частных вопросов, затрудняющих расследование и способствующие успешной реализации стратегических преступных задач организованной преступной группы или преступного сообщества.

Начало раскрытия и расследования организованных преступлений состоит, как правило, из разведывательной негласной работы органов, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление признаков, характеризующих именно организованную преступную деятельность. Перед указанными органами стоит задача: в процессе разведывательной деятельности при помощи оперативно-розыскных мероприятий определить замыслы и скрытые способы действий преступного формирования, выявить конкретные факты его криминальной деятельности, его членов, следы подготовки или совершения преступлений, указывающие на организованную преступную группу или преступное сообщество.

Со стороны организованных преступных формирований на первоначальном этапе их выявления и проверки редко осуществляется жёсткое противодействие раскрытию и расследованию, которое может носить скрытый характер в виде конспирации, маскировки групповых действий и т.п. Подготовка к намеченным преступлениям скрывается от оперативно-розыскных органов и служб зашифровкой криминальных интересов относительно планируемых объектов посягательства, скрытого наблюдения за такими объектами, внедрения своих членов в намеченную

к посягательству структуры (коммерческую, банковскую, производственную и т.п.), повреждения или разрушения защитных средств (сигнализации, видеокамер). При подготовке преступления экономической направленности могут быть повреждены или уничтожены бухгалтерские и иные учётно-отчётные документы. Способы совершения организованных преступлений избираются преступным формированием с учётом особенностей объекта посягательства, места, времени и обстановки на момент совершения преступления.

Однако, когда сотрудники оперативной службы обнаруживают себя непродуманными, слабо законспирированными действиями или когда в преступном формировании выявлены лица, передающие информацию оперативно-розыскным органам, пассивное противостояние перерастает в более активное. В таких случаях в преступном формировании проводятся внутрипроверочные действия по выявлению среди своих членов агентуры правоохранительных органов, а кроме того, могут предприниматься попытки проникновения в оперативно-розыскную службу для компрометации оперативных работников, вышедших на преступное формирование. Нередко применяются новейшие технические средства по фиксации разговоров и действий оперативных работников и следователей, не только относящихся к служебной их деятельности, но и бытовых, и личных, с целью дальнейшей компрометации этих сотрудников. Названные и другие действия со стороны преступного формирования, подготавливающего преступление, преследуют цель — противодействовать правоохранительным органам, чтобы осуществить криминальную акцию без серьёзных помех и в наиболее сжатые сроки.

Приведённые способы противодействия расследованию определяются в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении разрабатываемого преступного формирования, а также в процессе разведывательной и аналитической деятельности, осуществляемой оперативно-розыскными органами. Наиболее сложное, опасное, но в то же время самое эф-

---

нию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф., 29—30 окт. 1996. Руза. М., 1997.

фективное — это внедрение в преступное формирование оперативных сотрудников.

В преодолении противодействия расследованию важную роль играет выявление среди членов преступного формирования лиц, которых можно использовать как негласных помощников. Не менее ценны сведения, полученные в результате скрытого наблюдения, оперативной установки, из банков оперативных и криминалистических учётов¹, при использовании научно-технических средств негласного получения информации о разрабатываемом преступном формировании и др.

Серьёзное внимание следует уделять поиску осведомителей (информаторов), а продуманная работа с ними с одновременным анализом и выверенной оценкой получаемой от них информации, направленной на установление криминальных планов преступного формирования², вместе со сведениями от внедрённых оперативных сотрудников помогают познанию основных процессов, происходящих в разрабатываемом преступном формировании, и, в конечном итоге, разработке следственных и оперативно-розыскных действий по отбору противодействия со стороны преступного формирования. К числу мер, подавляющих противодействие раскрытию и расследованию, следует отнести действия по выявлению и пресечению преступлений путём проведения контролируемой поставки; следственного эксперимента; тактических оперативно-розыскных операций по задержанию членов преступного формирования с поличным во время их нападения на объект по «наводке» осведомителей или внедрённых оперативных сотрудников; установление в правоохранительных органах внедрённых организованной преступной группой или преступным сообществом лиц; принятие мер по развалу данного преступного формирования.

¹ Суденко В.Е. Криминалистические учёты в системе борьбы с преступлениями // Вестник Юридического института МИИТ. 2016. № 4 (16). С. 21—26.

² Суденко В.Е. Оперативный и аналитический поиск в борьбе с организованной преступностью // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 208—214.

Борьба с противодействием расследованию базируется на навыках аналитического мышления оперативных сотрудников, умении прогнозирования развития складывающейся в ходе проведения оперативных мероприятий оперативно-тактической ситуации, объективной оценки собственных сил и средств, а также возможностей преступных формирований противостоять оперативно-розыскным мероприятиям. Спешно подготовленные, недостаточно продуманные разведывательно-поисковые и аналитические действия оперативных работников могут привести к активному противодействию со стороны разрабатываемого преступного формирования.

Весьма важное значение имеет знание форм противодействия расследованию со стороны преступных формирований, рассмотрение которых возможно в отдельной статье.

Библиография

1. Белкин, Р.С. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. — Т. 3. — М., 1997.
2. Вольнский, А.Ф. Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) / А.Ф. Вольнский, В.П. Лавров // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф., 29—30 окт. 1996. — Руза. 1997.
3. Гриб, В.Г. Противодействие организованной преступности : учебное пособие для вузов / под ред. А.И. Гурова, В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2001.
4. Карагодин, В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. — Свердловск, 1992.
5. Климов, А.Ф. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД / А.Ф. Климов, Г.К. Синилов // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы науч.-практ. конф., 29—30 окт. 1996. — Руза, 1997.
6. Куликов, В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности / В.И. Куликов. — Ульяновск, 1994.
7. Николайчук, И.А. Соккрытие преступлений как форма противодействия расследованию / И.А. Николайчук. — М., 2000.

8. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. — М., 1996.

9. Ратинов, А.Р. Теория рефлексивных игр в применении к практике / А.Р. Ратинов // Правовая кибернетика. — М., 1970.

10. Суденко, В.Е. Криминалистические учёт в системе борьбы с преступлениями / В.Е. Суденко // Вестник Юридического института МИИТ. — 2016. — № 4 (16). — С. 21—26.

11. Суденко, В.Е. Оперативный и аналитический поиск в борьбе с организованной

преступностью / В.Е. Суденко // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 208—214.

12. Суденко, В.Е. Принцип справедливости в уголовном законодательстве / В.Е. Суденко // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. — 2010. — № 1. — С. 75—82.

13. Тишутина, И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук / И.В. Тишутина. — М., 2013.

О некоторых особенностях правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния в сфере военно-служебных отношений

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Саратовского военного ордена Жукова
Краснознаменного института войск
национальной гвардии Российской
Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. В статье проводится изучение отдельных, вызывающих неоднозначную интерпретацию, теоретико-практических аспектов обстоятельств, исключающих преступность деяния в условиях военной службы. Анализ нормативно-правовых предписаний позволяет констатировать, что в некоторых случаях правомерное причинение вреда военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов при реализации прав, возложенных на них федеральным законодательством, не позволяет соотносить их действия с нормами гл. 8 УК РФ, что находит свое отражение, в частности, в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Видится необходимость дополнения гл. 8 УК РФ положениями, исключающими преступность деяния при исполнении служебных обязанностей. Исследуется уголовно-правовая природа уничтожения лиц, совершающих и уже совершивших преступное деяние, в целях недопущения причинения ими вреда жизни и здоровью граждан, в том числе точечная ликвидация террористов. Констатируется, что положения Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации (УГиКС ВС РФ), определяющие порядок применения оружия часовым, выходят за пределы правомерности необходимой обороны или причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Выдвигаются предложения по корректировке законодательства.

Ключевые слова: необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании, военная служба, ликвидация преступников, часовой, оружие, правомерное причинение вреда.

About some features of the legal nature of circumstances that exclude the criminality of an act in the field of military-service relations

© Chukin D.S.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Saratov Military
Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the
National Guard of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of the Institute

Summary. The article examines certain theoretical and practical aspects of circumstances that cause ambiguous interpretation, excluding the criminality of an act in the conditions of military service. The analysis of regulatory and legal prescriptions allows us to state that in some cases the lawful infliction of harm by military personnel and law enforcement officers in the exercise of the rights assigned to them by federal legislation does not allow their actions to be correlated with the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is reflected, in particular, in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. There is a need to supplement Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation with provisions excluding the criminality of an act in the performance of official duties. The article examines the criminal-legal nature of the destruction of persons who commit and have already committed a criminal act in order to prevent them from harming the life and health of citizens, including the targeted elimination of ter-

rorists. It is stated that the provisions of the Charter of the garrison and guard services of the Armed Forces of the Russian Federation, which determine the procedure for the use of weapons by sentries, go beyond the legality of the necessary defense or causing harm when detaining a person who has committed a crime. Proposals are being put forward to adjust the legislation.

Key words: necessary defense, extreme necessity, causing harm during detention, military service, elimination of criminals, sentry, weapons, lawful harm.

Vim vi repellere licet

Насилие можно отражать силой (лат.)

Правомерное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам является одним из фундаментальных институтов уголовного права и, одновременно с этим, естественным правом человека, наряду с государственной монополией на применение силы. В уголовном праве оно находит свое выражение в институте обстоятельств, исключающих преступность деяния. Анализ законоположений, регламентирующих эти обстоятельства, позволяет провести четкую грань, отделяя их от оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания, поскольку, в отличие от последних, содержание их заключается в сущностной инверсии, которая переводит совершенное деяние из разряда общественно-опасного в общественно-полезное. Советское уголовное законодательство выделяло два таких обстоятельства — необходимую оборону и крайнюю необходимость, однако практика их применения и осмысление их правовой природы привели к тому, что гл. 8 УК РФ включила в себя уже шесть таких видов, каждое из которых имеет свою специфику, в том числе применительно к военно-служебным отношениям¹.

Именно эти особенности и легли в основу проведения данного исследования, поскольку обнаружившаяся в связи с этим неопределенность порождает разные подходы к оценке указанных обстоятельств, исходя именно из специфики военной службы и правоохранительной деятельности, с учетом того, что статус военнотру-

жащего и статус обычного гражданина имеют существенные различия.

Разъясняя специфику применения уголовно-правовых норм о необходимой обороне, Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»² в п. 6 разъясняет, что правомерные действия должностных лиц, которые связаны с причинением вреда или угрозой причинения такого вреда (например, в случаях, установленных законом, применение силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.) не образуют состояние необходимой обороны. С этим мнением согласился Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении от 28 декабря 2021 г. № 2729-О.

Исходя из судебного толкования получается, что действия сотрудников правоохранительных органов, о которых упоминается в п. 6 Постановления № 19, находятся как бы «над» институтом необходимой обороны, или, выражаясь образом кругов Эйлера, образуют состояние внеположенности по отношению к ней. На неопределенность этих положений Постановления уже было указано при проведении ряда научных исследований³, однако должного разъяснения эти обстоятельства так и не получили.

² Далее — «Постановление № 19».

³ Савинов А.В. Понятие и признаки причинения вреда при необходимой обороне // СПС Консультант Плюс. 2015; Гарбатович Д. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Уголовное право. 2013. № 1. С. 12—16.

¹ Чукин Д. С. Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния в условиях военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 6(263). С. 69—76.

При причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам, указанным в ст. 2 УК РФ, действия лица образуют признаки состава преступления, и логичным следствием этого будет либо возбудить уголовное дело (при неправомерном причинении такого вреда), либо применить одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния. При этом, п. 27 Постановления № 19 указывает, что положения ст. 37 и 38 УК РФ все-таки распространяются на сотрудников силовых ведомств, которые принимают участие в пресечении преступлений или задержании лиц, их совершивших. То есть, как нам видится из разъяснений Верховного Суда, сотрудники правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей могут как находиться, так и не находиться в состоянии необходимой обороны.

Федеральное законодательство предусматривает, что сотрудники силовых ведомств могут действовать в рамках положений гл. 8 УК РФ без каких-либо изъятий. Например, п. 13 ст. 18 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», предусматривает, что военнослужащий (сотрудник) Росгвардии может находиться в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости или задержания лица, совершившего преступление. Аналогичные положения, определяющие ведомственные особенности, содержатся в п. 3 ст. 18 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и ст. 14 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности». Вышеотмеченное законодательство отдельно определяет, что военнослужащие (сотрудники) этих федеральных органов исполнительной власти не несут ответственность за вред, правомерно причиненный в результате применения специальных средств, оружия и физической силы (п. 14 ст. 18 Закона о войсках национальной гвардии, п. 9 ст. 18 Закона о полиции, ст. 14 Закона о ФСБ).

Статья 28.3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» в качестве условий, исключающих дисциплинарную ответственность

военнослужащего, перечисляет все шесть обстоятельств, включенных в гл. 8 УК РФ.

Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Гаване (1990 г.), также оперируют термином «самооборона», при характеристике действий сотрудников правоохранительных органов.

Ст. 13 УВС ВС РФ увязывает право на применение оружия исключительно с необходимой обороной и крайней необходимостью (кроме применения оружия в боевых условиях и при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения). То есть, как следует из данной правовой нормы, при исполнении специальных обязанностей военнослужащие для применения оружия должны находиться в состоянии либо необходимой обороны, либо крайней необходимости.

Часть 2. ст. 45 Конституции Российской Федерации, которая предоставляет каждому право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, не разделяет в связи с этим граждан на категории, исходя из их служебного статуса. Более того, ч. 3 ст. 37 УК РФ определяет, что право на необходимую оборону равной мере имеют все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Постановление № 19, разъясняющее, что сотрудники силовых ведомств не подлежат уголовной ответственности за правомерно причиненный вред, в п. 30 раскрывает, что в качестве основания прекращения уголовного дела в данном случае будет являться отсутствие в деянии состава преступления.

Таким образом, нам думается, что высшая судебная инстанция, не распространяя положения о необходимой обороне на правомерно причинение вреда сотрудниками силовых ведомств при выполнении своих служебных обязанностей, имеет в виду, что их действия образует иное обстоятельство, не входящее в гл. 8 УК РФ, что косвенно подтверждается в п. 27 Постановления № 19.

Таким образом, военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей могут причинять правомерный вред охраняемым уголовным законом интересам, находясь как в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяний, так и в пределах прав на применение оружия, физической силы и специальных средств, которые предоставлены им федеральным законодательством.

Наряду с этим, законы о войсках национальной гвардии, о полиции и об ФСБ, предоставляя право и определяя порядок применения физической силы, оружия, специальных средств, при этом не регламентируют основания и условия причинения вреда охраняемым законом ценностям (за исключением случаев запрета на применение в отношении отдельных категорий лиц), а лишь регулируют служебные правоотношения, в которых военнослужащий (сотрудник) как представитель власти, участвует и в связи с которыми применяет особые орудия (средства)¹.

По мнению Т. Орешкиной, действия, которые лишены общественной опасности, не являются основанием возникновения права на необходимую оборону, какими, например, являются правомерные действия должностных лиц, применяющих силу при выполнении специальных обязанностей². С этим можно согласиться, однако, по смыслу всех обстоятельств, составляющих гл. 8 УК РФ, действия, совершаемые в их рамках всеми гражданами, настолько же исключают общественную опасность, как и действия должностных лиц.

Теория военно-уголовного права справедливо, на наш взгляд, признает, что необходимая оборона для отдельных категорий граждан является не только правом, но и обязанностью, опосредованную их специальным статусом³. При выполнении своих служебных обязанностей военнослужащие могут находиться в состоянии необходимой обороны⁴.

Получается, что, если военнослужащие (сотрудники) причиняют вред жизни или здоровью граждан при применении оружия, физической силы, специальных средств в пределах прав, предоставленных федеральным законодательством, они не будут нести ответственности за этот вред, поскольку таковое определяется самими законами. Если же они причиняют вред в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости или при задержании лица, то на них распространяются положения гл. 8 УК РФ. При этом, законы о войсках национальной гвардии, о полиции и о ФСБ России не содержат упоминания об оставшихся трех обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо, либо: а) распространять положения института обстоятельств, исключающих преступность деяния, на действия военнослужащих (сотрудников правоохранительных органов), при несении службы, либо: б) в гл. 8 УК РФ включить еще одно обстоятельство, такое, как правомерное причинение вреда при исполнении должностных обязанностей. Последний тезис уже получил отражение в научных исследованиях, посвященных исследуемой нами проблематике⁵.

¹ Корякин В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 3. С. 24—33; Савинов А.В. Правоотношения, возникающие при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в механизме уголовно-правового регулирования // Правовая культура. 2015. № 2(21). С. 44—51

² Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2016.

³ Военно-уголовное право : учебник / Х.М. Ахметшин, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник и др.; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М.: За права военнослужащих, 2008.

⁴ Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Специфика применения положений института необходимой обороны в деятельности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8. С. 46—51.

⁵ Щербак, С.И. О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих // Военное право. 2020. № 3(61). С. 271—280; Попов К.И. Правомерное причинение вреда при исполне-

Еще один аспект, который вызывает неоднозначное толкование — правовая природа причинения вреда здоровью или жизни лица, совершающего преступление, а равно оказывающего сопротивление при задержании уже после совершения такого деяния.

Ст. 27.1 КоАП РФ, определяет, что в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя и других обстоятельствах, уполномоченное лицо вправе применить меры обеспечения производства, такие, например, как доставление или административный арест, что предполагает применение мер принуждения, в том числе физической силы. Неповиновение законному распоряжению военнослужащего (сотрудника правоохранительного органа) так же является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 19.3 КоАП РФ.

Между тем, ст. 38 УК РФ в качестве оснований причинения вреда при задержании содержит упоминание исключительно о преступлении, что оставляет открытым вопрос о причинении вреда лицу, которое, совершив административное правонарушение, не позволяет себя задержать, но при этом не применяет насилие к представителю правоохранительного органа, чтобы его действия образовывали состав преступления, например, по ст. 318 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает изучение правомерности причинения вреда при задержании террористов. При проведении контртеррористической операции или пресечении отдельных проявлений терроризма (а равно задержании иных преступников), когда они отказываются сдаться, при этом захватили и удерживают заложников, угрожая убить их, может возникнуть ситуация вынужденного уничтожения злоумышленников. Ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» признает правомерным лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда его здоровью.

Ст. 38 УК РФ, устанавливая в качестве оснований правомерного причинения вреда лицу при его задержании доставление в органы власти и пресечение совершения им новых преступлений, таким образом, не указывает на лишение его жизни в ситуации, когда он удерживает заложников или отказывается сдаться.

Наиболее ярким примером уничтожения преступников при проведении контртеррористической операции является нейтрализация террористов, захвативших заложников в театре на Дубровке 23—26 октября 2002 г., при этом 750 заложников было спасено, а 130 погибло. СК России отказал в возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц, отвечавших за руководство спецоперацией. Как отмечается в некоторых источниках, уголовно-правовым основанием действий правоохранителей по отношению к погибшим заложникам явилась крайняя необходимость¹, поскольку в силу ст. 39 УК РФ именно им, как «третьим лицам» (первыми являются сотрудники, вторыми — оставшиеся в живых) был причинен жизненно опасный вред. Распространить положения ст. 38 УК РФ на данную ситуацию было бы проблематично, поскольку непосредственная цель действий правоохранителей была не задерживать преступников, а исключить возможность причинения ими вреда охраняемым законом ценностям. Ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) предусматривает, что лишение жизни является правомерным, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы, в том числе, для осуществления законного задержания. Нам думается, что сотрудники правоохранительных органов, ликвидировавшие террористов, по отношению к ним действуют в состоянии необходимой обороны, которая в ст. 37 УК РФ предоставляет право на причинение вреда посягающему лицу при

нии обязанностей военной службы // Военное право. 2020. № 2. С. 187—190.

¹ Капитонова Е.А. Особенности правового статуса военнослужащих, участвующих в проведении контртеррористической операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 2. С. 101—108.

защите личности и прав обороняющегося или других лиц.

Если с уничтожением лица при совершении им преступления или оказании вооруженного сопротивления более или менее понятно, то открытым остается вопрос с точечной ликвидацией террористов, которая осуществляется уже после совершенного ими деяния. П. 18 Постановления № 19 разъясняет, что само задержание лица, совершившего преступление, может производиться при отсутствии непосредственной опасности совершения данным лицом общественно опасного посягательства, но про лишение жизни оно не упоминает.

Европейский Суд по правам человека, рассмотрев дело по жалобе родственников А. Масхадова, который был уничтожен в ходе точечной ликвидации, не во время совершения, а уже после совершения террористического акта и при планировании следующего, признал, что применение силы в данном конкретном случае носило «абсолютно необходимый» характер и являлось вынужденной мерой¹.

Израиль, который одним из первых современных государств столкнулся с множественными проявлениями терроризма, достаточно давно и успешно применяет метод точечной ликвидации на основании постоянно действующего на территории страны чрезвычайного положения с 19 мая 1948 г., которое дает правительству широкие полномочия по обеспечению государственной безопасности.

13 декабря 2022 г. Государственная Дума Российской Федерации в первом чтении приняла законопроект № 246425-8 «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области,

Херсонской области»², ч. 2 ст. 2 которого исключает уголовную ответственность за преступления в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях, если они были направлены на защиту интересов России, граждан и организаций. Данный законопроект, таким образом, так же исключает преступность деяний вне положений гл. 8 УК РФ. Таким образом, изменение общественно-политических реалий диктует необходимость расширения обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Анализ правовых предписаний, регулирующих отдельные аспекты выполнения обязанностей военной службы, выявляет коллизии между установлением порядка и правил применения оружия и условиями правомерности необходимой обороны.

Наиболее наглядным примером, на наш взгляд, будет применение оружия часовым. Защита охраняемого объекта часовым при исполнении им обязанностей в ходе несения караульной службы позволяют квалифицировать его действия как необходимую оборону, поскольку в силу ст. 37 УК РФ он осуществляет вооруженную защиту охраняемых законом интересов государства. Как мы уже отмечали выше, ст. 13 УВС ВС РФ увязывает право применять оружие военнослужащим с состоянием необходимой обороны и крайней необходимости. Думается, что на часового распространяются, помимо полномочий, предусмотренных УГиКС ВС РФ и УВС ВС РФ, условия правомерности необходимой обороны в уголовно-правовой доктрине. Более того, в силу примата УК РФ как федерального закона над уставами, утвержденными указом Президента Российской Федерации, приоритет будет отдаваться требованиям ст. 37 УК РФ.

Одним из условий правомерности необходимой обороны является наличие посягательства, которая означает, что оборона должна осуществляться в тот момент,

¹ Постановление ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. «Дело Масхадова и другие (Maskhadova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18071/05) [рус., англ.] // СПС Консультант Плюс.

² Законопроект № 246425-8 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246425-8> (дата обращения 21.01.2023).

когда посягательство начато, но еще не окончено¹.

В соответствии со ст. 211 УГиКС ВС РФ, которая носит диспозитивный характер, то есть обязывает часового соблюдать алгоритм действий при приближении лиц к посту и проникновении на него, в том случае, если приближающийся к посту не выполняет требования часового остановиться после предупредительного выстрела, а равно обращается в бегство после этого, часовой применяет по нему оружие.

Наряду с этим, ст. 115 УГиКС ВС РФ определяет, что, применив оружие в случаях, предусмотренных данным уставом в ходе несения караульной службы, военнослужащие не будут нести ответственность за причиненный вред, в том числе, физический. При этом, в редакции, действовавшей до изменений, внесенных Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161, в статье оговаривалось, что ответственность будет исключена в том случае, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны, а также в условиях крайней необходимости.

Таким образом, часовой, применяя оружие по лицу, которое уже не совершает посягательство (наличность как условие правомерности необходимой обороны отсутствует), а удаляется от охраняемого объекта, с уголовно-правовой точки зрения превышает пределы необходимой обороны. Кроме того, как отмечается в теории уголовного права, при наличии возможности сохранить жизнь нападающему лицу обороняющийся (часовой) должен эту возможность реализовать². На наш взгляд, степень общественной опасности деяний лица, которое обращается в бег после предупредительного выстрела часового, не позволяет признать ее превалирующей над естественным и неотъемлемым правом на жизнь.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е издание, переработанное и дополненное, под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2021; Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

² Военно-уголовное право : учебник.

Итоги проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. На сегодняшний день военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов федеральным законодательством предоставляется право на причинение вреда охраняемым законом ценностям, которое не предусмотрено положениями гл. 8 УК РФ, что диктует необходимость дополнения уголовно-правовых норм иным обстоятельством, исключающим преступность деяния.

2. Положения УГиКС ВС РФ вступают в коллизию с нормами УК РФ о необходимой обороне, поскольку позволяют причинять вред жизни и здоровью лица уже после того, как совершаемое им посягательство прекращено. На наш взгляд, необходимо внести изменения в УГиКС ВС РФ в силу примата УК РФ над подзаконным нормативным правовым актом.

Библиография

1. Военно-уголовное право : учебник / Х.М. Ахметшин, И.Ю. Белый, Ф.С. Бражник и др.; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. — М.: За права военнослужащих, 2008. — 384 с.
2. Гарбатович, Д. Право на необходимую оборону в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Уголовное право. — 2013. — № 1. — С. 12—16.
3. Капитонова, Е.А. Особенности правового статуса военнослужащих, участвующих в проведении контртеррористической операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 2. — С. 101—108.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / 9-е изд., перераб. и доп., под ред. Г.А. Есакова. — М.: Проспект, 2021.
5. Корякин, В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 3. — С. 24—33.
6. Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Специфика применения положений института необходимой обороны в деятельности военнослужащих / В.В. Меркурьев, И.А. Тараканов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 8. — С. 46—51.
7. Орешкина, Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : учеб. пособие для магистрантов / Т.Ю. Орешкина. — М.: Проспект, 2016.
8. Попов, К.И. Правомерное причинение вреда при исполнении обязанностей военной службы /

К.И. Попов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 187—190.

9. Савинов, А.В. Понятие и признаки причинения вреда при необходимой обороне / А.В. Савинов // СПС Консультант Плюс. 2015.

10. Савинов, А.В. Правоотношения, возникающие при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в механизме уголовно-правового регулирования / А.В. Савинов // Правовая культура. — 2015. — № 2(21). — С. 44—51.

11. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. — М.: КОНТРАКТ, 2017.

11. Чукин, Д.С. Критерии правомерности обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния в условиях военной службы / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 6(263). — С. 69—76.

12. Щербак, С.И. О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих / С.И. Щербак // Военное право. — 2020. — № 3(61). — С. 271—280.

Военные проблемы международного права.
Зарубежное военное законодательство

Эволюция правовых основ миротворческого
потенциала Организации Договора о коллективной
безопасности

© Антонов Виктор Иванович,
доктор военных наук, доцент, профессор
кафедры автоматизированных систем
управления Ярославского высшего военного
училища противовоздушной обороны

Аннотация. В статье проводится анализ развития научных и правовых основ миротворческой деятельности в историографическом контексте, дан краткий обзор научных исследований в указанной сфере, а также освещается их роль в развитии концепции миротворчества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности.

Ключевые слова: концепция миротворческой деятельности, научные и правовые основы развития, проблемы по поддержанию мира, Организация Договора о коллективной безопасности, региональные вооруженные конфликты, причины кризисных ситуаций.

Evolution of the legal foundations of the peacekeeping potential of
the Collective Security Treaty organization

© Antonov V.I.,
Doctor of Military Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Automated Control
Systems of the Yaroslavl Higher Military School of
Air Defense

Abstract. The article analyzes the development of the scientific and legal foundations of peacekeeping in a historiographical context, a brief overview of scientific research in this area, as well as their role in the development of the concept of peacekeeping within the framework of the Collective Security Treaty Organization.

Keywords: the concept of peacekeeping, scientific and legal foundations of development, problems of peacekeeping, Collective Security Treaty Organization, regional armed conflicts, causes of crisis situations.

Потенциал Организации Договора о коллективной безопасности многообразен и не задействован до конца. Правовой инструментарий, находящийся в распоряжении у организации, позволяет ему быть одним из эффективнейших объединений на постсоветском пространстве в отношении целей укрепления стабильности и политического равновесия в Центрально-Азиатском регионе. Одним из инструментов, которые служат этим целям, является использование миротворческих сил ОДКБ,

которые должны быть подразделены в соответствии с более узкими задачами, выполнению которых они содействуют. Так, задействование данных сил в Приднестровье могло бы носить название операции по прекращению вооруженных столкновений (1992 г), в Грузии — по принуждению к миру (2008 г), а в Таджикистане — по прекращению огня (1993 г), в Нагорном Карабахе — по разъединению конфликтующих сторон (с сентября 2020 г), в Казахстане —

по охране стратегических объектов (январь 2022 г).

Данные операции внесли существенный вклад в урегулирование острых территориальных конфликтов. Но для того чтобы подлинно решить эти сложнейшие кризисы, необходимо иметь детально разработанную методику постконфликтного взаимодействия враждовавших сторон. Введенные войска обеспечивают порядок на территории, однако не предлагают конструктивного выхода из сложившихся тупиков. Выход видится в создании неких комиссий с представителями каждой из групп, в том числе местного, этнического населения, в рамках которых будет осуществляться постоянное «проговаривание» проблем и поиск возможных консенсусов. Таким образом, политическая воля сторон будет находить свое адекватное выражение, а накопление взаимной напряженности будет остановлено. Обязанности по поиску оптимальных для обеих сторон конфликта решений возлагаются в виде полномочий на миротворческих представителей третьей стороны, которая и вводила контингент для стабилизации обстановки. Так, таким посредником в Нагорно-Карабахском конфликте являлась Россия, проводя многие и длительные переговорные процедуры с высшими должностными лицами Армении и Азербайджана. При переговорных процессах ни в коем случае недопустимо игнорировать волеизъявление гражданских лиц и этнических групп, проживающих в зоне конфликта.

Активная миротворческая деятельность требует выстраивания и совершенствования механизмов финансирования, которые функционируют в рамках СНГ и ОДКБ, в том числе и в соответствии с нормами международного права. В связи с высоким уровнем конфликтного потенциала в сопредельных с Российской Федерацией государствах, действия российских миротворцев являются необходимым условием для обеспечения национальной безопасности России¹.

Стоит обратить внимание, что в российском законодательном поле существует пробел, касающийся концептуальных работ миротворческих процессов, методик их ведения, границ вмешательства и прочих этико-юридических вопросов. Данный вопрос делегирован Министерству обороны Российской Федерации, но, к сожалению, донныне со стороны ведомства не было сколько-нибудь решительных шагов по созданию комиссии, которой было бы поручено разработать Концепцию миротворчества Российской Федерации. Тем не менее, отсутствие декларативных норм не мешает государству быть активным внешнеполитическим посредником и главной стабилизирующей силой в Центрально-Азиатском регионе.

Начиная с 2000 г., последовательно на высшем уровне (имеются в виду Концепции внешней политики Российской Федерации от 2000 г.² 2008 г.³, 2013 г.⁴, 2016 г.⁵), в стратегиях национальной безопасности утверждается и презюмируется огромная стабилизирующая роль миротворческих инициатив как одних из самых действенных способов по недопущению острейших внешнеполитических кризисов на рубежах нашего государства. В Военной доктрине 2000 г. миротворчество было включено в основные формы обеспечения безопасности в мирное время, и причислено к одной из пяти главных форм действий

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 10.01.2000 г. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.07.2008 г. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013 г. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. // [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/?ysclid=lem81k5r8630685946 (дата обращения: 10.02.2023).

¹ Колесниченко О. Миротворчество-основа деятельности ООН // ВПК. 28.05.2008. № 21 (237).

Вооруженных Сил Российской Федерации¹. Однако, как уже упоминалось выше, нормативного определения процесса миротворчества в данном документе не содержалось. Стоит отметить, что в Военной доктрине от 5 февраля 2010 г. миротворчество предусматривало участие российских военнослужащих в международной миротворческой деятельности под флагом ООН, а также в соответствии с решением Совета коллективной безопасности ОДКБ и на основе мандата ООН и СНГ². В Военной доктрине 2014 г. отдельное внимание уделено роли ОДКБ в миротворческой деятельности, а также контингентам, выделяемым Российской Федерацией в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению СКБ ОДКБ³. В Концепции внешней политики России 2013 г. особая роль отводится развитию ОДКБ в качестве ключевого инструмента поддержания стабильности, обеспечения безопасности и развития миротворческого потенциала.

Именно этот Союз несет основную нагрузку по улаживанию взаимных территориальных претензий стран постсоветского Центрально-Азиатского региона. Как лоскутное одеяло, ОДКБ «стягивает» все эти государства в единое политическое поле, задает общую оборонно-тактическую повестку, единую международно-правовую тональность и обеспечивает консолидацию стран-участниц перед лицом общих угроз. Существование данного Союза демонстрирует приоритет сохранения международного баланса перед интересами отдельно взятых стран. Подтверждением этому становится договороспособность стран-участниц и их конструктивная политическая воля, направленная на поиск оптимальных решений, а не на разжигание локальных войн. Устав ОДКБ

закрепляет основные цели, суть которых сводится к укреплению мира, региональной и международной безопасности, а также защите территориальной целостности и независимости государств. Совет министров обороны (СМО) обеспечивает защиту интересов в сфере военно-технического сотрудничества и в целом определяет общую военную политику⁴.

С чего же началась миротворческая функция ОДКБ, что было началом?

Движение в данном направлении стартовало в 2001 г. с вынесения Решения Совета коллективной безопасности «О коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности». В 2004 г. страны Союза начали детализировать политико-правовые механизмы, посредством которых миротворческий потенциал будет реализовываться в международном политическом поле. Главной же вехой развития деятельности миротворчества стал 2007 г., когда был разработан и подготовлен основной пакет документов, регламентирующих осуществление миротворческой деятельности в рамках ОДКБ, было подписано Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности, а также был принят пакет основополагающих документов по нормативному и организационному оформлению в рамках ОДКБ механизма миротворческой деятельности. Одним из них стало Положение о коллективных миротворческих силах ОДКБ, определяющее принцип формирования контингента, уточняющее концепцию принятия решений об утверждении мандата и определяющее состав, задачи Коллективных миротворческих сил (КМС), порядок комплектования, подготовки и применения КМС. В Положении об Оперативной рабочей группе по подготовке миротворческих операций ОДКБ определены причины, характер и масштаб конфликта. Рабочая группа также осу-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации».

³ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976).

⁴ Устав Организации договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности [Официальный сайт]. URL: <http://www.odkb-csto.org> (дата обращения: 15.02.2023).

ществляет подготовку предложений по разрешению конфликтов и проведению миротворческих операций. Положение о главе миротворческой миссии ОДКБ определяет статус официального лица ОДКБ и наделяет его необходимыми полномочиями¹.

ОДКБ совершенствовала нормативно-правовую базу, наращивала свой миротворческий потенциал, ее эффективность была продемонстрирована в ходе первых учений в октябре 2012 г. «Нерушимое братство — 2012». Миротворческие силы ОДКБ бесспорно представляют из себя весьма внушительную силу, способную остановить региональный и локальный конфликт, тем самым, не дав хаосу захватить Центрально-Азиатский регион. Военнослужащие России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана образовали так называемые Коллективные силы быстрого развертывания, а в 2009 г. были образованы Коллективные силы оперативного реагирования², в 2012 г. — Коллективные миротворческие силы³. В декабре 2014 г. на сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) было принято решение о создании Коллективных авиационных сил и сил специальных операций. Авторитет миротворцев ОДКБ вырос настолько, что даже ООН признала эффективность данных подразделений и делегировала силам право действовать в иных точках земного шара, безусловно при наличии соответствующего мандата. Каждый конкретный случай рас-

сматривается пристально и подробно согласно процедурам, и в случае уместности вмешательства миротворческого контингента, ООН предоставляет такую возможность силам ОДКБ.

2022 г. стал особенно важным для всего Союза. Двадцатилетний юбилей — это огромный временной период, по итогам которого становится очевидным следующее:

- действенность либо неэффективность имеющегося правового инструментария и правовой базы ОДКБ;
- тенденции к усилению либо ослаблению политического авторитета Организации в мире;
- заинтересованность стран-участниц в своем членстве либо отсутствие таковой;
- новые вызовы, возникающие перед Организацией, как военно-политического характера, так и имеющие уголовно-правовую направленность (контрабанда, незаконные вооруженные бандформирования, незаконное пересечение границы, незаконное перемещение военной техники и прочее).

Столь значительную дату не смогли испортить даже попытки переворота в Казахстане, который стал первой страной, в юрисдикции которой осуществляли свой функционал Коллективные миротворческие силы ОДКБ. Передовые части прибыли к месту назначения спустя несколько часов после обращения главы государства.

Начало первой в истории миротворческой операции ОДКБ в Казахстане заставляет более детально проанализировать потенциал Организации в этой области. Стоит отметить, что миротворческая деятельность не рассматривалась в качестве приоритета для участников Договора о коллективной безопасности, поэтому в данном документе нет упоминания об использовании подобного рода инструментов кризисного урегулирования, как и в Уставе ОДКБ, принятом в 2002 г. Лишь к середине 2000-х годов на фоне происходивших на мировой арене событий государства-члены Организации решили приступить к формированию единого миротворческого потенциала. Этому послужил формировавшийся все эти годы международный

¹ Решение о документах по нормативному и организационному оформлению в рамках организации договора о коллективной безопасности механизма миротворческой деятельности от 06.10.2007г. [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности [Официальный сайт]. URL: <http://www.odkb-csto.org>. (дата обращения: 15.02.2023).

² Информационный Бюллетень Секретариата ОДКБ 23.03.2015 [Официальный сайт]. URL: <http://www.odkb-csto.org>. (дата обращения: 15.02.2023).

³ Международное Информационное Агентство «РОССИЯ СЕГОДНЯ» (бывшая РИА-новости) [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационного агентства «РОССИЯ СЕГОДНЯ» [Официальный сайт]. URL: <http://ria.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

запрос на наличие некой независимой силы, которая могла бы беспристрастно и справедливо распутывать сложнейшие узлы межэтнических, культурно-религиозных и территориальных противоречий. Миротворческий контингент как силовой компонент и формирование переговорной группы, вбирающей в себя представителей всех заинтересованных сообществ — эти два инструмента практикуются Организацией методично и поступательно. Важным решением на этом направлении стало подписание в 2007 г. Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ.

Возвратимся к Казахстану. Нагнетание революционной обстановки в стране вынудило президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева 5 января 2022 г. обратиться в ОДКБ за помощью¹. Уже на следующий день было опубликовано заявление председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ — премьер-министра Армении Никола Пашиняна, в котором он отметил следующее: «В связи с обращением президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева и ввиду угрозы национальной безопасности и суверенитету Республики Казахстан, вызванной, в том числе, вмешательством извне, Совет коллективной безопасности ОДКБ в соответствии со статьей 4 Договора о коллективной безопасности принял решение направить Коллективные миротворческие силы ОДКБ в Республику Казахстан на ограниченный по времени период с целью стабилизации и нормализации обстановки в этой стране»².

Генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась 6 января направил письмо в ад-

рес генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, в котором сообщил о проведении в Казахстане миротворческой операции. Кроме того, он проинформировал о действиях ОДКБ генерального секретаря ОБСЕ Хельгу Шмид и генерального секретаря ШОС Владимира Норова. Учитывая наличие официального запроса казахстанской стороны, все юридические процедуры были соблюдены и выполнены в соответствии с положениями Устава ООН³.

Совет коллективной безопасности ОДКБ определил, что миротворческой операцией будет руководить командующий Воздушно-десантными войсками Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковник А. Сердюков. Вполне ожидаемо основу миротворческого контингента ОДКБ в Казахстане составили элитные подразделения Вооруженных сил Российской Федерации и других государств-членов ОДКБ, которые полностью укомплектованы военными служащими, проходящими военную службу по контракту, оснащены самой современной военной техникой и постоянно участвуют в специализированных учениях.

При подобном развитии событий и весьма сложной процедуре принятия решений зачастую требуется много времени, от чего в конечном итоге страдает эффективность миротворческих операций. Недостаточно внимания уделяется специфике конфликтов на постсоветском пространстве, а также отсутствию общепринятой универсальной классификации миротворческих операций. Следуя логике, если организация осуществляет миротворческие операции, ей надлежит применять либо уже имеющуюся международно-признанную терминологию классификации, либо разработать собственную.

Нельзя не признать, что в совокупности имеющихся нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева на заседании Совета безопасности Республики Казахстан // 5 января 2022 г. состоялось внеочередная сессия Совета безопасности. Токаев обратился за помощью к партнерам по ОДКБ. [Электронный ресурс]. — URL: <https://24.kz/ru> (дата обращения: 15.02.2023).

² Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ – Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна // О принятии решения о вводе Коллективных миротворческих сил в Республику Казахстан. [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. <https://odkb-csto.org> (Дата обращения: 15.02.2023).

³ Генеральный секретарь ОДКБ проинформировал ООН, ОБСЕ и ШОС о проведении миротворческой операции в Казахстане. О направлении письма в адрес Генерального секретаря ООН, Генеральному секретарю ОБСЕ, Генеральному секретарю ШОС [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. <https://odkb-csto.org> (Дата обращения: 15.02.2023).

ОДКБ, назревает необходимость детально классифицировать и прописать все возможные виды противоречий, которые расшатывают единство стран-участников внутри самого Союза, равно как и типы конфликтов, где могут быть задействованы миротворческие ресурсы ОДКБ. Региональная конфликтология как научная отрасль должна быть на нормативном уровне встроена в систему международного права ОДКБ. Определение типов конфликтов необходимо для проработки адекватных ответов на них, методологии и порядка формирования переговорных и силовых блоков, призванных погасить противоречия различной этиологии. Силовой блок не может находиться в пренебрежении, хотя первичным, безусловно, является блок переговорный. Здесь уместно привести знаменитый тезис Карла фон Клаузевица в его основном труде «О войне»: «Война есть не что иное, как продолжение политики с привлечением иных средств»¹. Поэтому, учитывая постоянные геополитические изменения, а также усиление/ослабление различных центров силы, возникает необходимость соблюдения баланса между военным и переговорными инструментами урегулирования конфликтов².

Миротворчество является приоритетным направлением обеспечения безопасности государств. Тем не менее, даже при отсутствии системной работы в этом направлении Российской Федерации удалось остановить военные действия, установить мир и осуществить постконфликтное урегулирование.

Определенно можно утверждать, что две методики стабилизации ситуации в зоне конфликта являются эффективными и политически оправданными. Переговорный процесс как высшая форма международно-правовой дипломатии, основывающейся на международных декларациях, соглашениях и конвенциях, является спо-

собом бескровного урегулирования острейших ситуаций противостояния сторон друг другу. Тогда как введение миротворческих контингентов представляет собой уже силовое воздействие на зону конфликта, характеризующееся следующими признаками:

- принуждение сторон к миру;
- использование силы военных;
- контроль за передвижением лиц и транспорта в зоне конфликта;
- введение дополнительных ограничений, стесняющих обыкновенную жизнь гражданского населения.

Безусловно, договороспособность сторон конфликта позволяет избежать силового метода разрешения противоречий и сохранить все гражданские права и свободы мирного населения. Это наиболее благоприятный и оптимальный вариант поиска политико-правового консенсуса. Тем не менее, если существует необходимость задействования миротворцев, данные силы будут использованы в полном согласии с международным правом. Российская Федерация тщательно и безоговорочно следила за выполнением всех протоколов и соглашений по задействованию миротворческих контингентов в зонах конфликта.

Осуществление миротворческих операций силами европейских организаций представляется проблематичным, в том числе по причине предпринимаемых действий, не ведущих к получению практических результатов, таких как установление мира и прекращение боевых действий. Нельзя не признать того факта, что американские миротворческие силы и действовавшие совместно с ними партнеры определенным образом дискредитировали себя, создавая вместо равновесия еще большую эскалацию локальных и региональных конфликтов. В особенности неуместность присутствия данных сил проявляется на территории постсоветского пространства, возможно, в силу специфики региона. СНГ также исчерпало возможности в области миротворчества, в этой связи ОДКБ рассматривается как наиболее перспективная организация по осуществлению миротворческих операций. В рамках ОДКБ осуществляется активная работа по совершен-

¹ Сочинение «О войне» прусского военного теоретика генерала Карла фон Клаузевица (1780-1831), 1832. Ч. 1. С. 353

² Романчук С.И. К вопросу о предотвращении вооруженных конфликтов // Вестник государственного университета управления. 2012. № 17. С. 208—214.

ствованию нормативно-правовой базы миротворчества и приведение ее в соответствие нормам международного права и с учетом практики современного миротворчества. Отдельное внимание этому было уделено в 2014 г., когда Россия, как страна — председатель ОДКБ уделяла серьезное внимание дальнейшему повышению эффективности, совершенствованию механизмов оперативного реагирования и миротворческого потенциала Организации¹.

Тезис о неэффективности европейских организаций не отрицает необходимости сотрудничества с европейскими организациями и отдельными государствами с целью развития совместного миротворчества с другими международными организациями. Однако наиболее важной организацией, безусловно, является ООН. В качестве примера сотрудничества с ней может служить подписание меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Департаментом операций ООН по поддержанию мира, в рамках которого было отмечено укрепление миротворческого потенциала ОДКБ, а также о возможности использования опыта ООН в миротворческой деятельности ОДКБ.

Участие международных партнеров в политической жизни постсоветского пространства делает необходимым сотрудничество России с другими международными институтами в направлении коллективного взаимодействия при разрешении и урегулировании конфликтов при помощи инструментов дипломатии, в том числе с использованием мер экономического и гуманитарного характера, исключая использование военного компонента. На принятие решения об осуществлении миротворческих операций влияет характер национальных интересов государства, принимающего решение выступить в роли миротворца. Это очень важно подчеркнуть: миротворчество всегда должно оставаться беспристрастным (в исполнение принци-

пов независимости, справедливости) и не должно предоставлять возможность для легитимного присутствия военного контингента в конфликтном регионе для преследования интересов третьей стороны. Цель миротворческой операции — гармонизация регионального взаимодействия и наведение порядка в зоне конфликта, усиление законности и правопорядка, недопущение хаоса. Интересы третьей стороны как некоторая заинтересованность в том или ином исходе конфликта нарушает принцип беспристрастности и справедливости, а значит миротворческие силы, посылаемые данной стороной, не должны и не могут обслуживать ее узкие политические цели. Интересы всего региона превалируют над интересами одного государства.

В последнее время миротворческие операции стали значительно шире по выполняемым функциям, однако инициатива проведения операций по-прежнему является прерогативой Организации Объединенных Наций, участвующей в урегулировании конфликтов и разрешении споров по всему миру. Миротворческие операции давно отошли от старых традиционных форм. В их рамках стали больше внимания уделять оказанию гуманитарной помощи, поддержке экономической стабильности в конфликтном регионе, контролю за соблюдением прав человека, выкупу оружия у местного населения, проведению демократичных выборов и принятию других мер.

В миротворческих операциях традиционно принимают участие крупные военные контингенты ООН, получившие статус миротворческих сил (голубые каски) и выполняющие задачи по поддержанию или принуждению к миру.

Одним из возможных путей развития политики миротворчества на постсоветском пространстве мог бы стать осознанный выбор в пользу сотрудничества России и ООН с последующей выработкой рекомендаций для повышения эффективности общих операций и достижения мирных целей в масштабах планеты.

Значительный практический опыт России при осуществлении успешных миро-

¹ Ежегодная пресс-конференция министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова от 21.01.2015 г. по итогам деятельности российской дипломатии в 2014 году. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел [Официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

творческих операций на постсоветском пространстве позволяет говорить о большом потенциале международного сотрудничества. Анализ и совершенствование миротворчества, доработка концепции миротворчества требует постоянного внимания со стороны международных экспертов и организаций с целью определения универсальных подходов миротворчества и обеспечения безопасности на территории постсоветского пространства. Дипломатия оказалась наиболее эффективным методом миротворчества на территории постсовет-

ского пространства для урегулирования конфликтов. Использование Россией военного миротворческого контингента рассматривается как вынужденная мера и используется только в критических ситуациях.

Библиография

1. Романчук, С.И. К вопросу о предотвращении вооруженных конфликтов / С.И. Романчук // Вестник государственного университета управления. — 2012. — № 17. — С. 208—214.

Миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе: правовые условия и существующие проблемы

© Глебов Игорь Николаевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный советник Управления Президента
Российской Федерации по обеспечению
конституционных прав граждан

Аннотация. В статье рассматриваются правовые условия участия российских миротворцев в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе и существующие проблемные аспекты. Проведен краткий анализ сложившейся военно-политической ситуации в Нагорном Карабахе. Особое внимание обращается на позиции по урегулированию конфликта со стороны руководства Армении и Азербайджана, а также на влияние Турции и России в регионе. Делается вывод о том, что, исходя из складывающейся общественно-политической ситуации миротворческая миссия России в Нагорном Карабахе, истекающая в 2025 году, может быть продлена. При этом значительное влияние на урегулирование ситуации окажут результаты противостояния России странам НАТО в конфликте на Украине.

Ключевые слова: Карабахский конфликт, военно-политическая ситуация, эскалация, миротворчество, Россия, Азербайджан, Армения, Турция.

Russia's peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh: legal conditions and existing problems

© Glebov I.N.,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Chief Adviser to the Office of
the President of the Russian Federation for Ensuring
the Constitutional Rights of Citizens

Abstract. The article examines the legal conditions for the participation of Russian peacekeepers in the settlement of the conflict in Nagorno-Karabakh and the existing problematic aspects. A brief analysis of the current military-political situation in Nagorno-Karabakh was carried out. Particular attention is drawn to the positions on the conflict resolution on the part of the leadership of Armenia and Azerbaijan, as well as to the influence of Turkey and Russia in the region. It is concluded that, based on the current socio-political situation, the Russian peacekeeping mission in Nagorno-Karabakh, expiring in 2025, can be extended. At the same time, the results of Russia's confrontation with NATO countries in the conflict in Ukraine will have a significant impact on the settlement of the situation.

Key words: Karabakh conflict, military-political situation, escalation, peacekeeping, Russia, Azerbaijan, Armenia, Turkey.

В ночь на 10 ноября 2020 г. произошло событие, которое поставило точку в многолетнем долгоиграющем конфликте в Нагорном Карабахе, неоднократно перераставшем в настоящие войны, — главы России, Азербайджана и Армении подписали соглашение, согласно которому в Нагорно-Карабахскую Республику (далее

— НКР) вошли российские миротворцы¹. Дальнейшее существование НКР стало целиком и полностью зависеть теперь не от Армении, как раньше, а от пребывания на ее территории российского воинского контингента. По сути, де-факто ситуация в НКР стала полностью контролироваться Российской Федерацией. Это создает

¹ Соловьев В. Миротворцы — это звучит долго // Коммерсантъ. 2020. 11 ноября.

определенные риски, но и дает серьезные преимущества в плане удержания контроля за регионом в быстро меняющейся геополитической ситуации.

Согласно заключенному соглашению, на подконтрольной армянам территории НКР сроком на 5 лет (с возможностью дальнейшей пролонгации срока) размещается около 2 тыс. российских миротворцев, вооруженных стрелковым вооружением и усиленных легкой бронетехникой. При этом расположенная в Армении военная база в Гюмри обеспечивает авиационное и логистическое сопровождение миротворческой группировки. Суть сложившейся ситуации заключается в том, что с этого момента на территории Азербайджана, в Нагорном Карабахе, появилась российская военная инфраструктура, которая может трансформироваться в военную базу. Кроме того, по мирному договору Армения открывает транспортный коридор для Азербайджана через свою территорию в азербайджанский анклав Нахичевань. Данный коридор также охраняется российской военной полицией. Это требует развития военной инфраструктуры и на юге Армении, т.е. создаются предпосылки для создания и второй армянской базы — в дополнение к уже имеющейся базе в Гюмри¹.

В сложившейся ситуации ввиду имеющихся региональных особенностей Армении и потенциально враждебного тюркоязычного окружения, Россия является практически единственным реальным союзником для Армении, имеющим влияние в регионе, а также способного реально помочь в случае дальнейшей эскалации конфликта и возникновения угрозы национальной безопасности армян. Миротворческая миссия России способствует усилению позиций России как в Армении, так и в регионе в целом. Но необходимо отме-

тить, что сложилась данная военно-политическая ситуация далеко не сразу.

Фактический конфликт между Азербайджаном и Арменией из-за территориальной принадлежности Нагорного Карабаха, начавшийся с момента распада СССР, имеет исторические корни. Правильней говорить о возникновении серьезных противоречий еще в первой четверти XX в., когда к моменту образования азербайджанской республики в составе СССР нагорно-карабахские армяне оказались добровольно вступать в нее и взяли за оружие. Вообще же, расширяя исторические границы противостояния, необходимо признать, что армяне и тюркоязычные азербайджанцы конфликтовали в Нагорном Карабахе на протяжении столетий — с момента заселения данных территорий — с периодическим затуханием противостояния и вспыхиванием его вновь².

С политико-правовых позиций данный регион является международно признанной территорией Азербайджана, а саму НКР не признает в мире ни одно государство, в том числе и сама Армения³. Поэтому, как и в 1990-х годах, так и сейчас данный конфликт не носит статуса межгосударственного, а является проявлениями сепаратизма и внутренним конфликтом на территории Азербайджана. Однако Армения, ввиду этнического единства с жителями Нагорного Карабаха, оказывает НКР моральную, материальную и военнотехническую помощь. В том числе, согласно экспертным оценкам, около половины военнослужащих НКР являются гражданами Армении⁴.

Кроме этого, Армения, ввиду отсутствия признания НКР на мировой арене, являлась «официальным» представителем ее в переговорах разных уровней, выступа-

¹ Ниязов Н.С.О. Миротворцы России в Карабахе: итоги первых месяцев миссии // Исторический путь России: из прошлого в будущее : Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах. Под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. Санкт-Петербург, 2021. С. 367.

² Масталиев Е.А. Проблема Нагорного Карабаха // Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса : сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 267.

³ Полищук С.В., Швецов Р.В. Правовой статус Нагорного Карабаха // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2021. № 1 (23). С. 109.

⁴ Аббасова М. Карабах - историческая территория Азербайджана // Вопросы истории. 2022. № 5-2. С. 59.

ет своего рода правозащитником. Также, кроме территории бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджана (времен СССР), под контролем карабахских армян до начала боевых действий 2020 г. находились 7 исконных азербайджанских районов, которые они смогли оккупировать еще в первую карабахскую войну.

В Новейшей истории данный конфликт более 25 лет безуспешно пыталась решить специальная Минская группа ОБСЕ по урегулированию в Нагорном Карабахе, в состав которой, помимо участников конфликта, входили также посредники от крупных мировых держав: России, США и Франции. Решение вопроса НКР российская сторона Минской группы ОБСЕ по Карабаху предлагала с позиции, близкой к позиции Азербайджана, с которой были согласны и все остальные мировые игроки. Но руководство Армении не соглашалась идти ни на какие компромиссы, кроме признания независимости НКР. В результате из-за позиции армян конфликт в регионе оставался неразрешенным, что приводило к вооруженным столкновениям, боевым действиям и, в конце концов, окончательно перерос с полномасштабную войну¹.

Объясняется это целым комплексом причин политического, социального и экономического характера. В регионе на протяжении последних 30 лет после развала СССР менялась архитектура безопасности, чего армянская сторона не признавала и не хотела понимать. Если в начале 1990-х годов соотношение населения Армении и населения Азербайджана было примерно, как 1:2 (т.е. можно было говорить о сравнимом количестве и условном паритете), то сейчас, ввиду хронического снижения роста населения Армении и бурного роста населения Азербайджана это соотношение стало 1:4 в пользу Азербайджана. Увеличение населения и рост экономики Азербайджана, значительно более высокие, чем в Армении, создали дополнительные соци-

ально-экономические предпосылки для изменения ситуации в НКР. Для сравнения: только военный бюджет Азербайджана сопоставим со всем совокупным бюджетом Армении. В результате, с точки зрения демографии, экономики, вооружения, а тем более благодаря помощи Турции, Армения и Азербайджан стали совершенно неравными по силам противниками, что и привело к эскалации тлеющего годами конфликта².

Рассматривая сложившуюся ситуацию в регионе и роль российских миротворцев, отдельно необходимо упомянуть и военную составляющую конфликта. Все последние годы азербайджанцы «тестировали» армянскую оборону НКР, несколько раз проводили «разведку боем» для выявления слабых мест в обороне непризнанной республики. Финальной же проверкой стали боевые действия в июле 2020 г., которым первоначально в Армении особого значения не придали. Азербайджан давно и активно готовился к силовому разрешению конфликта в Нагорном Карабахе, проводил перевооружение и только искал геополитическую возможность к началу процесса силового захвата НКР.

Отметим и политический аспект сложившейся ситуации — руководство Армении не признавало существующий проблем социального, экономического и, что важнее всего, военного характера, не считывая на возможный силовой сценарий развития событий. При этом, руководство Армении скорее полагалось на помощь и лоббирование своих интересов многочисленной армянской диаспорой за рубежом. Кроме этого, возможно, Армения исходила из того, что наличие союзнических договоренностей в рамках ОДКБ позволит втянуть в конфликт, в случае его разрастания и перехода в силовую стадию, другие государства-участницы, прежде всего, Российскую Федерацию. Но Россия сохранила нейтралитет, а по сути — поддержала Азербайджан в произошедшем конфликте в 2020 г. К силовому же сценарию Арме-

¹ Маслакова-Клауберг Н.И., Садыкова Э.Л. Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 3 (28). С. 53.

² Галай А.А. Конфликт в Нагорном Карабахе: причины и перспективы урегулирования // Актуальные исследования. 2020. № 24 (27). С. 46.

ния практически не готовилась, поэтому понесла катастрофические политические, экономические и социальные потери, что и потребовало вмешательства российских миротворцев.

Участие российских миротворцев в разрешении конфликта способно обеспечивать баланс сил в Азербайджане с Турцией и обезопасит армян в нынешней НКР от геноцида. При этом выглядит важным организовать военную базу по типу армянской в Гюмри, что станет залогом перспектив мирного урегулирования в регионе и снижения рисков военного конфликта по части ОДКБ в будущем, причем в очень сложном для Российской Федерации месте — у России и Армении нет общей границы, а сама Армения в случае конфликта может оказаться в кольце врагов. Помочь ей в случае реального крупномасштабного конфликта на территории самой Армении будет почти невозможно — только за счет военной базы в Гюмри. Поэтому создаются значительные репутационные и политические риски для России и существует некая «подвешенность» ОДКБ.

Согласно подписанному мирному договору между Азербайджаном и Арменией при посредничестве Российской Федерации, в Нагорный Карабах (вернее те 2/3, что от него осталось по итогу войны) вводятся на 5 лет подразделения российских миротворцев. Но этот срок автоматически пролонгируется на новые 5-летние периоды, если ни одна из сторон не потребует прекращения миротворческой миссии за полгода до окончания срока. В экспертной среде сразу после того, как стало известно об особенностях пролонгации соглашения, возникла дискуссия о том, что миссия российских миротворцев, как только истечет обозначенный период, будет закончена без дальнейшего продолжения. Это видится возможным, исходя из того, что присутствие российских войск в НКР до их вывода делает вопрос объединения Азербайджана, как того многие хотели и ждали в республике, в принципе нерешаемым.

Кроме этого, ранее Азербайджан конфликтовал в Нагорном Карабахе лишь с армянами, а теперь ему вообще запрещено с кем бы то ни было конфликтовать. По

своей сути, НКР сейчас передана в распоряжение Российской Федерации, а это формирует совершенно другой уровень политических и военных отношений. То же самое касается и транспортного сообщения с азербайджанским анклавом Нахичевань, который переходит под надзор российской военной полиции, но уже в самой Армении.

С одной стороны, Азербайджану выгодно завершить долговременный конфликт своей победой — после вывода российских миротворцев провести очередную силовую операцию и выдвинуть армян со спорных территорий. С другой стороны, необходимо учитывать, что в данном случае Азербайджан будет не только решать свои национальные задачи, но и содействовать укреплению политического влияния Турции в регионе.

Несмотря на этническую близость турок и азербайджанцев, это все же разные народы. Азербайджанцы, несмотря на свою тюркоязычность, все же ближе к иранцам — туркам-шиитам. Аятолла Хаменеи, глава Ирана, по своей национальности — азербайджанец, и самих азербайджанцев в Иране больше, чем в собственно Азербайджане. Турция ориентирована на создание своего сакрального неосманского проекта «Великий Туран», который проходит через Азербайджан и дальше — в Среднюю Азию¹. Но, как правило, в подобных глобальных проектах региональные элиты участвовать по доброй воле не желают. Примером этому является участие национальных политических элит в развале СССР².

Поэтому для Азербайджана важно сохранять национальный суверенитет и личную, по своей сути наследственную, власть династии Алиевых. Кроме этого, крайне сложным выглядит вопрос необходимости допуска Турции к Каспийскому морю что приведет к усилению ее влияния на Среднюю Азию. В этой ситуации Рос-

¹ Абрамян А.С. Политика популизма Эрдогана — вызов в Нагорном Карабахе? // Постсоветский материк. 2020. № 3 (27). С. 47.

² Гасанова А.Б.К. Нагорный Карабах во внешней политике Турции // Запад — Восток — Россия 2020. Ежегодник. Москва, 2021. С. 102.

сия выступает идеальным противовесом растущему влиянию Турции в регионе, а миротворческие силы выполняют не только конкретные военные задачи, но и способствуют поддержанию необходимого баланса сил в регионе.

Азербайджан является одной из бывших республик СССР и некогда провинцией Российской империи. У нынешних независимых государств сложились глубокие экономические связи, создана инфраструктура, налажено взаимовыгодное сотрудничество, существуют крепкие международные связи и общие социально-экономические интересы. Экономически Азербайджан куда больше тяготеет к России и рынкам ЕАЭС, нежели к Турции.

Поэтому Азербайджан, несмотря на краткосрочное «тактическое» разочарование от нерешенного до конца вопроса Нагорного Карабаха (по результатам боевых действий в 2020 г. Азербайджан стал контролировать 2/3 территории непризнанной республики), в лице российского участия и базы на своей территории может искусно лавировать и получать выгоду от двух крупных региональных государств — России и Турции — получив долгосрочное стратегическое преимущество. Ограниченное военное присутствие России в Нагорном Карабахе может быть использовано Азербайджаном для сдерживания влияния Турции на свои внутренние дела и противодействия вхождению в глобальные проекты типа «Большой Туран».

Кроме этого, важно учитывать, что Азербайджан будет рассматривать ситуацию в НКР исходя из того, как будут решаться поставленные цели в специальной военной операции (СВО) на Украине. Полагаем, что успешное решение этих задач в условиях все более нарастающего противодействия стран НАТО позволит сохранять мир в Нагорном Карабахе и с большой долей вероятности говорить о пролонгации мирных соглашений и последующем

политическом решении давно назревших вопросов региона. С другой стороны, «неуспехи» России в СВО приведут к желанию Азербайджана окончательно разрешить конфликт в свою пользу. Полагаем, что к 2025 г. и окончанию миротворческой миссии СВО достигнет своих целей, что станет залогом мирного решения вопроса признания НКР, урегулирования спорной ситуации и снятия военной напряженности.

Библиография

1. Аббасова, М. Карабах — историческая территория Азербайджана / М. Аббасова // Вопросы истории. — 2022. — № 5-2. — С. 56—66.
2. Абрамян, А.С. Политика популизма Эрдогана — вызов в Нагорном Карабахе? / А.С. Абрамян // Постсоветский материк. — 2020. — № 3 (27). — С. 42—63.
3. Галай, А.А. Конфликт в Нагорном Карабахе: причины и перспективы урегулирования / А.А. Галай // Актуальные исследования. — 2020. — № 24 (27). — С. 45—47.
4. Гасанова, А.Б.К. Нагорный Карабах во внешней политике Турции / А.Б.К. Гасанова // Запад — Восток — Россия 2020. — Ежегодник. — М., 2021. — С. 100—104.
5. Маслакова-Клауберг, Н.И. Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов / Н.И. Маслакова-Клауберг, Э.Л. Садыкова // Вестник Института мировых цивилизаций. — 2020. — Т. 11. — № 3 (28). — С. 51—57.
6. Масталиев, Е.А. Проблема Нагорного Карабаха / Е.А. Масталиев // Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса : сборник научных трудов. — Казань, 2018. — С. 266—269.
7. Ниязов, Н.С.О. Миротворцы России в Карабахе: итоги первых месяцев миссии / Н.С.О. Ниязов // Исторический путь России: из прошлого в будущее : Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах. Под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. — Санкт-Петербург, 2021. — С. 365—371.
8. Полищук, С.В. Правовой статус Нагорного Карабаха / С.В. Полищук, Р.В. Швецов // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. — 2021. — № 1 (23). — С. 107—113.

Опыт реализации права граждан на замену военной службы альтернативной гражданской службой в зарубежных странах

© Лагашкина Юлия Валерьевна,
кандидат юридических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории (военного законодательства) научно-исследовательского отдела (военно-научной информации, военно-правовых проблем) ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается практика реализации права граждан на замену военной службы альтернативной службой в зарубежных странах по результатам которой обоснованы выводы о возможности использования зарубежного опыта в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: отказ от военной службы, соображения совести, альтернативная служба, Финляндская Республика, Швейцарская Конфедерация, Республика Беларусь.

Experience of realization of the right of citizens to replace military service with alternative civil service in foreign countries

© Lagashkina Yu.V.,
Candidate of Law, Junior Researcher at the Research Laboratory (Military Law) of the Research Department (Military Scientific Information, Military Legal Problems) Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article examines the practice of implementing the right of citizens to replace military service with alternative service in foreign countries, the results of which justify conclusions about the possibility of using foreign experience in this area.

Keywords: refusal of military service, conscientious objection, alternative service, Republic of Finland, Swiss Confederation, Republic of Belarus.

Предоставление государством права на отказ от военной службы по соображениям совести возникло в 60-х годах прошлого века. Реализации права граждан на отказ от военной службы по соображениям совести, сравнительному анализу альтернативной службы с военной службой было уделено достаточное количество внимания со стороны неправительственных организаций, занимающихся вопросами религии. В июле 1968 г. и в 1970 г. были проведены международные совещания по названному вопросу, где постановили, что право на

отказ от военной службы по соображениям совести является законным и неотъемлемым правом человека и государствам целесообразно принимать меры по организации невоенных форм службы, определяя порядок замены военной службы на альтернативную службу на благо мира и развития.

В этой связи Комиссия по правам человека ООН в 1971 г. выступила с законодательной инициативой о необходимости закрепить право на отказ от военной службы по соображениям совести в междуна-

родно-правовых документах о правах человека. Комиссия 22 марта 1971 г. обратилась к Генеральному секретарю ООН с просьбой представить ей информацию об отказе от военной службы по соображениям совести и запросить у государств данные относительно национального законодательства и практики, касающейся отказа от военной службы по соображениям совести и альтернативной службы. Затем Комиссией по правам человека было принято несколько резолюций, в которых государствам рекомендовалось рассмотреть вопрос о признании права граждан на отказ от военной службы по соображениям совести. Еще в 1971 г. на 27-й сессии Комиссия ООН по правам человека рассматривала и изучала вопрос о развитии и воспитании молодежи, об отказе от военной службы по соображениям совести на мировой арене.

8 марта 1989 г. Комиссия ООН по правам человека приняла Резолюцию, в которой отметила, что признает право каждого человека на отказ от военной службы по соображениям совести как законное осуществление права на свободу мысли, совести и религии, изложенного в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г., а также в ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

Вместе с тем в ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах говорится, что термином «принудительный или обязательный труд» не охватываются никакая бы то ни была служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим или религиозно-этическим мотивам, никакая бы то ни была служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам».

В резолюции комиссии ООН по правам человека от 8 марта 1995 г. 1995/83 «Отказ от военной службы по соображениям совести» также говорится о признании права каждого человека на отказ от несения военной службы по соображениям совести в качестве законного осуществления

права на свободу мысли, совести и религии. Более того, в данной резолюции сказано, что альтернативную службу можно проходить как в воинских формированиях, так и в гражданских. Критерии отличия альтернативной службы военного характера от альтернативной гражданской службы закреплены в резолюции 1995/83 от 8 марта 1995 г. Комиссии по правам человека ООН (далее Резолюция от 8 марта 1995 г. № 1995/83).

Вместе с тем, в Резолюции от 8 марта 1995 г. № 1995/83 Комиссия по правам человека ООН акцентировала внимание на том, что прохождение альтернативной службы следует предусмотреть исключительно в организациях, не подведомственных Вооруженным Силам.

В принятой Комиссией ООН по правам человека резолюции от 22 апреля 1998 г. № 1998/77 «Отказ от несения военной службы по соображениям совести» п. 4 гласит: «ввести для лиц, отказывающихся от несения военной службы по соображениям совести, различные формы альтернативной службы, которые были бы совместимы с соображениями совести, служащими поводом для отказа, носили бы нестроевой или гражданский характер, отвечали бы общественным интересам и не носили бы характера наказания».

Таким образом, можно прийти к выводу, что согласно данным резолюциям альтернативная служба не должна быть связана никоим образом с вооруженными силами.

Однако согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» граждане проходят альтернативную службу, в том числе, в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (ч. 1 ст. 4).

Согласно ст. 79 Конституции Российской Федерации решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Более того, Кон-

ституция Российской Федерации закрепила положение, регламентирующее верховенство федеральных законов на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4).

Вышеизложенное вновь возвращает нас к вопросам соотношения международного и национального права, особенно в условиях кризиса мирового правопорядка¹. При этом применительно к рассматриваемому вопросу необходимо отметить, что нормы перечисленных международно-правовых актов в части запрета на управление альтернативной службой со стороны военных ведомств не могут быть применимы на территории Российской Федерации, поскольку альтернативная служба напрямую связана с Вооруженными Силами, войсками, воинскими формированиями и органами.

В современном мире альтернативную службу на государственном уровне признают многие страны, в том числе среди европейских государств: это Финляндия, Швейцария, Австрия, Греция, Литва; среди государств Латинской Америки — Бразилия и Мексика; а также ряд стран Содружества Независимых Государств, ранее входивших в состав СССР, — Армения, Беларусь, Узбекистан, Молдова. Кроме этого, альтернативная служба практикуется в Грузии и Южной Корее.

Среди европейских государств наибо-

лее яркий пример применения альтернативной службы демонстрирует **Финляндская Республика**. Еще в далеком 1970 г. члены религиозной организации Свидетели Иеговы подверглись тюремному заключению за отказ служить в армии².

Финляндская Республика прошла большой путь в рамках становления и развития альтернативной службы. В течение определенного времени вопрос альтернативной службы вызывал в данной стране ожесточенные споры. Связано это было с тем, что в сравнительном соотношении между отказывающимися проходить военную службу и заявлявшими о направлении их на альтернативную службу, отказов в пользу последних было больше. Достаточно популярной процедурой являлось проведение индивидуальных собеседований, в том числе и перед трибуналом. И поскольку практиковалась подобная процедура, трибунал мог вынести решение о тюремном заключении в случае, если он приходил к выводу, что гражданин посредством предоставленного права на альтернативную службу со злым умыслом хотел уклониться от военной службы.

Однако в 1985 г. был принят Закон об альтернативной службе, в котором отсутствовала процедура рассмотрения заявлений в индивидуальном порядке, но, вместе с тем, срок альтернативной службы был увеличен. Граждане на альтернативной службе находились в два раза дольше (1 год и 4 месяца), по сравнению с теми, кто нес военную службу. Срок военной службы составлял 8 месяцев. Вместе с тем, в данном Законе было много противоречий и из-за этого на практике возникали не совсем спокойные настроения, которые выражались в частых протестах³.

В этой связи в Закон об альтернативной службе в 1991 г. были внесены изме-

¹ Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. // Том II. Современное состояние военного права (институты военного права). Москва. Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022; Гаврилов С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате "круглого стола" по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права" т. III монографии "Военное право") / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. 2022. № 12. С. 59—67; Холиков, И. В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132—148.

² Международная религиозная организация, деятельность которой в Российской Федерации признана экстремистской и запрещена (решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238).

³ Низов И.В. Зарубежный опыт альтернативной гражданской службы (на примере Германии, Финляндии, Латвии) // Социальная политика и социология. 2012. № 4. С. 303.

нения, заключавшиеся в сокращении срока прохождения альтернативной службы (11, 13 месяцев). Вместе с тем, тот гражданин, которому военная служба была заменена на альтернативную и он отказывался её проходить, то он приговаривался к тюремному заключению. Возникает вопрос, почему срок прохождения альтернативной службы составляет и 11, и 13 месяцев? Прохождение альтернативной службы в интересах обороны и безопасности государства составляло одиннадцать месяцев. В то же время прохождение альтернативной службы в интересах общества (социальная защита и т.д.) составляло тринадцать месяцев.

В 1998 г. срок военной службы был сокращен с восьми до шести месяцев, а срок прохождения альтернативной службы остался прежним. Такое положение дел в отношении сроков прохождения военной или альтернативной службы вызвало достаточно сильную критику в финском обществе, многие считали и высказывались, что сроки прохождения военной и альтернативной служб несоразмерны друг другу.

В конечном итоге, срок прохождения альтернативной службы установлен на уровне 12 месяцев, что в 2 раза превышает продолжительность военной службы, из которых 1 месяц — тренировочный период, который представляет собой посещение образовательных мероприятий в области безопасности жизнедеятельности, где призывники изучают основы оказания первой медицинской помощи и пожарной безопасности, учатся поисковым мероприятиям и спасению людей, 11 месяцев — прохождение альтернативной службы в соответствующих предусмотренных законодательством учреждениях, остальное время — это дополнительные тренировки.

Интересным является факт, что в Финляндской Республике военнообязанный гражданин подает заявление в Министерство обороны или в военный комиссариат. При этом, заявления на прохождение альтернативной службы (финск. *siviilipalvelus*) принимаются в автоматическом режиме во время призыва, а также в период прохождения военной службы (то

есть альтернативная служба в Финляндской Республике носит заявительный характер). Кроме этого, альтернативную службу могут пройти и резервисты. Во время прохождения альтернативной службы в Финляндской Республике выплачивается денежное пособие в таком же размере, как и во время службы в армии.

Несмотря на увеличенные сроки прохождения альтернативной службы в интересах общества, граждане Финляндской Республики проходят альтернативную службу в отраслях социального обеспечения, здравоохранения, образования, культуры, природосбережения или в службе спасения.

В 2007 г. Парламент Финляндской Республики утвердил поправки к законам, предусматривающие службу в период мобилизации.

Лица, выбравшие невоенную (альтернативную) форму прохождения службы, могут быть призваны соответствующим распоряжением Центра невоенной службы или Министерства занятости и экономики Финляндской Республики к прохождению невоенной службы в период мобилизации. Во время частичной или полной мобилизации, определяемой Законом «О воинской обязанности», лица, находящиеся в резерве (в том числе и дополнительном), могут быть направлены на невоенную службу. Лица, которым исполнилось 50 лет на момент объявления о частичной либо полной мобилизации, призываются на невоенную службу только на основании решения Парламента страны.

Лица, освобожденные от прохождения военной и невоенной службы по состоянию здоровья, могут быть направлены на повторное медицинское обследование с целью установления их годности к той или иной службе в период мобилизации.

Прохождение невоенной службы в период мобилизации осуществляется под руководством Центра невоенной службы, а также может осуществляться под руководством органов гражданской защиты в соответствии с Законом «О гражданской защите» (468/2003).

Оборонительные силы Финляндии в период полной мобилизации имеют право

призывать на военную службу лиц, выбравших невоенную службу. Это происходит только в том случае, если комиссия сочтет, что убеждения вышеуказанных лиц не могут препятствовать им в прохождении военной службы.

В **Швейцарской Конфедерации** альтернативная служба именуется гражданской службой и регулируется Федеральным законом «О гражданской службе» от 6 октября 1995 г., Федеральным законом от 3 февраля 1995 г. «Об армии и военной организации»¹.

Право на гражданскую службу носит заявительный характер, поэтому рассмотрение заявлений граждан, реализующих право на альтернативную службу, и проверка их убеждений не практикуются. Вместе с тем, в случае возникновения антивоенных убеждений во время несения военной службы, военнослужащий по призыву может быть переведен с военной службы на гражданскую.

Важно подчеркнуть, что согласно Федеральному закону от 3 февраля 1995 г. «Об армии и военной организации» предусматривается возможность пройти военную службу без оружия в гражданской обороне. При этом необходимо обратить внимание на то, что между службой без оружия и гражданской службой существует отличие. Оно заключается в том, что только те граждане, которые были признаны негодными к военной службе обязаны пройти службу в гражданской обороне. Они остаются военнообязанными. Нельзя выбрать вместо военной службы службу в гражданской обороне, но можно сделать запрос исключительно на гражданскую службу.

Кроме того, у призывника отсутствует возможность выбрать место прохождения гражданской службы, но вместе с тем, если существуют определенные пожелания, они могут быть учтены комиссией. Тем не менее, граждане проходят, как правило, гражданскую службу по месту жительства.

Срок прохождения гражданской служ-

бы установлен на уровне 13 месяцев, что в 2 раза превышает продолжительность военной службы.

Гражданскую службу можно пройти в больницах, социальных учреждениях для престарелых и инвалидов, в строительных организациях. Кроме того, имеют место и командировки в другие страны в целях обеспечения защиты окружающей среды. Такой вид службы наиболее популярен, поскольку осуществляется серьезный отбор и в подобные командировки направляется всего 1 % граждан, проходящих гражданскую службу. Требования к данной категории предъявляются очень строгие. Во-первых, у кандидата должен быть документ, подтверждающий окончание профессиональной образовательной организации, либо данное лицо находится в статусе обучающегося не менее чем два года. Во-вторых, кандидат должен свободно владеть официальным языком той страны, куда его потенциально могут направить, а также знать местные обычаи и условия проживания. В том случае, если обстановка в той стране, куда он отправляется, считается опасной, то ему целесообразно будет пройти курсы самообороны и самозащиты с целью возможной ситуации, где ему необходимо будет дипломатично урегулировать конфликт.

Интересным также является опыт **Республики Беларусь** в сфере организации альтернативной службы. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 276-ФЗ «Об альтернативной службе» под таковой понимается форма исполнения обязанности по защите Отечества взамен воинской службы, если ее несение противоречит религиозным, философским, политическим, морально-этическим, нравственным и иным убеждениям.

Важным условием в направлении на альтернативную службу является подача заявления до призыва на военную службу либо во время прохождения военной службы.

Призывная комиссия в месячный срок обязана рассмотреть заявление гражданина и уведомить его повесткой о дате заседания.

¹ Альтернативная служба без границ // URL: <https://alternativeservice.info/sluzhba-vne-granicz/shvejczariya/> (дата обращения 05.02.2023).

На заседании призывной комиссии проверяются основания, побудившие гражданина выбрать альтернативную службу. Если у призывной комиссии возникли определенные сомнения, последняя может направить соответствующие запросы по проверке представленных сведений в иные организации, которые могут подтвердить или опровергнуть данные сведения.

На заседание призывная комиссия единоличным решением может пригласить представителей религиозных и иных организаций, других граждан, которые могут дать пояснения по существу заявления.

По результатам заседания призывная комиссия принимает решение о направлении гражданина на альтернативную службу либо об отказе в данном направлении, приложив к этому мотивированное решение с причинами отказа. Данное решение может быть обжаловано гражданином в судебном порядке.

Если в отношении гражданина вынесено решение о направлении его на альтернативную службу, Управление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь определяет место прохождения альтернативной службы.

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об альтернативной службе» граждане проходят альтернативную службу в организациях здравоохранения, социальной сферы, жилищно-коммунального, сельского и лесного хозяйства, в организациях, занимающихся благоустройством территорий, строительством и ремонтом дорог и железнодорожных путей, кроме того, такие граждане могут привлекаться к участию в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в течение следующих сроков: для не имеющих высшего образования — 36 месяцев; имеющих высшее образование — 12 месяцев.

Что касается статуса граждан, проходящих альтернативную службу, осуществления его прав, обязанностей, социальных гарантий, то здесь отдельное внимание стоит уделить тому, что при прохождении альтернативной службы существуют определенные ограничения, которые выража-

ются в том, что данные граждане могут привлекаться к участию в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, что само собой предусматривает определенные ограничения, так как данная деятельность связана с риском для жизни и здоровья.

Для граждан, назначенных на должности альтернативной службы, Законом предусмотрены:

- представление документов работодателю по прибытии;
- заключение трудового договора в трехдневный срок со дня прибытия;
- отсутствие испытательного срока;
- ответственность с учетом особенностей, связанных с прохождением альтернативной службы;
- перевод из одной организации в другую;
- отпуск в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом;
- обеспечение проезда граждан при использовании ими ежегодного оплачиваемого отпуска к месту жительства и обратно.

С учетом вышесказанного можно заключить, что в настоящее время многие страны мира предусматривают право на отказ от прохождения военной службы по различным основаниям. Проанализировано действующее национальное законодательство в области права на альтернативную службу в Финляндской Республике, Швейцарской Конфедерации, Республике Беларусь.

С точки зрения автора, анализ наиболее значимых международно-правовых договоров в области предоставления гражданину права на отказ от несения военной службы по убеждениям, зарубежного опыта альтернативной гражданской службы, осмысление негативных и позитивных сторон данной службы представляет интерес для дальнейшего развития и совершенствования конституционно-правового механизма реализации права граждан Российской Федерации на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой.

Среди позитивных сторон применения альтернативной службы в зарубежных

странах особый интерес вызвал опыт Республики Беларусь в части законодательного закрепления права призывной комиссии единоличным решением приглашать на заседание представителей религиозных и иных организаций, других граждан, которые могут дать пояснения по существу заявления гражданина на альтернативную службу и тем самым могут помочь в вынесении мотивированного решения о направлении или отказа в направлении на альтернативную службу.

На основании этого полагаем, что опыт Республики Беларусь в этой части может быть применен в законодательстве Российской Федерации.

Библиография

1. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. // Том II. Современное состояние военного права (институты военного права). Москва. Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888с.
2. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. — Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — Москва. Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
3. Гаврилов, С.О. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате "круглого стола" по материалам гл. 6 "Военные проблемы международного права" т. III монографии "Военное право") / С.О. Гаврилов, И.Н. Глебов, С.Г. Чукин [и др.] // Государство и право. — 2022. — № 12. — С. 59—67.
4. Низов, И.В. Зарубежный опыт альтернативной гражданской службы (на примере Германии, Финляндии, Латвии) / И.В. Низов // Социальная политика и социология. — 2012. — № 4. — С. 294—312.
5. Холиков, И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26, № 11. — С. 132—148.

Военная полиция в Российской Федерации и США: сравнительный анализ правового положения и полномочий в области расследования преступлений

© Рогатков Макар Викторович,
студент магистратуры факультета права и
управления ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет», Самарский
филиал

Аннотация. Статья посвящена анализу правового положения военной полиции США и военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в системах военной юстиции соответствующих государств, сравнению функций этих органов, их полномочий в области расследования преступлений.

Ключевые слова: военная полиция, военная юстиция, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность.

Military police in the Russian Federation and the United States: a comparative analysis of the legal status and powers in the field of crime investigation

© Rogatkov M.V.,
First year master's student of the Faculty of Law and
Management of the State Autonomous Educational
Institution of Higher Education «Moscow City
Pedagogical University», Samara branch

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legal status of the US Military Police and the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation in the military justice systems of the respective states, comparison of the functions of these bodies, their powers in the field of crime investigation.

Key words: military police, military justice, criminal procedure, operational-search activity.

Сравнение правового положения военной полиции Российской Федерации и военной полиции США целесообразнее начать с рассмотрения их места в системе органов военной юстиции соответствующего государства, поскольку именно оно во многом предопределяет объем их полномочий, цели и задачи деятельности.

Количество органов, представляющих военную юстицию в США, достаточно велико. Среди них следует назвать:

1) в ВМФ — Master-at-arms (военно-полицейский орган) и Naval Criminal Investigative Service (военный следственный орган в КМП и ВМФ США);

2) в ВВС — United States Air Force Security Forces и United States Air Force Office

of Special Investigations, военно-полицейский и военный следственный органы соответственно;

3) в Сухопутных войсках — United States Army Military Police Corps (собственно военная полиция армии США) и United States Army Criminal Investigation Division Command (далее — USACIDC, следственный орган)¹;

4) военные суды (Courts-martial of the United States):

а) первой инстанции: summary trials

¹ АТП 3-39.10 (FM 19-10) Law and Order Operations. Washington, DC. Department of the Army. 2011. P. 168.

(т.н. дисциплинарные суды¹, предполагающие упрощенное производство по незначительным делам), общие военные суды, специальные военные суды²;

б) военные апелляционные суды — апелляционные суды видов вооруженных сил США и апелляционный суд США по делам вооруженных сил (высшая судебная инстанция в системе военных судов)³.

5) военные прокуроры — осуществляют надзор за соблюдением порядка судопроизводства, проводят консультации по правовым вопросам для командиров подразделений, представляют интересы солдат в рамках состязательного процесса, поддерживают обвинение, занимают должности судей в военных судах⁴.

При этом все вышеприведенные военно-полицейские и военно-следственные органы находятся в ведении Министерства обороны США и так или иначе подчинены ему; корпус военных прокуроров формируется из офицеров и возглавляется главным военным прокурором, который подчиняется непосредственно министру обороны США; состав военных судов формируется органами или должностными лицами так или иначе подчиненными министерству обороны США из таких же лиц (за исключением апелляционного суда США по делам вооруженных сил). Таким образом вся полнота власти в области военной юстиции в конечном итоге принадлежит министерству обороны США.

В Российской Федерации система органов военной юстиции, напротив, крайне децентрализована. В неё входят:

1) прокуратура Российской Федерации (в лице органов военной прокуратуры), не подчинена Министерству обороны Российской Федерации и не является органом

исполнительной власти⁵;

2) Следственный комитет Российской Федерации и входящие в него военные следственные органы, не подчиненные Министерству обороны. Как и прокуратура, из состава которой он был «выделен», СК России не являются органом исполнительной власти⁶;

3) военные суды Российской Федерации (как часть судебной системы Российской Федерации), осуществляющие правосудие самостоятельно и подчиняющиеся только Конституции Российской Федерации и закону⁷;

5) юридическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации;

4) военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации⁸.

Последние два из названных органов военной юстиции входят в структуру Минобороны России.

Функции военной полиции США группируются в три основных направления («дисциплины»): полицейские операции, деятельность по содержанию лиц под стражей, поддержка безопасности и мобильности войск.

Полицейские операции являются фундаментальной основой деятельности военной полиции США, на которой строится исполнение всех остальных ее полномочий. Данное направление объединяет функции по осуществлению правоохранительной деятельности (поддержание законности и дисциплины), управлению дорожным движением (контроль за движением транспорта, соблюдением правил дорожного движения и расследование дорожно-транспортных происшествий), расследованию преступлений (совместно с USACIDS), сопровождению таможенных операций (помощь федеральным

¹ Кондратьев С.М. Военная юстиция США // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 3(13). С. 40—42.

² 10 U.S. Code § 816 - Art 16. Courts-martial classified.

³ 10 U.S. Code § 866-867.

⁴ АТТР 3-39.10 (FM 19-10) Law and Order Operations. Washington, DC. Department of the Army. 2011. P. 169.

⁵ Ст.4, 46 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

⁷ Ст. 5 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

⁸ Ст. 25, 25.1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне».

агентствам в борьбе с незаконным оборотом предметов через армейские каналы), контролю за гражданским населением (разоружение, интернирование, борьба с повстанцами и организованной преступностью), поддержке гражданских правоохранительных органов (контртеррористическая деятельность, борьба с массовыми беспорядками, иная помощь), установлению и поддержанию сотрудничества с иными организациями, биометрической и криминалистической деятельности.

Деятельность по содержанию лиц под стражей — это широкий термин, который включает задержание, досмотр, транспортировку, лечение, охрану, размещение, перевод и освобождение широкого круга лиц, которых можно отнести к той или иной категории задержанных. Это пленные солдаты противника, интернированные гражданские, задержанный гражданский персонал (ст. 28 Первой Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г.), иные задержанные лица (лишившиеся статуса нонкомбатантов, присоединившись к негосударственной вооруженной группе противника, а также комбатанты, лишившиеся привилегий своего статуса вследствие шпионажа или иных подобных действий). Подразделения военной полиции США не только обеспечивают работу собственных учреждений, но и, при необходимости, оказывают поддержку исправительным учреждениям на занятой территории.

Обеспечение безопасности и мобильности — выполняя эту задачу, подразделения военной полиции способствуют безопасному перемещению ресурсов по театру военных действий, чтобы гарантировать, что командиры получают силы, припасы и оборудование, необходимые для достижения тактических задач (ведут разведку, охраняют маршруты снабжения, взаимодействуют с отставшими от основных сил подразделениями). Служащие военной полиции предпринимают упреждающие меры по обнаружению, сдерживанию и поражению угрожающих сил, действующих в районе военных действий (охраняют военные объекты и конвои, наблюдают за

возможными местами высадки десанта противника, отражают неожиданные атаки на критически важные объекты), занимаются охраной особо важных лиц, эвакуацией нонкомбатантов. Для обнаружения наркотиков или взрывчатых веществ могут использоваться служебные собаки¹.

Особой задачей военной полиции, интегрированной во все ее операции, является т.н. полицейская разведка, которая предполагает сбор и анализ информации с доведением ее в необходимых случаях до иных подразделений.

Армия США в лице ее следственных органов обладает полномочиями по расследованию всякий раз, когда в деле существует интерес армии, и полномочия по расследованию не были специально закреплены за другим государственным органом.

Как правило, интерес армии существует, когда выполняется одно или несколько из следующих условий²:

1) преступление совершено на военном объекте или в районе, находящемся под контролем армии;

2) есть основания полагать, что подозреваемый может быть привлечен к ответственности в соответствии с Uniform Code of Military Justice;

3) имеются основания полагать, что подозреваемый может быть гражданским служащим министерства обороны США или подрядчиком министерства обороны США, совершившим правонарушение в связи с возложенными на него контрактными обязательствами;

4) армия выступает лицом, потерпевшим от преступления;

5) необходимо защитить личный состав, имущество или порядок на армейских объектах от преступных действий, которые оказывают прямое негативное влияние на способность армии выполнять свои задачи.

Полномочия в области расследования преступлений военная полиция армии США делит с USACIDC, которое является

¹ FM 3-19.1 Military Police Operations. Washington, DC. Department of the Army. 2019. P. 26-60.

² AR 195-2 Criminal Investigation Activities. Washington, DC. Department of the Army. 2014. P. 5.

единственным агентством в армии США, ответственным за расследование преступлений наказуемых смертной казнью или лишением свободы на срок более одного года (felony) или специально указанных в Army Regulation 195-2 и других законах преступлений¹. USACIDC сохраняет за собой право на расследование мелких правонарушений только в том случае, если они совершены в связи с другим правонарушением, расследуемым USACIDC.

Следователи военной полиции по общему правилу занимаются теми преступлениями, которые не расследуются USACIDC.

На следователей военной полиции, как правило, возлагается расследование следующих преступлений²:

1) самое строгое наказание за которые составляет не более 1 года лишения свободы (misdemeanor), если они не совершены в связи с иным правонарушением, расследуемым USACIDC;

2) против собственности (кража, растрата, мошенничество, в т.ч. в отношении военного имущества) до определенной суммы ущерба;

3) о краже личных транспортных средств (до определенной стоимости);

3) о неправомерном завладении транспортным средством с причинением ущерба до определенной суммы;

4) о нанесении телесных повреждений, если жертве не требуется длительное (более 24 часов) лечение и если она старше 16 лет;

5) о подделке ценных бумаг США до определенной суммы.

Следователи военной полиции США имеют право проводить следующие следственные действия³:

1) взятие под контроль места преступления, обеспечение его охраны;

2) выявление причастных лиц, как подозреваемых, так и свидетелей;

3) сбор и сохранение вещественных

доказательств;

4) осмотр места преступления с использованием заметок, зарисовок и фотосъемки;

5) допрос потерпевших, подозреваемых и свидетелей, получение от них письменных показаний;

6) сбор сопутствующих документов, необходимых для поддержания расследования;

7) обыск помещений и иного имущества;

8) личный обыск;

9) производство судебной экспертизы (в т.ч. при поддержке ресурсов USACIDC).

Первые четыре функции в списке для военных полицейских (нередко оказывающихся на месте преступления раньше USACIDC или «гражданских» правоохранительных органов) являются наиболее важными и выполняются даже по тем преступлениям, по которым военная полиция США расследование не ведет⁴.

Органы военной полиции США уполномочены осуществлять и оперативно-розыскную деятельность, в частности, наблюдение (полученная в ходе которого информация может использоваться для проведения конкретных уголовных расследований или для поддержки разведывательной деятельности), отождествление личности, розыск лиц и военного имущества США⁵.

В соответствии со ст. 19 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ)⁶ основными направлениями ее деятельности являются:

1) обеспечение правопорядка и воинской дисциплины, законности, противодействие преступности;

2) осуществление полномочий органа

⁴ ATP 3-39.12 Law Enforcement Investigations. Washington, DC. Department of the Army. 2013. P. 12, 29-30, 168.

⁵ FM 3-19.1 Military Police Operations. Washington, DC. Department of the Army. 2019. P. 31; ATP 3-39.12 Law Enforcement Investigations. Washington, DC. Department of the Army. 2013. P. 180.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

¹ AR 195-2 Criminal Investigation Activities. Washington, DC. Department of the Army. 2014. P. 2-3.

² AR 195-2 Criminal Investigation Activities. Washington, DC. Department of the Army. 2014. P. 27-30.

³ ATP 3-39.12 Law Enforcement Investigations. Washington, DC. Department of the Army. 2013. P. 14.

дознания;

3) производство по делам об административных правонарушениях и дисциплинарных проступках;

4) организация розыска и задержания военнослужащих, уклоняющихся от военной службы; содействие органам внутренних дел в розыске военнослужащих и лиц гражданского персонала, а также военного имущества;

5) исполнение уголовных наказаний, дисциплинарного ареста, содержание под стражей военнослужащих;

6) обеспечение охраны объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, служебных помещений органов военной прокуратуры и военных следственных органов;

7) обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства из числа военнослужащих, военных судей, прокуроров и следователей, иных лиц;

8) обеспечение безопасности дорожного движения в Вооруженных Силах;

9) выполнение задач гарнизонной службы¹.

Эти направления (подобно «дисциплинам» военной полиции США) обобщают 42 конкретные функции, возлагаемые на военную полицию Вооруженных Сил Российской Федерации статьей 20 ее Устава.

Наиболее важными и представляющими наибольший интерес при сравнении с таковыми у военной полиции США являются полномочия военной полиции Вооруженных Сил в области осуществления уголовной военной юстиции.

Ключевая роль в осуществлении полномочий органа дознания в Вооруженных Силах приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2015 г. № 50 отводится органам военной полиции. Командиры воинских частей и начальники

гарнизонов выступают в этой роли только в случаях невозможности осуществления этих функций военной полицией в установленные УПК РФ сроки.

При этом «полноценное» дознание органами военной полиции не проводится². В соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание по преступлениям, совершенным военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, лицами гражданского персонала Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, производится следователями военных следственных органов. Деятельность органов военной полиции по указанной категории преступлений заключается в приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлении и в принятии по результатам проверки решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности, т.е. в Следственный комитет Российской Федерации (подп. 2 и 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Способами проверки органом дознания или дознавателем сообщения о преступлении, в соответствии со ст. 144 УПК РФ, являются:

1) получение объяснений;

2) получение образцов для сравнительного исследования;

3) истребование материалов, документов и предметов и их изъятие;

4) назначение судебной экспертизы, если она может быть закончена за 30 суток;

5) осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов;

6) освидетельствование;

7) производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, если они могут быть закончены за 30 суток.

При наличии в действиях вышеназванных категорий лиц признаков пре-

¹ Организация деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : учебник / И.В. Гусев, В.В. Ершов, В.В. Калашников [и др.] ; Под ред. В.В. Ершова, С.В. Кураленко, С.В. Суровикина; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

² Бычков В.В. Орган дознания Вооруженных сил России // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 3(13). С. 88.

ступления, по которому является обязательным производство предварительного следствия, начальник органа военной полиции возбуждает уголовное дело, производит неотложные следственные действия, а после этого направляет уголовное дело руководителю военного следственного органа.

В соответствии с п. 19 ст. 5 УПК РФ неотложные следственные действия — действия, осуществляемые органом дознания в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

В соответствии с УВП ВС РФ военная полиция осуществляет меры по розыску военнослужащих и военного имущества, которые включают, помимо прочего, получение справок, иных документов и сведений от государственных и муниципальных органов, общественных объединений и организаций, опрос лиц, обследование местности, организацию преследования правонарушителей (ст. 192 УВП ВС РФ). При этом в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» к оперативно-розыскным мероприятиям относятся, в том числе, опрос, наведение справок, обследование участков местности, наблюдение и отождествление личности, а к задачам оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 2 указанного Федерального закона — осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания.

Таким образом, УВП ВС РФ, по сути, возлагает на военную полицию осуществление оперативно-розыскных мероприятий, на которые она соответствующим законом не уполномочена.

Также для исполнения уже упомянутой обязанности по реализации мер безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите, военным полицейским, по их собственному (в лице начальника Главного управления военной полиции В.С. Ивановского) заявлению, необходимы полномочия по оперативно-

розыскной деятельности¹.

Кроме того, на данный момент оперативно-розыскную деятельность в Вооруженных Силах осуществляют оперативные подразделения СВР России (только в целях обеспечения собственной безопасности СВР) и ФСБ России (в рамках весьма узкой юрисдикции). Возложение на военных полицейских функций по оперативному сопровождению деятельности военных следователей с учетом вышесказанного представляется целесообразным².

Как справедливо замечает С.А. Минтягов³, в соответствии с УВП ВС РФ функции и полномочия военной полиции в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время определяются нормативными правовыми актами Российской Федерации, в том числе и боевым уставом военной полиции, который до настоящего времени не принят.

Итак, общими для военно-полицейских органов Российской Федерации и США являются функции по обеспечению правопорядка и безопасности дорожного движения в войсках, охране объектов, осуществлению военной уголовной юстиции.

При этом военная полиция США наделена специфическими полномочиями в отношении гражданского населения и военнопленных, а также обязанностями по поддержанию снабжения войск и их мобильности, решению широкого круга боевых задач.

Военная полиция России имеет гораздо более ограниченные полномочия в области расследования преступлений и противодействия им, однако при этом они

¹ Военная полиция попросила права заниматься оперативно-розыскной деятельностью [электронный ресурс] // Независимое информационное агентство «Интерфакс» URL: <https://www.interfax.ru/russia/569990> (дата обращения: 22.11.2022).

² Чистяков Н. О. Военная полиция Вооруженных сил Российской Федерации как военный оперативно-розыскной орган: проблемные вопросы // Вестник науки. 2019. Т. 4. № 5(14). С. 203—204.

³ Минтягов С.А. Деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в военное время: правовой аспект // Военное право. 2022. № 1(71). С. 36.

распространяются на вооруженные силы в целом, в то время как юрисдикция военной полиции США ограничена сухопутными войсками.

Также необходимо отметить, что нормативно-правовое регулирование деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, в связи с относительно недавним ее возникновением, нуждается в расширении и доработке.

В целом система органов военной юстиции России является гораздо более децентрализованной и создающей тем самым меньше предпосылок для злоупотреблений и коррупции.

С учетом всего вышесказанного надевание военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации полномочиями для осуществления оперативно-розыскной деятельности представляется необходимым, а правом на проведение полноценного дознания по преступлениям, совершенным военнослужащими — желательным.

Библиография

1. Бычков, В.В. Орган дознания Вооруженных сил России / В.В. Бычков // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. —

2017. — № 3(13). — С. 86—91.

2. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. — Том II. Современное состояние военного права (институты военного права). — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.

3. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. — Том III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.

4. Кондратьев, С.М. Военная юстиция США / С.М. Кондратьев // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2016. — № 3(13). — С. 40—42.

5. Минтягов, С.А. Деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в военное время: правовой аспект / С. А. Минтягов // Военное право. — 2022. — № 1(71). — С. 34—41.

6. Организация деятельности военной полиции Вооружённых Сил Российской Федерации : учебник / И. В. Гусев, В. В. Ершов, В. В. Калашников [и др.] ; под ред. В.В. Ершова, С.В. Кураленко, С.В. Суровикина; Российский государственный университет правосудия. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. — 662 с. — EDN CEATVE.

4. Чистяков, Н.О. Военная полиция вооруженных сил Российской Федерации как военный оперативно-розыскной орган: проблемные вопросы / Н.О. Чистяков // Вестник науки. — 2019. — Т. 4. — № 5(14). — С. 202—207.

Преступление геноцида в практике органов международного правосудия

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник центра международного
права и сравнительно-правовых исследований,
профессор кафедры международного и
европейского права Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
© Апросимов Андрей Валерьевич,
магистрант Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации

Аннотация. В статье даются базовые характеристики преступления геноцида в рамках норм международного права, в частности Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., подробно рассматриваются его элементы и квалифицирующие категории. На основе анализа практики органов международного правосудия, а именно ad hoc трибуналов и Международного суда ООН, исследуются проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений геноцида индивидов и к международной ответственности государств. Обосновывается вывод о том, что несмотря на отсутствие единства относительно классификации оснований ответственности, различиях в компетенции и применяемой праве, деятельность всех элементов системы международного уголовного правосудия имеет общую задачу криминализации таких международных преступлений, как геноцид.

Ключевые слова: геноцид, Конвенция 1948 г., трибуналы МТБЮ и МТР, уголовная ответственность, Международный суд ООН, международная ответственность государств.

The Crime of Genocide in Practice of International Justice Bodies

© Kholikov I.V.,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the
Center of International Law and Comparative-Legal
Studies, Professor of the Chair of International and
European Law of the Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of the
Russian Federation
© Aprosimov A.V.,
Master Degree Student of the Institute of Legislation
and Comparative Law under the Government of the
Russian Federation

Abstract. The article gives basic characteristics of the crime of genocide within the framework of international law, in particular of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide 1948, its elements and qualifying categories. Basing on the analyses of practice of international justice bodies, such as ad hoc tribunals and the UN International Court of Justice, the problem issues of bringing of individuals to criminal responsibility and states to international responsibility for committing the crimes of genocide are studied. The conclusion is stipulated that, despite the absence of unity on classification of grounds for responsibility, differences in competence and applicable law, the activity of all elements of international justice system has the joint task of criminalization of such international crimes as genocide.

Keywords: genocide, Convention of 1948, ICTY and ICTR tribunals, criminal responsibility, UN International Court of Justice, international responsibility of states.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него была принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. (резолюция 260 А [III]) и вступила в силу в 1951 г. Согласно Конвенции, геноцид — это преступление, которое может иметь место как во время войны, так и в мирное время. Ст. 2 Конвенции определяет геноцид как преступление, совершенное с намерением уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу, полностью или частично. Данное определение стало результатом переговорного процесса и отражает компромисс, достигнутый государствами — членами Организации Объединенных Наций при разработке Конвенции в 1948 г. Важно отметить, что Конвенция устанавливает обязанность государств-участников принимать меры по предотвращению, в том числе путем принятия соответствующего законодательства, и наказывать виновных за преступление геноцида «независимо от того, являются ли они конституционно ответственными правителями, государственными должностными лицами или частными лицами» (ст. 4).

Согласно ст. 6 Римского статута Международного уголовного суда (МУС), геноцид означает любое из следующих действий, совершенных с намерением уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- (а) убийство членов группы;
- (б) причинение серьезного физического или психического вреда членам группы;
- (в) умышленное создание для группы условий жизни, рассчитанных на ее полное или частичное физическое уничтожение;
- (г) введение мер, направленных на предотвращение рождения детей внутри группы;
- (д) принудительный перевод детей из группы в другую группу.

Определение геноцида состоит из двух элементов: физического элемента — совершения преступного акта и ментального элемента — намерения. Чтобы квалифицировать геноцид, у исполнителей должно быть доказанное намерение физически

уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Уничтожения культуры недостаточно, равно как и намерения просто рассеять группу, хотя это может представлять собой преступление против человечности, как указано в Римском статуте. Именно это особое намерение, или *dolus specialis*, делает преступление геноцида таким уникальным.

Геноцид своеобразен по сравнению с другими преступлениями против человечности или военными преступлениями по нескольким пунктам: охватываемые деяния, категория, составляющая целевую группу, и конкретное намерение преступника (*mens rea*). Рассмотрим эти категории подробнее.

Немедленное или возможное биологическое уничтожение. Рассматриваемые деяния выходят за рамки убийства. Это следующие преднамеренные деяния, направленные на уничтожение (немедленно или в перспективе) группы как таковой: действия, умышленно создающие для группы условия жизни, рассчитанные на ее уничтожение, а также принятие мер, направленных на предотвращение рождения внутри группы, насильственное перемещение детей, причинение тяжких телесных повреждений или психических повреждений членам группы (включая изнасилование).

Уничтожение группы. Здесь имеются в виду действия, которые направлены не против человека как такового, а по причине того, что он или она является членом национальной, расовой, этнической или религиозной группы. В Конвенции перечислены объективные критерии, в соответствии с которыми человек принадлежит к одной из подобных групп, однако четко они не определяются, что предоставляет широкие возможности для их толкования, в том числе международными уголовными трибуналами. В частности, по мнению трибуналов, существование группы может также основываться на субъективных критериях, в соответствии с которыми те, кто совершил преступления, выявляли и клеймили членов группы. Такие критерии включают в себя то, что преступники воспринимали как национальные, этнические,

расовые и религиозные виды соответствующей группы (Международный трибунал по Руанде (МТР): Дело Кайишемы, 21 мая 1999 г.; Дело Рузинданы, 21 мая 1999 г.; Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ): дело Елишича, 5 июля 2001 г.; Дело Сулика Кэмп [Обвинитель против Николича, 4 февраля 2005 г.]).

Уничтожение полностью или частично. Предполагается, что должны быть совершены действия с намерением полностью или частично уничтожить группу. Толкование этого положения поднимает вопрос о том, касается ли требование об уничтожении «полностью или частично» только уничтожения или также намерения. Это частично связано с вопросом о характере группы. Согласно прецедентному праву международных уголовных трибуналов, намерение уничтожить должно иметь место в отношении значительной части целевой группы, что может измеряться количественными (число жертв в группе) или качественными (статус жертв в группе) критериями (дело Елишича, МТБЮ, 5 июля 2001 г.) и должно оцениваться с точки зрения того, что произошло с остальной частью группы (дело Крстича, МТБЮ, 19 апреля 2004 г.). Действительно, некоторые акты, которые приравниваются к геноциду, не обязательно провоцируют немедленную смерть, но делают невозможным выживание группы в краткосрочной или среднесрочной перспективе.

Доказательство конкретного намерения уничтожить. Как отмечалось выше, одна из трудностей определения геноцида заключается в том, что соответствующие акты должны свидетельствовать о конкретном намерении уничтожить, помимо конкретных лиц, группу как таковую. Недостаточно того, что правонарушитель совершил деяние, необходимо доказать, что он стремился к конечному результату преступления — уничтожению, полностью или частично, конкретной группы (МТР: Дело Камбанды, 19 октября 2000 г.; Дело Кайишема, 21 мая 1999 г.; Дело Рузинданы, 21 мая 1999 г.).

Согласно судебной практике, такое намерение может вытекать из политики геноцида, о наличии которой могут свиде-

тельствовать публичные заявления властей, масштабы, характер, точность и тщательность планирования совершенных преступлений. Согласно Элементам преступлений Международного уголовного суда, наличие умысла и осведомленности может быть установлено в каждом конкретном случае.

В соответствии с положениями Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.:

— запрет на геноцид должен соблюдаться всегда, будь то в мирное или военное время;

— предусматривается наказание не только за акт геноцида, но и за любой сговор, прямое и публичное подстрекательство, покушение на совершение геноцида или соучастие в совершении геноцида (ст. 3);

— все лица, совершающие такие акты, должны быть наказаны, независимо от того, являются ли они «конституционно ответственными правителями, государственными должностными лицами или частными лицами» (ст. 4);

— государства-участники признают геноцид преступлением против международного права и обязуются предупреждать это преступление и наказывать за него (ст. 1), принимать законодательство, устанавливающее эффективные наказания для лиц, совершающих эти преступления, и допускающее безусловную выдачу обвиняемых запрашивающим странам (ст. 5, 7);

— Международный Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении спора между государствами относительно толкования Конвенции (ст. 9);

— все государства-участники могут «призвать компетентные органы Организации Объединенных Наций принять такие меры, которые они считают уместными для предотвращения и пресечения таких актов» (ст. 8).

— юрисдикцией в отношении преступления являются суды государства, на территории которого было совершено деяние (ст. 6), и Международный уголовный суд, создание которого первоначально обсуждалось в 1948 г.

Как показывает практика, национальные суды достаточно сдержанно относятся к наказанию за такие преступления, сам характер которых подразумевает участие национальных властей. Это обстоятельство несколько обесценивает положения Конвенции 1948 г., касающиеся данного аспекта, поскольку суды стран, в которых совершается преступление геноцида, вряд ли будут предотвращать или наказывать за эти акты в какие-либо разумные сроки. Это объясняет, почему геноцид обычно остается безнаказанным и почему Конвенция никогда не применялась национальными судами, будь то в Камбодже в 1975 г. или в Руанде в 1994 г.

Интересно отметить, что Руанда не выполнила своего обязательства по ст. 1 Конвенции 1948 г. квалифицировать геноцид в качестве преступления, наказуемого в соответствии с ее собственным внутренним законодательством. Она обновила национальное законодательство только после геноцида руандийских тутси в 1994 г. (Органический закон № 08/96 от 30 августа 1996 г. об организации судебного преследования за преступления, представляющие собой преступление геноцида или преступления против человечности, совершенные с 1 октября 1990 г.).

Что касается идеи создания международного уголовного суда, то она не получила больше поддержки со стороны государств в течение пятидесяти лет до принятия в 1998 г. Римского статута, учредившего Международный уголовный суд.

Необходимо отметить, что принципы, которые лежат в основе Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., являются обязательными для государств даже без каких-либо конвенционных обязательств, поскольку были провозглашены неотъемлемой частью императивных норм международного права *jus cogens*. Более того, обязательства государств по предотвращению преступления геноцида и наказанию за него рассматривались как *erga omnes* по своей природе¹.

Сложилось три формы уголовной ответственности за геноцид: прямая ответственность за геноцид, пособничество геноциду и подстрекательство к нему («соучастник ответственности по международному праву») и ответственность командования за геноцид. Прямая ответственность возникает, когда субъект отвечает только за свои действия, в то время как ответственность сообщника и ответственность командования являются формами производной ответственности, при которой сообщник или командир несет ответственность за действия другого лица.

Прямая ответственность за геноцид является наиболее распространенной и наиболее интуитивной формой ответственности за геноцид. Фактический результат для прямой ответственности достигается, если субъект выполняет п. «а» — «е» ст. 2 Конвенции о геноциде. Таким образом, убийство или причинение серьезного телесного или психического вреда удовлетворяет требованию *actus reus*.

МТБЮ и МТР были единодушны в том, что требованием *mens rea* для прямой ответственности является конкретное намерение или целеустремленность. Они определили требования к конкретному намерению геноцида как состоящие из двух элементов: (1) запрещенное деяние должно быть совершено против отдельного лица из-за его принадлежности к определенной группе и (2) в качестве дополнительного шага в общей цели уничтожения группы. Таким образом, убийство без намерения уничтожить защищаемую группу не является геноцидом.

Несмотря на наличие разногласий, большинство представителей прецедентного права рассматривает участие в общем преступном предприятии или совместном преступном предприятии («JCE») как форму прямой ответственности за геноцид. Ответственность JCE возникает, когда все члены предприятия действуют в соответствии с общим планом и преследуют одни и те же преступные намерения.

¹ Сазонова К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное

оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72—79.

Таким образом, *actus reus* и *mens rea* для ответственности JCE такие же, как и для индивидуального совершения геноцида, но с дополнительными требованиями наличия более одного участника и общего плана.

Статья 7(1) Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и ст. 6(1) Международного уголовного трибунала по Руанде устанавливают, что лицо, которое планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом помогало и подстрекало к планированию, подготовке или исполнению преступления, несет индивидуальную ответственность за это преступление. Однако у трибуналов возникли сложности в классификации ответственности за соучастие в геноциде в отличии от пособничества геноциду и подстрекательства к нему. Этому в немалой степени способствовало отсутствие обвинительных приговоров за соучастие в деле о геноциде.

Привлечение к ответственности за преступление геноцида не от имени отдельных государств, а от имени всего мирового сообщества подчеркивает недопустимость совершения подобных преступлений и ставит под защиту любую расовую, национальную, этническую либо религиозную группу. В то же время в теории международного уголовного права уже ставился вопрос о слишком узкой трактовке термина «геноцид», что создает определенные проблемы для привлечения к международной уголовной ответственности за такого рода деяния. Например, это не позволило привлечь к ответственности по нормам международного уголовного права генерала А. Пиночета.

Думается, что такой узкий подход к пониманию геноцида не отвечает современным вызовам мировому сообществу. В настоящее время представляется вполне возможным вести речь, в частности, о «политическом геноциде», когда преследуется определенная группа носителей политических или идеологических взглядов, преследуется инакомыслие, что отчасти наблюдалось в тоталитарных

государствах. Помимо этого, в защите нуждаются и такие социальные меньшинства, которых отличают от большинства языковые, этнические, религиозные и культурные характеристики, и преследование которых потенциально тоже может перерасти в геноцид. В связи с этим, на наш взгляд, должен ставиться вопрос о расширении понятия «геноцид» в рассматриваемом аспекте.

Исходя из практики применения норм международного уголовного права об ответственности за геноцид (с учетом опыта МТБЮ и МТР), следует выделить следующие существенные признаки:

1) стабильность группы означает наличие определенных связей между ее членами, которые могут выражаться в посещении единой церкви, наличии единых общих традиций, культурного наследия;

2) постоянство связано с временным признаком существования определенной группы;

3) практика МТБЮ свидетельствует о том, что необязательно группа должна относиться только к одному идентификационному признаку (религия, этнос, раса, национальность). Вполне допустимо наличие устойчивой группы, образующейся на основе сочетания признаков. Например, «боснийские мусульмане».

Следует отметить, что практика международной уголовной ответственности за геноцид складывалась не только в процессе применения непосредственно Статута МУС. Юрисдикция МТБЮ, согласно ст. 2 Устава, распространяется на лиц, которые совершали или отдавали приказы о совершении серьезных нарушений Женевских конвенций. Компетенция Международного трибунала по Руанде была связана исключительно с геноцидом в Руанде в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. В компетенцию Специального суда по Ливану входит терроризм, который не входит в компетенцию МУС.

Применительно к геноциду и определению его *actus reus* серьезное значение сыграла практика МТБЮ, в уставе которо-

го *actus reus* определяется аналогично, при этом практика МТБЮ сложилась таким образом, что ответственность предполагается не только непосредственно за убийство, но и за бездействие по предотвращению убийства. Исходя из этого, непосредственно рассматриваемое деяние может быть выражено как в активных, так и в пассивных действиях, если они при этом связаны с признаками, упомянутыми в пунктах «б» – «г», и на виновном лице лежала соответствующая обязанность по недопущению смерти потерпевшего.

Исторически сложилось так, что международное право касалось только действий государств, в то время как лица, через которых государства действовали, оставались почти полностью вне его компетенции¹. Тем не менее, после окончания холодной войны в международной правовой системе возродились движущие идеи, лежащие в основе Нюрнбергского и Токийского процессов, — установление индивидуальной уголовной ответственности за тяжкие зверства и массовые нарушения прав человека и законов вооруженных конфликтов в соответствии с международным правом и в международных судах, если национальные судебные системы не желают или не могут преследовать правонарушителей². Создание Советом Безопасности Организации Объединенных Наций *специальных* международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и создание смешанных интернационализованных уголовных трибуналов, таких как трибунал по Сьерра-Леоне, в конечном итоге привели к созданию постоянного Международного уголовного суда, который рассматривает дела только в отношении физических лиц.

¹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // *Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение*. 2022. № 4(297). С. 102—111.

² См. подробнее: Холиков, И.В. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // *Государство и право*. 2022. № 10. С. 51—62.

По спорам между государствами уполномочен выносить решения Международный суд ООН, который столкнулся с трудностями при толковании применимости *mens rea* — важнейшего конституционного элемента геноцида — к правовым элементам ответственности государства. Совершенно ясно, что государство как абстрактная суверенная сущность не обладает никаким ментальным элементом. Чтобы возложить на государство ответственность за геноцид, Международный суд ООН рассматривал поведение отдельных государственных должностных лиц и вопрос о том, может ли их поведение быть приписано государству.

В процессе создания системы международной уголовной юстиции предполагалось, что, в случае совершения международного преступления государством, например, геноцида, те органы международного правосудия, которые будут устанавливать ответственность индивидов (МУС), и те органы международного правосудия, которые будут определять ответственность государств (Международный суд ООН), будут работать в тесном взаимодействии, поскольку, не смотря на то, что они работают с принципиально различными субъектами, объективная сторона правонарушения может частично совпадать. Ситуация, однако, существенно осложняется тем, что многие страны не подписали Римский статут МУС, а также тем, что большинство государств не признает обязательную силу решений Международного суда ООН.

Судебная практика Международного суда ООН по ответственности государства за геноцид остается скудной и включает недавнее спорное дело Босния против Сербии, которое рассматривали 14 лет, а также консультативное заключение об оговорках к Конвенции о геноциде. Хотя теоретически можно предположить, что преступление геноцида может быть совершено преступником-одиночкой, преступление обычно ассоциируется с государственной политикой. Следовательно, особый контекст, в котором совершается преступление, рассматривается как неотъемлемый элемент геноцида теми, кто вы-

ступает за включение требований государственного плана или политики в определение преступления.

Геноцид — это не просто преступление против отдельных лиц из-за их принадлежности к группе, а покушение на существование защищенных человеческих групп. Список охраняемых групп также является исчерпывающим — уничтожение политических или других социальных групп, например, не является геноцидом в соответствии с международным правом. Это было раскритиковано некоторыми авторами как «слепое пятно» Конвенции о геноциде, которые каким-то образом должны быть исправлены с помощью обычного права¹.

Хотя еще не так давно геноцид был единственным международным преступлением, которое не требовало связи с вооруженным конфликтом, оно совершенно не соответствует реалиям современного международного права², поскольку уничтожение других человеческих групп и коллективов, не охватываемых Конвенцией о геноциде, квалифицируется как преступления против человечности и наказуемы в соответствии с международным уголовным правом. При этом необходимо подчеркнуть, что преступления против человечности ничуть не менее отвратительны, о чем красноречиво свидетельствуют зверства красных кхмеров против членов их собственной этнической группы. Убийство, истребление или депортация являются преступлениями против человечности, когда совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения, направленного против любого гражданского населения, и с осознанием этого нападения. Представляется возможным констатировать, что именно преступный умысел преступника, а не внешние прояв-

лениях его или ее поведения, таких как организация, планирование или количество смертей, делает геноцид юридически отличным от преступлений против человечности.

В 2007 г. Международный Суд ООН в заключении по делу о Боснии и Герцеговине и геноциде со стороны Сербии и Черногории, вынес утверждение, согласно которому именно сознательное намерение уничтожить национальную, этническую, расовую или религиозную группу характерно именно для геноцида и отличает его от других аналогичных преступных деяний, таких как преступления против человечности и преследование³. В 2015 г. Международным судом ООН было вынесено решение по поводу спора между Хорватией и Сербией, где вновь был подтвержден принцип умышленности в качестве необходимого квалификационного признака геноцида.

Как видно из предыдущего изложения геноцида, его определяющие элементы находятся главным образом в области международного уголовного права. Тем не менее, хотя геноцид является преступлением, за существование которого должно быть лицо, несущее уголовную ответственность, он также является международно-противоправным деянием в том смысле, что его совершение может повлечь за собой ответственность государства в соответствии с обычными нормами присвоения отдельных деяний государству. Если надлежащий стандарт присвоения соблюдается, индивидуальная и государственная ответственность действуют одновременно, поскольку и государство, и физическое лицо могут нести ответственность за одно и то же деяние в соответствии с международным правом.

Однако цели, которым служат эти два вида ответственности, будут разными — уголовная ответственность лица будет служить общим целям наказания, сдерживания и предотвращения, в то время как

¹ Van Schaack, 'The Crime of Political Genocide: Repairing the Genocide Convention's Blind Spot', 106 Yale LJ (1997) 2259.

² См. подробнее: Холиков И.В. Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148.

³ Case "Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide" (Bosnia & Herzegovina v. Serbia & Montenegro). International Court of Justice. 2007.

ответственность государства будет корректирующей и репарационной, а не карательной.

Как теоретически, так и практически обязанность государств не совершать геноцид носит основополагающий характер, и ответственность государства за нарушение этого обязательства имеет наибольшее значение. Однако в соответствии с Конвенцией о геноциде государства не только несут фундаментальную обязанность не совершать геноцид, но и имеют ряд других, вспомогательных обязательств, таких как обязанности по предотвращению геноцида и наказанию за него. Это подводит нас к вопросу о том, могут ли государства нести ответственность за невыполнение этих обязательств и каково было бы практическое значение, если таковое имеется, ссылки на ответственность государства за нарушения этих обязательств.

В 2001 г. Комиссия международного права (КМП) ООН приняла статьи об ответственности (*responsibility*) государств за международные противоправные деяния, а в 2016 г. на 71-й сессии ГА ООН была принята резолюция A/RES/71/133 «Ответственность государств за международные противоправные деяния». В основу статей о международной ответственности государствам была возложена концепция объективной ответственности, а не традиционной. Согласно ей, ответственность наступает независимо от наличия причиненного вреда или вины вследствие нарушения нормы.

Именно эта концепция максимально раскрывает юридическую природу современной международной ответственности.

Выделим признаки ответственности, которые присущи современной концепции международной-правовой ответственности:

- 1) наступает за совершение международного правонарушения или за вредные последствия действий, еще не нарушающих норм международного права;
- 2) направлена на обеспечение международного правопорядка;
- 3) связана с негативными для правонарушителя последствиями;

4) реализуется в международных правоохранительных отношениях, возникающих между субъектом правонарушителем (чаще всего государством) и международным сообществом в целом (в случае нарушения норм *jus cogens* и *ergo omnes*).

В заключение необходимо отметить, что компетенция международных трибуналов *ad hoc* прописана в их уставах и обычно связана с конкретными событиями, произошедшими в определенный период времени. Кроме того, как отмечает А.Г. Волеводз, при порой весьма серьезных различиях в компетенции и применяемой праве, деятельность всех элементов системы международного уголовного правосудия имеет общую задачу, а именно «криминализацию в международном праве преступлений, отнесенных к их юрисдикции, т.е. международных преступлений»¹.

В доктрине отсутствует единство относительно классификации оснований ответственности, однако, большинство исследователей выделяют юридические и фактические основания международно-правовой ответственности.

Юридические основания международно-правовой ответственности представляют собой международно-правовые документы, определяющие какие-либо действия субъектов международного права как противоправные, либо содержащие нормы международного права, которые нарушены субъектами международного права. Фактические основания ответственности представляют собой совокупность юридических фактов, которые можно классифицировать как международное правонарушение: а) какое-либо поведение, заключающееся в действии или бездействии, может, согласно международному праву, присваиваться государству и б) такое поведение представляет собой нарушение международного обязательства этого государства.

¹ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. № 2. 2009. С. 55—68.

Библиография

1. Волеводз, А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. — 2009. — № 2. — С. 55—68.

2. Сазонова, К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика / К.Л. Сазонова // Государство и право. — 2014. — № 11. — С. 72—79.

3. Холиков, И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. № 11. — С. 132—148. — DOI 10.12737/jrl.2022.122.

4. Холиков, И.В. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4(297). — С. 102—111.

5. Холиков, И.В. Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) / И.В. Холиков, В.М. Большакова, П.Ю. Наумов, Р.В. Зелепукин // Государство и право. — 2022. — № 10. — С. 51-62. — DOI 10.31857/S102694520021788-7.

6. Van Schaack, 'The Crime of Political Genocide: Repairing the Genocide Convention's Blind Spot', 106 Yale LJ (1997) 2259.